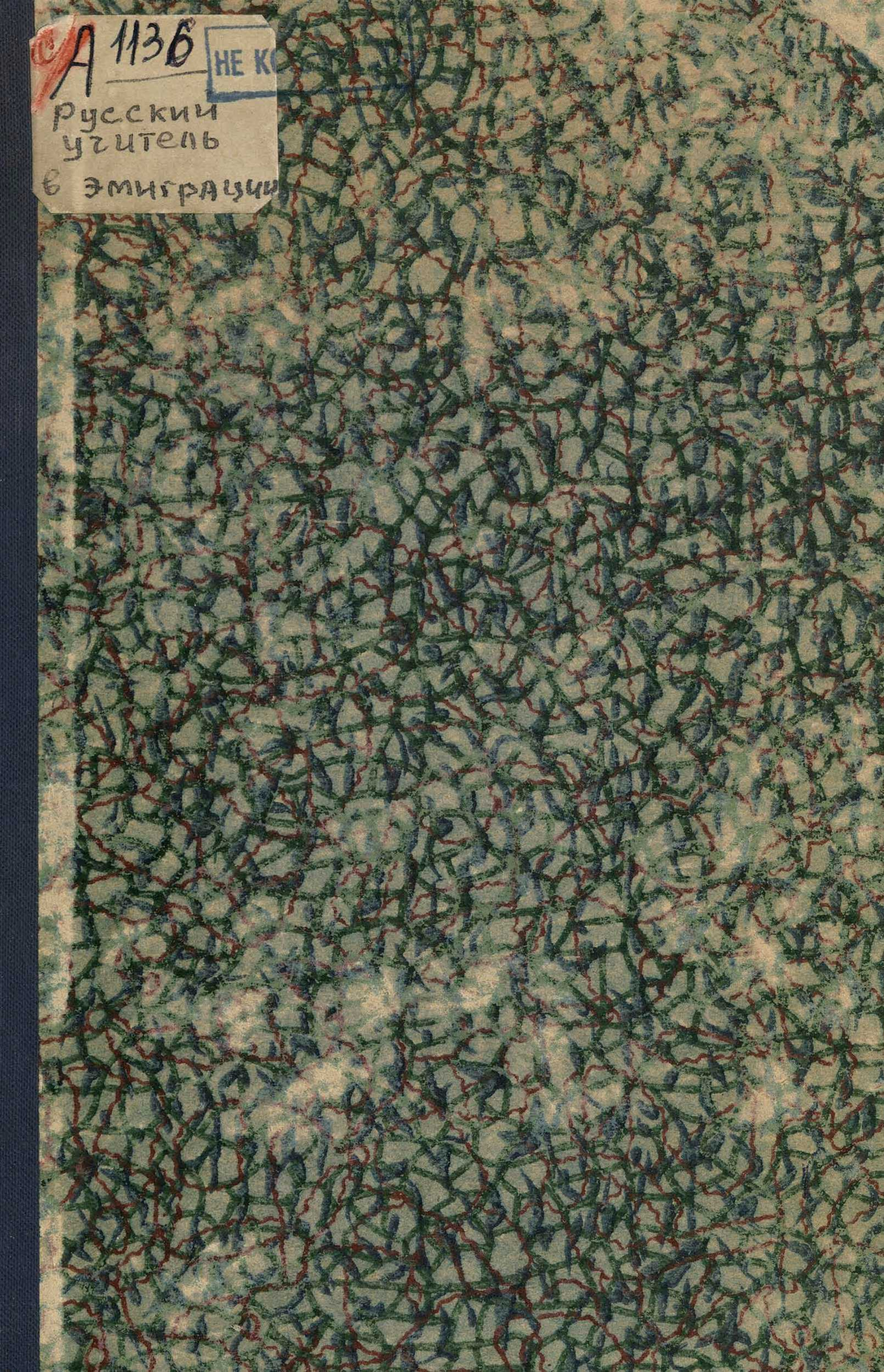

А 1136
Русский учитель в эмиграции

НЕ КОПИРОЗАТЬ

ОБЪЕДИНЕНИЕ
РУССКИХ УЧИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ЗАГРАНИЦЕЙ

А 1136
801-94
5355-8

РУССКИЙ УЧИТЕЛЬ В ЭМИГРАЦИИ

ПРАГА
1926

A 1136

РУССКИЙ УЧИТЕЛЬ В ЭМИГРАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПРАГА
1926

с. к.
XXIII — 989

11195-4

Издание Объединения Русских Учительских Организаций
Заграницей. Praha I., ul. Karoliny Světlé č. 21.
Tiskem „Legiografie“, Praha-Vršovice, Sámova 665.

КНИГА ИМЕЕТ

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1957 г.
18							833 / 41	

627/16—253 тыс

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ШКОЛЕ

(Вместо предисловия)

С ликвидацией последних фронтов вооруженной борьбы с большевиками Крымская эвакуация завершила массовое переселение русских людей заграницу. Часть русского народа оторвалась от живого тела России, покинула родную почву. Новые условия, полное отсутствие материальных средств, деловых связей, новый быт, новый уклад жизни заставили русских людей с первых же дней пребывания на чужбине стать перед насущной задачей — искания средств к существованию. Лица интеллигентной, специальной профессии, так или иначе, раньше или позже, но в некоторой своей части получили возможность применения своих знаний, если не на условиях соответствия их образовательного ценза и стажа новому служебному положению, то в большей или меньшей степени приближающейся к нему.

Учителя-профессионалы, как лица, связанные в своей работе прежде всего с русской школой, оказались в несравнимо худших условиях. Из России эвакуировалось всего лишь несколько школ с постоянным комплектом преподавателей. Школ эмигрантского типа было очень мало, их надо было создавать. Правда, в новых государственных образованиях, возникнувших на некоторых окраинных территориях бывшей Российской империи, с ко-

ренным русским населением, куда прежде всего устремилась эмиграция, условия для организации русских учебных заведений были как будто бы более благоприятными, чем в странах запада и юга Европы. Но условия сложного процесса строительства молодых государств, ликвидация тяжелого наследия только что минувшей военной эпохи и упорядочение многих вопросов политического и социально-экономического характера — в общем, в первые годы существования этих государств мало благоприятствовали планомерной организации школьного строительства, как по обслуживанию населения господствующей национальности, так и в деле поддержки просветительных мероприятий в среде, так наз., меньшинств, в частности, русского населения. И лишь 1921 год можно считать для некоторых молодых государств годом начала существования русских меньшинственных школ. Для типично эмигрантских школ, возникших в разных странах, преимущественно на Балканском полуострове, в центральной и в западной Европе, 1921 год также может быть назван годом начала их жизни.

Русское профессиональное учительство, многими сотнями ушедшее в эмиграцию, и побуждаемое на чужбине, с одной стороны, идейными и культурными целями, с другой — насущной потребностью получения средств к существованию и приложения своих знаний в практической работе по воспитанию и образованию русских детей, очутившихся за рубежем, явилось в большинстве случаев возникновения эмигрантских школ активным организатором и инициатором в деле их создания. При минимальных средствах, иногда даже при отсутствии реальной поддержки со стороны сколько-нибудь значительных групп организованной русской общественности, оно часто во многих уголках рассеяния эмиграции закладывало очаги национального просвещения. Часто в полуразрушенных помещениях, сараях, деревянных бараках с протекающими крышами, не только без учебных книг и пособий,

но и без всего того, что называется школьной мебелью, в холоде и голоде русский учитель на чужбине начинал свою просветительную работу. В большинстве случаев такой почин одного или нескольких педагогов встречал впоследствии поддержку, как со стороны местных благотворительных и просветительных обществ и групп родителей, так и со стороны центральных общественных организаций в эмиграции. В последнем случае школа выходила из состояния неустойчивого равновесия, под нее подводился более или менее определенный бюджетный фундамент, вырабатывался постепенно распорядок школьной жизни, устанавливался учебный план, определялся тип школы, за учителем закреплялись права на получение не случайных денежных поступлений в счет поурочной платы, а на более или менее постоянное месячное содержание.

Материальная необеспеченность родителей учащихся являлась главной причиной того явления, что большинство школ, содержавшихся исключительно на взносы платы за правоучение, в скором времени после возникновения оказывались не в состоянии продолжать свое существование, т. к. поступавшей платы не хватало на удовлетворение самых неотложных нужд. Учителя по нескольку месяцев не получали содержания, единственного их источника существования. В таких условиях полуголодного существования учитель вынужден был искать для себя дополнительный заработок. Но от этого учебная сторона школы падала и жизнь в ней постепенно угасала. Затем, судьба беженской школы находилась в зависимости от колебаний спроса на рабочие руки и от устойчивости валюты по отдельным странам. Изменялись эти факторы к лучшему в какой нибудь стране, и волны русских беженцев перекатывались туда. Так было еще совсем недавно, в 1921—1923 г. Этими приливами и отливами беженских масс объясняется явление возникновения русских школ в одном месте, затем их умирание, затем новое возникнове-

ние их уже в другом месте, в другой стране. Только со времени стабилизации валюты в разных государствах Европы и уменьшения процесса стихийного передвижения беженских масс из одной страны в другую, появились объективные условия для укрепления позиций и роста уже существующих эмигрантских школ.

Уже с 1922 года все эмигрантские школы, за единичными исключениями, по источникам их финансирования и размерам получаемой помощи со стороны могут быть отнесены к двум категориям — школы существующие на средства правительств страны, где они находятся, и школы поддерживаемые ежемесячными ассигновками Земско-Городского Комитета в Париже.

Исключительной по размерам является помощь со стороны правительств братских славянских народов — чехословаков, сербов-хорватов-словен и болгар. Никакие вещественные памятники гуманного отношения, моральной и материальной помощи этих народов русской эмиграции так не запечатлеют величие и ценность всего принесенного ими делу культурного и духовного сближения сынов славянства, как всегда живущее, свежее, из глубины души исходящее горячее чувство благодарности каждого из тысяч бывших воспитанников этих русских школ к братскому народу, к другу одинаково бескорыстному и во времена благополучия и в моменты несчастий. Добрые дела никогда не забудутся и принесут благодарные плоды.

Приходится особо подчеркнуть разнообразную и щедрую помощь со стороны Правительства Чехословацкой Республики русским учреждениям и организациям, преследующим задачи просветительного характера. И в первую очередь приходится признать, что материальные, правовые, моральные условия существования русского учителя, преподающего в русских школах в Чехословакии, могут быть названы наилучшими по сравнению с

условиями существования русского учителя в других странах.

Сравнительно большую помощь, в соответствии с имеющимися в его распоряжении средствами, оказывает русской эмигрантской школе в разных государствах Российский Земско-Городской Комитет в Париже. Часть школ в разных государствах существует исключительно на средства Комитета, часть же получает значительную долю денежной помощи от него, а недостающие средства к бюджету покрывает путем взимания платы за правоучение, путем получения денежной поддержки от православных приходов, организацией самообслуживаемых предприятий (огороды, сады), устройством благотворительных вечеров, лекций и т. п.

Количество эмигрантских школ, распределение их по отдельным странам, их тип, условия их существования определяют количество, распределение и положение эмигрантского учительства. И потому говорить о положении эмигрантского учительства в отдельных странах приходится в связи с обрисовкой, хотя бы в самых общих чертах, положения существующей там эмигрантской школы.

Положение большинства эмигрантских школ приходится считать настолько своеобразным и отличным от положения школ господствующей национальности, что самая оценка работы их и их педагогических достижений нуждается в особом коррективе. Приходится принимать во внимание не только всю совокупность неблагоприятных внешних условий, как-то: отсутствие собственных школьных зданий, недостаточность, а в некоторых случаях и полное отсутствие необходимого школьного инвентаря, учебных пособий, книг и т. п., но и учитывать факты, не так ярко бросающиеся в глаза, но являющиеся чуть ли не главнейшими в вопросе оценки педагогической работы учителя в эмигрантской школе. Прежде всего приходится отметить необычность, по сравнению со школами

довоенной эпохи, состава учащихся в беженских школах. Тысячи русских молодых людей, юношей и девушек, событиями мировой и гражданской войн были оторваны от школы, десятки и сотни из юношей, увлеченных стихией междоусобной борьбы, не докончив образования, уходили на поля сражений и прямо со школьной скамьи окунались с головой в пучину ужасов и крови; многие из них гибли, многие с экстазом слепой юности проявляли чудеса храбрости, самопожертвования. А кровь, а все ужасы и кошмары войны изо дня в день отравляли и губили нежные всходы добра и правды в молодой растущей душе. Зачастую вчерашний гимназист сегодня делается офицером, начальником. Но вот отгремели последние раскаты грозы, кончились фронты, прошли эвакуации и наступили совсем новые условия жизни. Вооруженная борьба на поле брани сменилась мирной борьбой за средства к существованию, за кусок хлеба. Почти все, во что верилось, погибло и надо было пытаться, если не поздно, начинать жить сначала. Но знаний и умения трудом, выдержкой, самодисциплиной добывать средства к существованию нет. Их надо приобрести. Надо возобновить прерванное учение и сесть за школьную скамью. И десятки, если не сотни, бывших вчера еще командиров, поручиков, капитанов, даже полковников в возрасте 20—25 лет, одиночками и группами добровольно поступают в открывающиеся одна за другой эмигрантские школы в Константинополе, Болгарии, Югославии. Таких случаев почти каждая беженская школа юго-востока Европы знает несколько.

Приходится ли задавать вопрос — какой трудности задача предстояла учителю-эмигранту в таком случае. Уже один факт наличия в одном и том же классе учащихся разных возрастных групп, в 15 и 25 лет, делал педагогическую работу учителя очень трудной. Пестрота индивидуальностей учащихся дополнялась полюсными противоположностями психического содержания, разни-

цей в подходах, в установках на многие вопросы жизни, в одном случае мальчика 15 лет, в другом — взрослого человека, учащихся одного и того же класса.

Если категорию учеников-полковников в беженской школе приходится считать десятками, то что представляет собою масса беженских детей учащихся, главным образом, старшего возраста, как психологический материал? Мы имеем возможность проверить свои наблюдения над детьми беженцев их письменными свидетельствованиями о самих себе. Книга «Дети эмиграции», изданная в г. Праге Педагогическим Бюро, в жуткой мозаичной картине показывает нам типы детей беженцев, структуры их душ, дает их характеристики. Тяжкие испытания пали волею судьбы на их слабые плечи. Есть среди них и бывшие смертники, и видавшие преисподнюю ада. Многие из них обречены до конца дней своих сохранять мучительные воспоминания о пережитом. Надлом, искривление растущих душевных сил, явления моральной депрессии, невоздержанность, недисциплинированность, отвык от систематического труда, от школьной жизни и т. п. — вот характерные черты первого контингента учащихся многих эмигрантских школ. В годовых отчетах, а, в особенности, в письменных обзорах истории отдельных эмигрантских школ в Финляндии, Болгарии, Югославии, Чехословакии и в других странах мы находим упоминание таких явлений.

И если приходится говорить о трудности педагогической работы вообще, то эти трудности удесятеряются при наличии указанных выше условий. Тем не менее, из ряда документов мы узнаем, что официальные отчеты ревизоров и экзаменационных депутатов от центральных правительственных ведомств в разных странах в нескольких, далеко не единичных, случаях свидетельствовали не только высокий образовательный уровень оканчивающих

эмигрантские школы, но и достойную похвалы постановку учебно-воспитательного дела в них.

Эмигрантский учитель в новых, подчас суровых условиях педагогической работы, не только приспособился к ним, но оказался достойным преемником лучших педагогических традиций русской школы. Не везде, где существует русская школа за рубежем, в силу разных условий педагогическая работа вручена профессионалу педагогу. В некоторых странах значительный процент учащих в них составляют педагоги новой формации, лица разных профессий: инженеры, офицеры, врачи, священники, чиновники б. государственных учреждений. Но очень часто приходится убеждаться, что процесс педагогической деятельности, атмосфера творчества, многих из них вовлекает в сферы вопросов и проблем как практической, так и теоретической педагогики. Они читают педагогическую литературу, изучают методики отдельных предметов, знакомятся с историей педагогических идей и постепенно вовлекаются в круг интересов педагогического строительства.

Некоторые из них только теперь «нашли себя», полюбили педагогическую работу и весь досуг свой стали отдавать школе. Помимо добровольного участия учителей в руководстве или в сотрудничестве в разного рода ученических культурно-просветительных, спортивных и иных кружках, в организации ученических спектаклей, концертов, в издании ученических журналов, — беженская школа знает много случаев, когда учителя отдавали делу упорядочения материальной стороны школы даже те немногие часы досуга, которые у них оставались после напряженной дневной работы. Нам известен случай, когда директор одной очень бедствующей гимназии, не предприниматель, а избранный учителями и родителями на должность главы учебного заведения, самолично в послеурочные часы и в праздники сооружал каменные печи, ремонти-

ровал полы и стены деревянного барака, в котором помещалась гимназия, чинил крышу, мастерил школьную мебель и т. п. Одна из беженских школ в Болгарии, типа гимназии, трудами учащихся и учащих ведет настолько рационально свое огородное хозяйство, что овощными продуктами почти удовлетворяет потребности существующего при ней интерната. И достойно быть отмеченным вместе с тем то обстоятельство, что постановка учебного дела в ней, свидетельствуемая ежегодными аттестациями ассистентов от Министерства Народного Просвещения, стоит на очень высоком уровне.

Ограниченность средств на приобретение учебных пособий, иногда полное отсутствие каких-либо, даже устарелых, учебников, очень часто требует от учителя-беженца громадного напряжения сил и работы, которую он должен выполнять во внеклассные часы. В нашем распоряжении имеется несколько образцов гектографированных изданий-учебников, составленных в большинстве случаев самими учителями или же учениками под редакторством учителя. Но кроме учебников нужны еще таблицы, препараты, картины, географические карты, модели, коллекции, приборы для экспериментов и т. д. Отсутствие всего этого в некоторых беженских школах требует от учителя знания особых приемов, изощрения в методах преподавания и искания средств к заполнению проистекающих отсюда недочетов в педагогичской работе. Может быть осознание учителем-беженцем, в одном случае, колоссальной важности миссии подготовки будущих культурных работников для России, или ощущение им своего личного нравственного долга, в другом случае, но объективно оценивая педагогические достижения учителя-беженца и принимая во внимание трудность условий его работы, надлежит сказать, что порученное ему культурное задание он выполняет не только добросовестно, но и самоотверженно, жертвенно.

Правда, нельзя не признать, что из всей массы беженцев может быть только группа, так назыв., кадровых учителей не потеряла своего профессионального лица в эмиграции, где она продолжает педагогическую работу, начатую еще на родине. Учитель-эмигрант на чужбине все же соучаствует в школьном строительстве в родной национальной русской школе и материалом его педагогического воздействия являются русские дети. Но главную массу эмигрантского учительства составляют люди выше среднего возраста, пожилые, перенесшие за последние годы много жизненных невзгод, что не могло не отразиться на их здоровьи и психо-физической выносливости. Предъявляемые же к ним жизнью в эмиграции требования настолько суровы, а иногда просто невыполнимы, что дальнейшая их судьба не может не вызывать некоторой тревоги. Перегруженность их педагогической работой в школе отягчается непрестанной борьбой с материальными лишениями, борьбой за условия, если не культурной жизни, то сносного, неголодного существования. Получаемое ими содержание часто далеко недостаточно для удовлетворения элементарных потребностей жизни, а об удовлетворении их духовных нужд в таких случаях не приходится даже говорить.

В странах с высшей культурой русскому учителю, работающему в школе, предъявляются новые повышенные требования неустанной борьбы с денационализацией учащихся, охранения национального лика русской школы и защиты основных начал русской национальной культуры.

Профессиональные интересы по улучшению условий педагогической работы и материального положения вызвали к жизни почти во всех странах, где проживает сколько-нибудь значительная численно группа русских учителей, существование профессиональных русских учительских организаций. В некоторых странах такие орга-

низации возникли только недавно, в некоторых они уже успели не только вырости, окрепнуть, но и стать фактором большой культурной ценности. Помимо задач профессионального характера, они преследуют цели и общекультурного значения. Через их посредство русское учительство не только осуществляет потребность в духовном общении отдельных членов между собою, но и закладывает основы к корпоративной солидарности, моральной спайке, воспринимая навыки к общественной работе.

Потребность в общении отдельных членов единой зарубежной педагогической семьи друг с другом, желание осуществить идею единения русских педагогов заграницей, выявились в создании на 1-ом всеэмигрантском Педагогическом Съезде в г. Праге в апреле м. 1923 года «Объединения Русских Учительских Организаций заграницей». Правление «Объединения», переизбирающееся каждый год Делегатским Съездом, является центральным исполнительным органом, объединенного по разным странам в союзы русского учительства.

Со времени открытия своей деятельности Правление среди прочих задач поставило в первую очередь вопрос о всестороннем обследовании положения русского учителя во всех странах за рубежом. Связанное через посредство представителей «Объединения», с широкими кругами учительства по отдельным странам, а также постоянными письменными сношениями с местными профессиональными организациями, примкнувшими к «Объединению», наконец, ежегодными Делегатскими Собраниями, Правление имело возможность собрать, если не исчерпывающие материалы о положении учителя эмигранта в каждой стране, то объективные данные, могущие дать общее представление о жизни и работе русского учителя в большинстве стран Европы.

Эти данные в виде специальных обзоров по обследованию положения русского учителя в государствах Европы Правление признало возможным издать отдельной книгой. Некоторые государства, как, напр., Австрия, Швейцария, Испания, Португалия, Дания, Голландия, Бельгия, Норвегия в настоящей книге вовсе не представлены в виду или совершенного отсутствия там русской школы, или же незначительного количества проживающих там русских учителей.

В. Грабовый.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«Чем плачевнее было настоящее, тем ярче искрилась в золотых лучах далекая Славия». *Шафарик.*

«Боже мой! Сделай так, чтоб я мог применить мои силы...» *Гавличек.*

Почти пять лет прошло с тех пор, когда русская эмигрантская волна от сказочных берегов Босфора и от пустынного острова Лемноса хлынула в родные славянские земли.

В область воспоминаний отошли страницы первых переживаний на чужбине, когда так много было горя, нужды и страданий и когда в то же время была твердая уверенность в скором возвращении домой. Кипучую энергию, исключительную трудоспособность проявили русские эмигранты, устраивая свою судьбу, спасая своих детей и обеспечивая себе средства к существованию.

Среди разнообразных, большею частью маловероятных и трудноосуществимых планов в связи с устройством беженцев, появилась, помню, в Константинополе первая ласточка из родных славянских краев. Получено было из Чехословакии предложение от Земледельческой Едноты отправить большую партию рабочих на сельско-хозяйственные работы. Вместе с этим пришла радостная весть об отправке тысячи студентов в Прагу для продолжения образовнаия в высших учебных заведениях, причем Чехословацкое Правительство обеспечило молодежи стипендии до окончания курса.

Конечно, оба предложения и особенно последнее были с радостью использованы русскими эмигрантами.

А вскоре после этого в Чехословацкую Республику перевезено было большое культурное учреждение, Константинопольская русская гимназия, в составе 550 детей и 50 человек преподавательского и воспитательского персонала и других служащих гимназии.

С тех пор в Прагу, в сердце славянства, потянулась русская интеллигенция, получая там возможность продолжать свою прерванную невзгодами культурную работу, получая там поддержку, дать воспитание и образование своим детям в русской школе.

Незаменимое в горе, да еще на чужбине, славянское радушие, с каким в Чехословакии повсюду встречали русских эмигрантов, большой прилив учащейся молодежи, студенчества и профессуры просто и бесспорно разрешали вопрос о русском эмигрантском культурном центре, каким с логической необходимостью становилась Прага. Здесь сосредоточились почти все центральные эмигрантские культурные организации, здесь же устроен был ряд деловых эмигрантских съездов.

В среде русской интеллигенции, обосновавшейся в Чехословакии, оказалось довольно большое количество русских учителей, которые в разных направлениях начали пробивать себе дорогу в целях обеспечения себе средств к существованию, стремясь, конечно, в первую очередь найти себе работу по своей специальности.

Почти пятилетнее пребывание в Чехословацкой Республике и объединение учителей эмигрантов в одну педагогическую семью дают достаточно материала к тому, чтобы нарисовать по возможности полную картину жизни находящегося здесь русского учительства.

Общее число русских педагогов средней и низшей школы, находящихся в Чехословацкой Республике, по данным к началу 1926 года немного более 200 человек.

По роду занятий и по материальному обеспечению всех русских учителей можно подразделить на следующие шесть категорий:

1) состоящих на службе в русских учебных заведениях,

2) слушателей Педагогического Института в Праге,

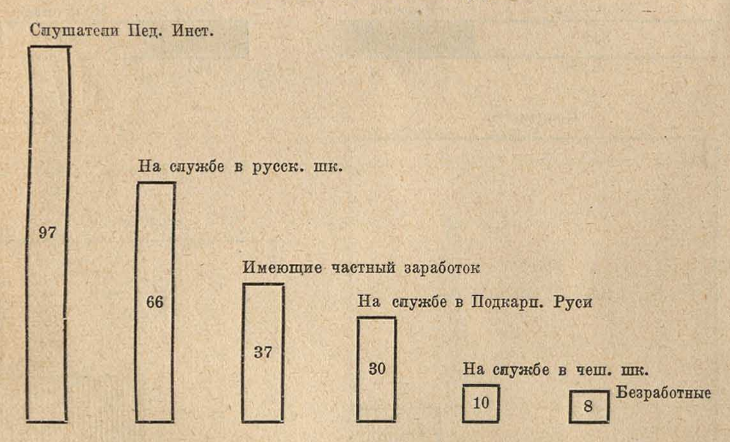
3) состоящих преподавателями в чешских учебных заведениях,

4) занимающих должности учителей в Подкарпатской Руси,

5) имеющих частный заработок не по своей специальности и

6) безработных русских учителей.

Деление педагогов на группы

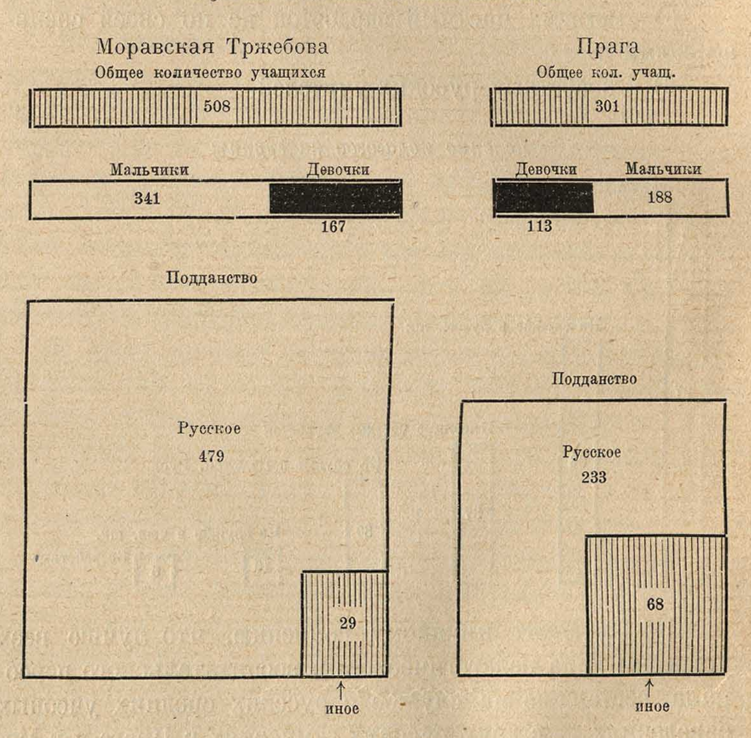

Не подлежит никакому сомнению, что лучше всех устроены лица педагогического и воспитательского персонала, состоящие на службе в русских средних учебных заведениях — в двух русских гимназиях в Праге и в Моравской Тржебове.

Обе гимназии имеют интернаты и получают ежемесячные ассигнования от Чешского Правительства как на

полное содержание детей, так и на оплату труда персонала. Большое количество учащихся в гимназиях в Праге до 300 (возникла в 1922 г.), в Моравской Тржебове до 500 (основана в Константинополе в 1921 г.), в двух детских садах до 105 детей, при наличности интернатов и совместного обучения естественно выдвигает необходимость иметь и значительное число персонала, что дало возможность многим устроиться по прямой своей специальности.

Русские гимназии в Чехословакии

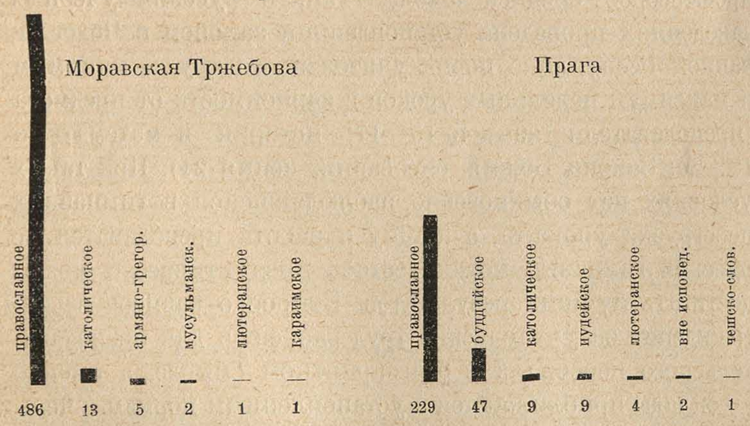

В двух средних школах и детских садах на должности преподавателей состоят 46 человек, да кроме того 20 человек занимают воспитательские места.

Большинство педагогов, работающих в русских гимназиях, опытные кадровые учителя средней школы, имеющие достаточный педагогический стаж.

Самый большой плюс в положении этой категории педагогов-эмигрантов заключается в том, что они имеют возможность работать в русской обстановке, постоянно находиться в кругу русской молодежи, выполнять свой прямой и святой долг в деле воспитания и образования молодого поколения. Здесь подрастают будущие граждане России, здесь формируется их мировоззрение, идет ответственная и трудная подготовка молодежи к выступлению их на поприще практической деятельности. Конечно, работа в эмигрантских условиях во много раз труднее, чем

Вероисповедание учащихся

когда-то в нормальной русской средней школе. Другая молодежь, пережившая ужасы гражданской войны и бедствия эмигрантской жизни; другим стал и учитель под ударами жестокой судьбы, но все-таки это настоящая русская родная школа. Иногда в каждодневной будничной школьной работе кажется, что это русские школы, которые в России всегда мечтали вынести за город, волею судьбы они вынесены не за город, а дальше — в другое госу-

дарство, где и продолжается школьная жизнь со всеми ее радостями и невзгодами.

Правда, программы русских гимназий видоизменены применительно к требованиям чешской средней школы в целях обеспечения для оканчивающих гимназии свободного доступа в высшие учебные заведения Чехословацкой Республики. Но надо с особенным удовлетворением отметить, что при обучении на русском языке национальным предметам отведено соответствующее место и предоставлено достаточное количество недельных часов для прохождения курса.

В служебном отношении преподаватели русских гимназий приблизительно приравнены к положению чешских профессоров средней школы. Так, в русских учебных заведениях проведена установленная законом в Чехословацкой Республике норма учительского труда, минимум и максимум недельных уроков в зависимости от предмета (преподаватели языков 15—17; истории и математики 18—20; Закона Божия, рисования, пения 24). При таких условиях нет обыкновенно наблюдавшейся в гимназиях перегрузки уроками, а потому и работа преподавателя в русской гимназии может вестись продуктивнее и может достигать лучших результатов. Вопрос о размере вознаграждения за учительский труд разрешен для преподавательского персонала в благоприятном смысле, а именно — оклады приближаются к установленным нормам в чешских учебных заведениях с небольшой разницей в прибавке за выслугу лет. Кроме оклада выдаются и установленные в Чехословацкой Республике, так называемые, семейные прибавки на детей.

В общем заработок преподавателя в русской гимназии, даже при наличности многосторонней беженской нужды, составляет необходимый прожиточный минимум, при чем, однако, в случаях многосемейности, в целях удо-

влетворения самых необходимых потребностей оба родителя должны иметь работу.

Таким образом, преподаватели русских школ в Чехословацкой Республике имеют и достаточное материальное обеспечение.

Если ко всему сказанному прибавить намерение Чехословацкого Правительства и при начавшемся сокращении помощи русским эмигрантам оставить русские гимназии в том же положении на будущее время и даже внести их в сеть правительственных учебных заведений, то прочность дальнейшего существования русских школ в благоприятном смысле разрешает и вопрос о сохранении за педагогическим и воспитательским персоналом служебных должностей, а следовательно и разрешает вопрос об обеспечении им заработка на время пребывания заграницей до возвращения домой.

При наличности таких условий, конечно, русские педагоги, работающие в русских учебных заведениях в Чехословацкой Республике, в рядах беженцев без всякого преувеличения могут быть названы счастливцами. Им обеспечен и кусок хлеба, им открыта и возможность продолжать идейную, творческую работу на благо младшего родного поколения.

Менее удовлетворительным в материальном отношении, но таким же содержательным в смысле педагогической работы является положение тех русских учителей-эмигрантов, которые состоят слушателями Педагогического Института в Праге.

Самый факт открытия такого важного русского культурного учреждения на чужбине и возможность для русского учительства под руководством опытных профессоров продолжать начатую в России работу в области педагогики надлежит признать отрадным и чрезвычайно важным.

Русская педагогическая мысль, несмотря на трудности условий эмигрантской жизни, настойчиво искала путей к продолжению прерванной творческой работы, стремилась к дальнейшему совершенствованию в вопросах воспитания и образования.

По инициативе профессуры и русской общественности в 1923 году в Праге на средства Чехословацкого Правительства возникает Педагогический Институт имени Яна Амоса Коменского.

Количество слушателей Пед. Инст.
(с момента открытия)

Деление по месту жительства до поступления в Педаг. Инст.

Широкая и интересная программа теоретических и методических курсов (психология детства, педагогическая психология, психотехника, история педагогических учений, школьная гигиена и теория физического воспитания, охрана детства и детская преступность), система рефератов и докладов, практические занятия в младших классах русской гимназии, изучение под опытным руководством постановки учебного дела в чешских школах — все это определяет и высокую цель, поставленную Педагогическим Институтом и несомненную практическую пользу такого русского культурного учреждения на чужбине.

Контингент слушателей состоит преимущественно из русских учителей с законченным высшим образованием, как начинающих свою педагогическую деятельность, так и имевших в прошлом достаточный педагогический стаж.

Количество студентов Педагогического Института с момента его открытия и до настоящего времени выражается цифрами — действительных слушателей 100 и вольнослушателей 41, при чем 90 лиц из категории эмигрантов, проживающих в Чехословацкой Республике, а остальные 51 из эмигрантов, прибывших из других стран.

Ассигнования Чехословацкого Правительства на Педагогический Институт вылились в следующие суммы:

1923 г. (с августа по декабрь) .	335.892 ч. к.
1924 г. (с января по декабрь) .	624.617 ч. к.
1925 г. (с января по декабрь) .	953.207 ч. к.

В данный момент студентов Педагогического Института числится 97 человек, из которых 44 в начале 1926 г. уже окончили это учебное заведение и, временно в течение трех месяцев оставаясь еще на положении студентов Института, в вопросе материального обеспечения, заняты приисканием себе заработка.

Все педагоги, состоящие студентами Педагогического Института, обеспечиваются из указанных выше ассигнований иждивением от Чешского Правительства в размере 550 кр. чешских в месяц.

Такая стипендия дает возможность иметь самое необходимое — квартиру и стол; что же касается удовлетворения других нужд, то педагогам-студентам необходимо хотя бы небольшую сумму подрабатывать частными уроками, найти которые, кстати говоря, очень трудно в Праге.

При наличности материального обеспечения и в атмосфере интересного большого педагогического дела рус-

ские учителя-эмигранты вполне довольны своим положением стипендиатов Чешского Правительства.

Многим удалось с большой для себя пользой прослушать лекции по педагогике и методике отдельных предметов; некоторым, раньше работавшим в русской школе, дана была полная возможность освежить, подновить и углубить свои знания, а также познакомиться с новыми течениями и достижениями в области педагогических наук.

Отмечая целесообразность и полезность существования в Праге Педагогического Института, где нашли себе приют и работу педагоги-эмигранты, где для России готовились кадры опытных учителей, где русская педагогическая мысль совершенствовалась в научном отношении, нельзя без огорчения и сожаления не указать на прекращение в дальнейшем приема в это учебное заведение, что равносильно постепенной ликвидации Русского Педагогического Института в Праге.

Останавливает на себе внимание положение тех русских учителей, которые с большим трудом устроились в Подкарпатской Руси. По последним данным их насчитывается всего до 30 человек, причем 6 преподавателей работают в средних школах, а остальные занимают должности народных учителей.

Крайне сложная обстановка в Подкарпатской Руси в связи с языковым вопросом и многие трудности, возникающие на религиозной и политической почве, затрудняют получение там места, несмотря на очевидную потребность, и делают работу русского учителя особенно ответственной и тяжелой.

Материальные условия, в каких приходится работать русским учителям, довольно хорошие. Они получают такие же увеличенные для Подкарпатской Руси оклады, какие установлены вообще для учителей этой части Чехословацкого государства. Но нет самого главного для русского эмигранта, спокойствия и уверенности в завтраш-

нем дне, в сохранении за собой занимаемой должности на будущее время. Дело в том, что русских учителей в Подкарпатской Руси устраивают на службу по контракту чаще всего сроком на 1 год. И вот, когда кончается учебный год, приглашенные по контракту на педагогическую работу русские учителя получают официальную отставку с лишением места, правда, с некоторой надеждой быть вновь приглашенными на службу для продолжения работы по своей специальности.

Момент отставки и лишения занимаемого места в конце каждого учебного года и целых два месяца тревожных ожиданий решения своей судьбы на предстоящий учебный год делают положение учителей непрочным и тяжелым.

Каникулы — лучшее время для отдыха в целях восстановления расшатанного учительским трудом здоровья, лучшее время для занятий по своей специальности и предварительной разработки учебного материала — совершенно почти пропадают. Надо напряженно думать о будущем, надо с волнением ждать того или другого разрешения вопроса с приглашением на службу, с возобновлением контракта.

Кроме того, надо отметить, что прочность положения народных учителей зависит еще и от сельского общества, от самого населения, которое иногда по соображениям далеко не педагогического характера добивается смены неугодного им, неподходящего для них учителя.

Правда, приятно подчеркнуть, что наши русские учителя в своем подавляющем большинстве пользуются симпатиями и любовью местного общества, но жить и работать под постоянным перекрестным огнем различных течений и влияний все-таки не легко.

Все эти недочеты в положении русского учителя в Подкарпатской Руси вполне покрываются и сглаживаются другими положительными как идейными, так и бытовыми

сторонами в их работе. Своим укладом жизни Подкарпатская Русь во многом напоминает отдаленные уезды российских губерний, и перед вашими глазами знакомая сельская обстановка, постоянно напоминающая родную землю. И какое это имеет большое значение — как-будто родной воздух подогревает особенную бодрость и энергию в работе, переносит мысли и мечты в родные города и деревни. А помимо этой ценной бытовой стороны, Подкарпатская Русь своею отсталостью и малокультурностью, напоминающая тоже наши заброшенные, глухие уезды открывает широкий простор для идейной культурной работы. Там без всякого преувеличения «непочатый край» для трудной, интересной и ответственной деятельности как русских народных учителей, так и других земских деятелей по различным отраслям экономической жизни.

Считая положение русских учителей в Подкарпатской Руси, несмотря на трудности их службы, вполне удовлетворительным, остается пожалеть, что почти совсем исключена возможность в дальнейшем устраивать на учительские места опытных русских педагогов с высшим образованием, с педагогическим стажем и окончивших Педагогический Институт в Праге, которые своей работой могли бы принести несомненную большую пользу.

Переходя далее к вопросу о положении русских учителей, состоящих на службе в чешских учебных заведениях, считаю необходимым оговориться, что в данном случае идет речь о вольнонаемных преподавателях русского языка в некоторых, немногих, средних школах. При наличии сокращения штатов по ведомству Народного Просвещения и издания в декабре месяце 1924 года соответствующего законоположения не могло быть и попытки добиваться штатного места по какой-либо специальности, кроме русского языка. Но последний не входит в программу в качестве обязательного предмета не только в гимназиях, но и в коммерческих средних учебных заве-

дениях. Поэтому только в некоторых школах изучается русский язык, как необязательный предмет, когда среди учащихся есть желающие. В таком случае приглашается вольнонаемный учитель с поурочным вознаграждением, при этом очень незначительным — по 25 чеш. крон в месяц за один недельный урок. Обыкновенно бывает 4, 6 или 8 уроков русского языка в неделю, что дает в результате вознаграждение от 100 до 200 чеш. крон в месяц. Конечно, жить на такой заработок безусловно нельзя, и учителям русского языка приходится давать частные уроки, что в конце концов и дает им средства к существованию.

Но очень большое имеет значение, когда русский эмигрант получает уроки из платы по найму в каком-нибудь среднем учебном заведении, тогда он быстро знакомится с местным обществом, составляет из лиц, желающих изучать русский язык, группы, получает частные уроки и тем самым обеспечивает себе существование в материальном отношении.

По сведениям, какие имеются в нашем распоряжении, учителями русского языка являются большею частью не квалифицированные педагоги, а вообще русские интеллигенты-эмигранты. Зависело это от того, что приглашались на места преподавателей русского языка в самый первый момент устройства в Чехословакии эмиграции, когда еще не была собрана в одно целое педагогическая семья, и когда поэтому приглашение носило случайный характер. Надо радоваться тому, что русские интеллигенты, хотя и без надлежащей педагогической подготовки, получили эту работу, получили, следовательно, возможность иметь средства к существованию.

Из всех, занимающих должность вольнонаемного учителя русского языка в чешских школах, а число их по приблизительным, неточным данным достигает до 35, не более 10 учителей с специальной подготовкой. Если бы в дальнейшем русский язык введен был как обязательный

предмет, хотя бы только в коммерческих школах, большое количество русских квалифицированных педагогов получило бы учительские места по своей специальности.

Что касается учителей, имеющих заработок не по своей прямой специальности, которых в Чехословакии насчитывается 37 человек, то надо сказать, что они, как и другие русские эмигранты, стараются обеспечить себя какой-либо работой, лишь бы получить средства к жизни. Большая часть учителей, принадлежащих к этой категории, устроена в разных русских общественных организациях — в центральных учительских учреждениях, объединяющих все учительские организации заграницей, в библиотеке Земгора, в архиве русской эмиграции и др. Некоторые из этой категории служат шофферами, работают на фермах и в сельско-хозяйственных учреждениях.

Необходимо отметить такой отрадный факт, что почти все русские учителя, в силу обстоятельств работающие не по своей прямой специальности, не порывают связи с педагогической семьей — состоят членами учительского Союза, состоят в кандидатском списке на случай предоставления учительских мест, жаждут получить знакомую им и близкую их сердцу педагогическую службу. Но, конечно, несмотря на такое настроение — эти ряды педагогов чем дальше, тем больше отходят от своего прямого дела, усваивают другие специальности и привыкают к другим занятиям и понемногу из учителей становятся канцелярскими работниками, бухгалтерами, служащими в коммерческих предприятиях, шофферами и т. д.

Приятно подчеркнуть, что эта категория русских учителей в материальном отношении по большей части обеспечена, по крайней мере не бедствует, а это в эмиграции самое главное, но все-таки нельзя не пожалеть, что русский учитель лишен возможности применить на деле и свои знания и свой опыт на пользу молодого поколения.

Относя к самой последней категории русского учительства безработных педагогов, которых, к счастью, в Чехословакии очень немного, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям всего 8 человек, необходимо отметить, что положение их самое тяжелое.

Сюда относятся престарелые и потерявшие трудоспособность русские педагоги, и помощь им оказывается в двух направлениях — некоторым удалось исходатайствовать пенсию, а другим оказывается содействие в деле устройства на работу их ближайших родственников, которые являются кормильцами в семье и которые таким образом получают фактическую возможность в материальном отношении поддерживать своих престарелых, больных родителей или родственников. Этой категории русских учителей оказывается также посильная помощь со стороны учительского Союза в устройстве их в целях лечения на льготных началах в санатории и больницы.

Таковы вкратце общие черты положения русского учительства в Чехословакии.

Но для полноты картины жизни русских учителей в Чехословацкой Республике необходимо возможно подробнее остановиться на участии их в эмигрантских общественных организациях, в развитии деятельности Союза педагогов, в издании педагогического журнала и в большой ответственной работе на учительских Съездах.

Разносторонние черты общественной работы русского учительства в Чехословакии особенно ярко выявлены в деятельности Союза русских педагогов средней и низшей школ, а потому необходимо уделить возможно больше внимания этой учительской организации.

Сама жизнь в эмиграции с первого же момента после переезда русских беженцев в Чехословацкую Республику подсказывала и настоятельно диктовала необходимость объединения и сплоченности всех учительских сил, ко-

торые судьба забросила на чужбину, в одну дружную педагогическую семью.

В сентябре месяце 1922 года с разрешения Земского Политического Управления был открыт и начал функционировать Союз русских педагогов средней и низшей школ. За три с половиной года своего существования учительская организация объединила большинство русских педагогов в Чехословакии, в достаточной мере окрепла и имеет некоторые полезные достижения.

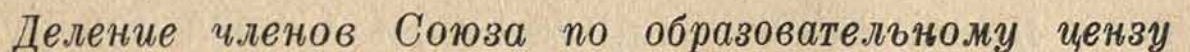
В настоящий момент Союз насчитывает в своем составе 189 человек. На основании анкетного материала, имеющегося в распоряжении Союза, всех членов можно подразделить на такие категории:

1) по образовательному цензу:
   а) с высшим образованием 104,
   б) с средним образованием 85;
2) по роду педагогической службы в России и Чехословакии:
   а) преподавателей и воспитателей средних школ 159,
   б) народных учителей 30.

Стремясь к тому, чтобы обеспечить русскому учительству более прочную и надежную почву в Чехословацкой Республике и чтобы иметь для Союза опору в моральном и материальном отношениях, предприняты были надлежащие меры к вступлению педагогов-эмигрантов в качестве членов в чешскую учительскую организацию. Желательно было создать благоприятные условия для совместной работы по вопросам педагогики — воспитания и обучения юношества, для ознакомления с новыми течениями педагогической мысли в славянских странах. К большому сожалению, Союзу не удалось осуществить этого полезного мероприятия.

По многим формальным основаниям вопрос о приеме в чешскую учительскую организацию коллег других национальностей — речь шла не только об одних русских педагогах — на общем собрании разрешен был в отрицательном смысле.

При этом, однако, со стороны Союза чешских профессоров средней школы обещана была полная готовность поддерживать русскую учительскую организацию в каждом конкретном случае и выражено было желание совместно работать по вопросам родной общеславянской культуры.

Деление членов Союза по образовательному цензу

В последнее время предприняты новые шаги к объединению русского и чешского учительства путем предполагающегося открытия педагогической секции при Чешско-Русской Едноте. Быть может, тогда создана будет необходимая для совместной работы обстановка, и более прочными реальными узами будут закрепляться добрые отношения, какие существуют в данный момент между русскими и чешскими педагогами.

Не получив возможности войти в качестве полноправных членов в Союз чешских профессоров средней школы, русское учительство своими силами через свой Союз должно было удовлетворять свои насущные нужды.

Одной из самых главных задач учительской организации была энергичная забота Союза об устройстве педагогов на места по своей специальности.

Правлением Союза был предпринят в этом направлении целый ряд мероприятий. Так, в Министерство Народного Просвещения и в Министерство Иностранных Дел подан был меморандум и обстоятельный доклад о предоставлении квалифицированным русским учителям педагогической службы. Ходатайства об этом направлены были также в Школьные Рефераты Подкарпатской Руси и Словакии с убедительной просьбой вакантные учительские места предоставить кандидатам Союза из русских учителей-эмигрантов.

Предпринята была также для поддержания ходатайства в Школьном Реферате поездка в Подкарпатскую Русь командированных для этой цели Председателя и одного из членов Союза. Кроме того, Правление Союза обращалось и непосредственно к директорам средних учебных заведений с предложением своих кандидатов на места преподавателей русского языка.

Все эти мероприятия, направленные к устройству педагогов на службу по своей специальности, на пути к достижению поставленной цели встретили одно непреодолимое препятствие — закон 1924 года о сокращении штатов во всех ведомствах Чехословацкой Республики.

Там, где в связи с сокращением штатов лишались мест педагоги, подданные Чехословацкой Республики, согласно элементарным требованиям этики не могло быть и речи о назначении на учительские места русских эмигрантов. Можно было продолжать свои хлопоты только в одном направлении, а именно о предоставлении кандидатам Союза уроков русского языка.

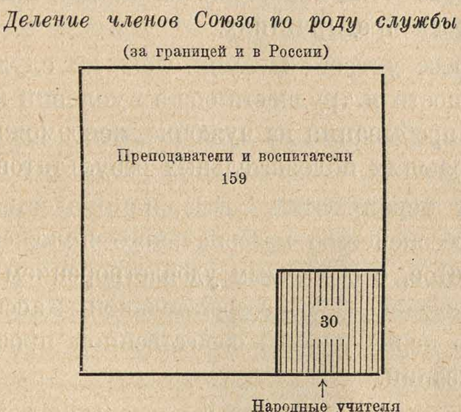
При наличности таких трудностей в деле устройства русских учителей на службу, только некоторым кандидатам до издания закона 1924 года удалось устроиться в

Подкарпатской Руси, главным образом, в народные школы, а также на русский язык в некоторые средние учебные заведения Чехословацкой Республики.

В последнее время вопрос об устройстве учителей на педагогическую службу принимает особенную остроту, так как список квалифицированных кандидатов на получение учительской должности значительно увеличился вследствие того, что в этом году 44 слушателя окончили Педагогический Институт в Праге и, лишившись иждивения, перешли на положение безработных, не имеющих средств к существованию.

Деление членов Союза по роду службы

(за границей и в России)

И этой категории учителей со специальной педагогической подготовкой угрожает крайняя материальная нужда. «Круг замкнулся» — метко определил один из окончивших Педагогический Институт свое тяжелое положение в радостный, казалось бы, момент окончания высшего специального учебного заведения — т. е. как начали свою жизнь в эмиграции с чернорабочего, так и теперь вновь придется идти на физическую работу.

Не имея надежды на устройство русских учителей на места в Чехословацкой Республике, Правление Союза

в данное время ходатайствует об устройстве их на педагогическую службу перед Министерством Народного Просвещения Сербии и Болгарии. В результате этих ходатайств некоторые из кандидатов Союза уже получили назначения на должности преподавателей в средние учебные заведения и по получении визы отправятся к месту службы.

И наконец, на самый крайний случай устройства педагогов-эмигрантов на физическую работу, благодаря заботам Студенческого Бюро труда и содействия Правления Союза, имеется возможность на переезд во Францию в целях подыскания там заработка на заводах или в сельскохозяйственных предприятиях.

В вопросе устройства учителей на службу, вследствие сложности и трудности общих условий нашего эмигрантского пребывания на чужбине, невозможно было достигнуть больших положительных результатов.

В ряду мероприятий Союза, направленных к улучшению и обеспечению материального положения учителей-эмигрантов, с особенным удовлетворением надо отметить учреждение Ссудо-сберегательной Кассы — этого жизненного нерва каждой общественной профессиональной организации.

Это учреждение открыто в марте 1925 года на очень выгодных для членов Союза началах.

Согласно положению о Ссудо-сберегательной Кассе каждый участник ее вносит ежемесячно 4% от получаемого содержания или от правительственной стипендии. К этим личным сбережениям производится в таком же размере надбавка из особых средств, специально для этой цели ассигнованных Министерством Иностранных Дел в распоряжение Союза.

Порядок и условия выдачи ссуд намеренно, в интересах достижения и общей пользы и каждого в отдель-

ности, обставлены строгими правилами. Ведение всего этого дела находится под контролем Министерства Иностранных Дел, которому ежемесячно представляются отчеты о состоянии Кассы. На 1 января 1926 года общая сумма сбережений вместе с правительственными надбавками достигла почти 90.000 чеш. крон. Таким путем постепенно у всех участников Кассы накопляются сбережения на «черный» день, к которому должен быть готов каждый русский эмигрант.

Полезность и целесообразность существования Ссудо-сберегательной Кассы при Союзе педагогов очевидна сама по себе — помимо материальных выгод она еще прочнее сближает учителей в одну дружную семью и является некоторой, правда очень скромной, опорой в трудные минуты жизни на чужбине.

Некоторая часть членов Союза, главным образом, персонал пражской гимназии, еще до открытия этого учреждения при Союзе, вступили членами Ссудо-сберегательной Кассы служащих Земгора.

В числе достижений Союза, в деле облегчения материального положения русских учителей, необходимо отметить большие льготы, предоставленные членам Союза редакциями многих газет и журналов.

На просьбу Правления Союза сочувственно откликнулись и сделали скидку редакции: «За Свободу», «Последние Новости», «Русское время», «Сегодня», «Русь», «Русская Земля», «Новое время», «Перезвоны», «Иллюстрированная Россия». В беженском положении и эта льгота имеет большое значение, открывая возможность бедному русскому культурному труженику иметь газету и журнал.

Задачи и цели учительской организации в Чехословакии не ограничиваются только одними заботами, направленными к благоприятному разрешению вопросов ма-

териального характера. Не только в программе Союза, но и в практической работе как членов Союза, так и вообще всего русского учительства в Чехословацкой Республике необходимо должна быть отмечена развившаяся в широком масштабе общественная культурная деятельность, которая доставляет удовлетворение духовным запросам педагога-эмигранта.

За время своего существования Союзом устроено было много лекций, докладов с приглашением для этой цели видных и выдающихся русских и чешских профессоров. Таким образом, идет знакомство с новыми течениями европейской педагогической мысли, пробуждается интерес к постановке учебного дела в современной школе Западной Европы и Америки, и намечаются пути к разрешению проблем воспитания и образования для будущей России.

В целях самообразования и отдыха в каникулярное время устраиваются экскурсии учителей. Кроме экскурсий местных, для осмотра достопримечательностей Чехословацкой Республики, Союзу удалось летом 1925 года организовать поездку в Париж на декоративную выставку с большими льготами: удешевленный проезд по железной дороге, уменьшенная стоимость виз, предоставление для экскурсантов лицея в Версале за очень небольшую плату, содействие Народного Университета при осмотре декоративной выставки и достопримечательностей Парижа и т. д. В этой экскурсии принимали участие 48 человек, и в условиях эмигрантской жизни такое мероприятие надо только приветствовать.

Заботясь об удовлетворении своих культурных нужд, русское учительство в Чехословакии несло и продолжает нести большую общественную работу в области вопросов, связанных с делом русского просвещения во всей эмиграции.

Праге, к нашему счастью, суждено было стать центром и в жизни русского учительства на чужбине и в жизни русской зарубежной школы, а потому естественно на долю местного учительства и выпадает большая часть работы в области нашего русского эмигрантского культурно-просветительного дела.

В сложной трудной подготовительной работе по созыву первого и второго педагогических Съездов активное участие принимало русское учительство.

Оно особенно много поработало в комиссиях по подготовке 2 Всеэмигрантского Педагогического Съезда в вопросах, связанных с пересмотром программ средних учебных заведений и с положением об управлении русской зарубежной школой.

Помимо оживленного обсуждения больших вопросов воспитания и образования русской молодежи в эмиграции, педагоги касались во всей широте проблем методики и педагогики.

Правда, такая же аналогичная работа проделана была русскими учителями и в других государствах, но педагогическим кругам в Чехословакии поручено было выполнение чрезвычайно сложной задачи — составить сводку материала, полученного из разных стран, и привести его для представления вниманию Съезда в стройную систему.

В работах первого и второго Всеэмигрантских Педагогических Съездов, в виду того, что оба они состоялись в Праге, естественно наиболее активную роль пришлось играть учителям, живущим в Чехословакии. И в центральном органе — Педагогическом Бюро по делам средней и низшей школ, возникшем по постановлению Педагогических Съездов, вместе с профессорами, в качестве членов Бюро, выполняют обязанности преподаватели средней школы и народные учителя.

Говорю обо всем этом не для того, чтобы отметить какие-то особенные заслуги русского учительства в Чехословакии, а исключительно с тою целью, чтобы подчеркнуть — какие возможности имеются в Праге для большой культурно-просветительной работы вообще и для педагогической в частности.

Большую и ответственную работу выполнило русское учительство в Чехословакии по объединению в одно целое всех учительских организаций заграницей.

На Первом Всеэмигрантском Педагогическом Съезде в 1923 году делегатами от учителей-эмигрантов из всех государств единодушно была признана необходимость объединить в одну организацию существовавшие к тому времени Союзы и принять меры к тому, чтобы открыть учительские организации там, где до сих пор педагоги-эмигранты не были еще объединены.

В результате таких постановлений, вынесенных участниками Первого Съезда, представителями местных Союзов, возникло центральное учреждение, «Объединение русских учительских организаций заграницей», причем местом пребывания Правления была избрана Прага. Поэтому и работа в Правлении Объединения естественно была поручена учителям, живущим в Праге.

Развившаяся в дальнейшем деятельность этой центральной профессиональной организации, два делегатских Съезда, созванных в 1924 и 1925 годах, разработка проектов и докладов в связи с созывом делегатских Съездов — все это открывало широкую возможность местным учительским силам поработать в области вопросов, касавшихся жизни и направления русских эмигрантских профессиональных организаций во всех странах Западной Европы.

И надо по справедливости отметить, что в этом отношении сделано очень много, если принять во внимание

вообще очень трудные условия для общественной работы в эмиграции. Удалось создать учительские Союзы там, где их раньше не было и связать в одно целое все русское эмигрантское учительство заграницей.

Картина благоприятных условий для развития деятельности русских учителей-эмигрантов в области русского культурно-просветительного дела в Чехословакии была бы незаконченной, если бы мы не указали на издающийся в Праге Объединением русских городских и земских деятелей («Земгором»), при материальной поддержке Чехословацкого Правительства, педагогический журнал «Русская школа за рубежем».

Конечно, всему зарубежному русскому учительству открыта полная возможность на страницах этого журнала помещать свои статьи по педагогическим вопросам, высказывать свои взгляды и мнения, что с большой готовностью и делается педагогами-эмигрантами, но все-таки и в этом деле главную роль как издателей и редакторов журнала, так и постоянных его сотрудников приходится выполнять местным учительским силам. И особенно приятно подчеркнуть, что местные учителя-эмигранты проявляют живой интерес к изданию журнала; читая его и сотрудничая в нем, русские педагоги выковывают определенные устойчивые взгляды на разрешение многих сложных вопросов в современной школе и получают основательную подготовку для работы над воспитанием и образованием интересной, но своеобразной современной молодежи.

Заканчивая свой беглый обзор жизни и деятельности русского учительства в Чехословакии, надо с выражением искренней благодарности Чехословацкому народу отметить ту благоприятную обстановку для русского культурно-просветительного дела, те положительные дан-

ные, какие в условиях эмиграции предоставляют русским учителям, хотя, к сожалению, не всем, возможность работать на своем любимом поприще и готовиться к предстоящей им ответственной, творческой деятельности в случае скорого возвращения на родину.

А этой твердой надеждой на возвращение в Россию облегчаются все трудности в тяжелом положении русского эмигранта на чужбине.

В. Светозаров.

ЮГОСЛАВИЯ

I

Установить точное количество русских педагогов, осевших в пределах Югославии, очень трудно. Эмигрантские организации, неоднократно собиравшие анкетные сведения, не имеют сводных работ. Учительские союзы не объединили русского учительства в определенные организации и сами не располагают сведениями о своих членах. В Министерстве Народного Просвещения удалось достать только самые общие указания о русских учителях, состоящих на службе в юго-славянских основных и средних школах Министерства. Их считают приблизительно около 300 человек.

Наиболее обстоятельные сведения об учителях имеет Учебный Совет при Державной Комиссии и Председательство Всероссийского Союза Городов. Все их данные относятся к первой половине 1925—26 учебного года. К сожалению, не удалось установить характер передвижения учителей из русской школы в сербскую, из одной русской школы в другую и количество оставивших педагогическую деятельность. Надобно все-таки заметить, что крупных перемен в педагогическом составе русских учебных заведений не наблюдалось за все эти 5 лет.

В конце прошлого 1924—25 учебного года в Королевстве функционировало 17 разнообразных школ с 1820 воспитанниками. Из этого числа 8 с 2240 детьми содер-

жались полностью Державной Комиссией, а остальные 9 с 580 учащимися только субсидировались названной Комиссией.

В текущем учебном году количество учащихся, живущих в интернатах в виду сокращения в ассигновках уменьшилось приблизительно на $^1/_5$. Так что общее число пансионеров — едва ли превышает 1600 человек. Поэтому произошло некоторое уменьшение и общего количества учащихся, но в большинстве случаев ученики, перечисленные в приходящих — не покинули своих школ. Кроме того в одном из корпусов в текущем учебном году не было приема в 1-й класс. Есть основание полагать, что дальнейшее сокращение количества учащихся несомненно последует и в других учебных заведениях. В таком же центре, как Белград, наоборот, замечается даже некоторый прирост школьного населения.

По сведениям за 1924—25 учебный год число классов в русских школах распределялось следующим образом:

	Число классов	Число учащихся
В кадетских корпусах	36	1.085
В институтах и женск. гимн. . .	26	745
В Белграде и Земуне	21 + 2 подг. школы	540
В остальных учебн. завед. . . .	17 + 7 подг. школы	450
Итого . . .	100 + 9 подг. груп. шк.	2.820

В настоящем 1925—26 учебном году число учащихся в кадетских корпусах уменьшилось до 959, а в женских институтах и женской гимназии до 681.

В корпусах уменьшение на	121
В институтах и 1-й Р.-С. женской гимназии на	64
Всего на	185

В остальных же школах изменения незначительны.

При дальнейшем изложении русские школы будут распределены на 2 группы. На школы всецело содержимые Державной Комиссией и школы, субсидируемые Союзом Городов и состоящие под его наблюдением и руководством. Хотя и те и другие в педагогическом отноше-

Таблица № 1

Учебные заведения	Число учащихся	Продават.			Воспитан.			В каждом учеб. завед.	Всего по группам
		М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Всего		
Содержимые всецело Державной комиссией.									
1. Харьковский женский институт в Вел. Бечкереке	264	9	6	15	—	18		33	
2. Мариинский Донской институт в Белой Церкви	222	9	5	14	—	14		28	
3. Первая Русско-Сербская жен. гимн. в Кикинде	195	5	7	12	—	14		26	87
4. Русский кадетский корпус в Сараеве	269	18	—	18	13	—		31	
5. Донской кадетский корпус в Билече (Герцеговина)	293	17	—	17	14	—		31	
6. Крымский корпус в Велик. Бечкереке	397	28	1	29	17	—		46	108
7. Первая Русско-Сербск. смеш. гимн. в Белграде	263	17	3	20	3	—		23	23
	1903	103	22	125	47	46	93	218	М. 150 Ж. 68
Находящиеся в ведении Союза Городов и субсидируемые Державной комиссией.									
8. Женская прогимназия в Белграде		4	7	11				11	
9. Реальное училище в Земуне		9	7	16				16	
10. Прогимназия у Марибора . .		10	6	16				16	
11. Реальное училище в Загребе		10	6	16				16	
12. Реальное училище в Новом Саду		6	7	13				13	
13. Сараевский детский дом		1	4	5				5	
14. Детский дом Панчеве			1	1				1	
15. Русская школа в Субботице		2	3	5				5	
		42	41	83				83	М. 42 Ж. 41
Всего		145	63		47	46		301	М. 192 Ж . 109

нии подчинены одному и тому же Учебному Совету при Державной Комиссии, тем не менее известная доля самостоятельности и самобытности имеется у каждой из этих групп. Они различаются кроме того и по оплате труда. Державная Комиссия платит, как общее правило, 75 динар, а Союз Городов — 65 динар, а местами меньше.

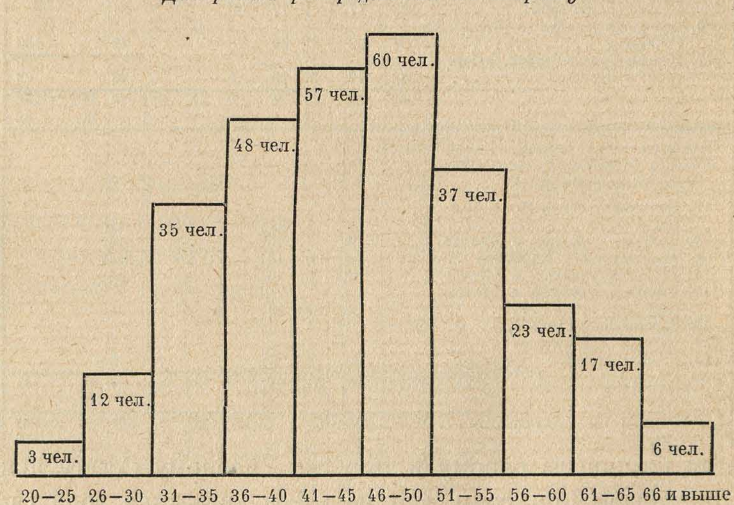
В школах первой группы обучается большая часть учеников и занята наибольшая часть преподавателей.

Нижеследующая таблица рисует распределение русских учительских сил по отдельным учебным заведениям. (См. таблицу № 1).

Как видно из таблицы № 1 немного более 1/3 всех педагогических сил представлены учительницами и воспитательницами. Преподавательской же работой занято 208 человек из 301, немного более 2/3 общего числа школьных работников.

По возрасту все педагоги, занятые в русских учебных заведениях, могут быть разделены на следующие 10 групп:

Диаграмма распределения по возрасту

Наибольшее количество русских педагогов в возрасте от 41—50 лет — 117; если к этому присчитать и лиц в возрасте от 31—40, то получится число 200.

Ничтожно количество педагогов в возрасте до 30 лет. Всего 15 человек.

В распределении по образовательному цензу наблюдается пестрота. Следующая таблица дает об этом ясное представление:

Таблица № 2

	Образовательный ценз	Числ. лиц.	Всего
I	1. Имеющие профессорское звание, доценты, ассистенты, начинающие ученые....	8	
	2. Окончившие Истор.-филологич. факул ..	14	
	,, Физико-математич. ,,	21	
	,, Юридический ,,	10	
	,, Университ. без указ. ,,	9	
	3. ,, Высшие женские курсы....	7	
	4. ,, Высшие техич. уч. зав..	13	
	,, Коммерч. Инст. и др. высшие учебные заведения	7	
	5. ,, Духовную Академию	8	97
II	6. ,, Академию Генеральн. Шт	3	
	,, Военно-Юридич. Академ. ..	4	
	Получивших высшее воен.-техн. образ.	24	31
III	7. Учительский инст., Педагогич. инст..	4	
	Духовную семинарию	6	
	Женские гимназии и институты.....	77	
	Педагогические курсы	6	93
IV	8. Военно-Педагогические Курсы .... Военную подготовку	59	59
V	9. Курся языков, Кратковремен. Педагогические курсы, Домашнее	7	7
VI	10. Художественные школы, академію, консерваторию	9	9
	11. Ценз не указан	5	5

Как видно из диаграммы (стр. 46) среди русских педагогов — 128 лиц с законченным высшим образованием. Нужно отметить небольшое количество окончивших Филологический и Физико-математический факультет, их всего 35 человек.

По своему педагогическому стажу большинство принадлежит к старым квалифицированным работникам. Только 39 не были раньше педагогами и о 13 нет никаких сведений.

К сожалению, только относительно некоторых учебных заведений удалось получить точное количество лет службы каждого из учителей. Поэтому пришлось ограничиться только следующей таблицей.

Таблица № 3

1. Были в России преподавателями в высших учебных заведениях	19
2. Преподаватели в средних общеобразовательных и технических училищах	105
3. Преподаватели в кадетских корпусах	35
4. Были воспитателями, классными дамами	90
5. Не были в России преподавателями	39
6. Не имеется сведений о стаже	13
Итого . . .	301

Преподаватели и воспитательный персонал кадетских корпусов и женских институтов являются преобладающим элементом в Югославии, потому что из 230 лиц, преподававших в России в средней школе, 125 раньше были тесно связаны с кадетскими корпусами и женскими институтами.

Что касается семейного положения то — 109 человек из 301 — числятся одинокими. Это холостые, незамужние, вдовые и оставившие семью в России. Это самые благополучные в материальном отношении. Остальные $^2/_3$ семейные, часто многосемейные, как показывает таблица № 4.

Имеющих семью в 3 и больше человек почти такое же число, как и одиноких. Это лица, которым очень трудно живется, если другие члены их семьи не имеют заработка.

А заработок в провинции, как общее правило, очень трудно найти. Большинство же русского учительства живет именно вне Белграда и Земуна, где занято всего около 55 учащих.

Таблица № 4

Одинокие	109
Семья в 2 человека	53
Семья в 3 человека	61
Семья в 4 человека	33
Семья в 5 человек	7
Семья больше 5 чел.	4
Нет сведений	34
Итого	301

В тех случаях, когда при учебном заведении имеется интернат — преподаватели могут получать за плату обычный стол. Это для многих представляет известные выгоды. Но некоторые предпочитают столоваться самостоятельно, надеясь все-таки и на этом кое-что съэкономить. На бесплатную квартиру при учебном заведении не приходится рассчитывать. Только в Билечах, глубокой Герцеговинской провинции, в Донском корпусе имеется достаточное число квартир. В прогимназии над Марибором в замке также есть квартиры, но в остальных местах нужно нанимать комнаты, часто по очень дорогой цене, как, например, в Белграде, Земуне и Загребе.

Так как размер жалованья довольно неустойчив и зависит от количества даваемых часов, то собрать сведения относительно всех — 301 педагогов — не удалось.

Нет сведений о двух неполных школах в провинции, где оплата низкая и количество уроков у отдельных преподавателей небольшое. (У 17 меньше чем по 14 уроков

у каждого и только у 9-ти от 16—24 уроков). Следовательно отсутствие сведений о них не меняет картины, даваемой приводимой таблицей.

Таблица № 5.

				Число лиц	Всего по груп.
Получающих	до	500	динар	7	
,,	,,	700	,,	22	
,,	,,	1.000	,,	16	
,,	,,	1.100	,,	93	122
,,	,,	1.200	,,	36	
,,	,,	1.400	,,	16	
,,	,,	1.500	,,	19	71
,,	,,	1.600	,,	20	
,,	,,	1.800	,,	21	41
,,	,,	2.000	,,	20	20
,,	,,	2.500	,,	15	
,,	,,	3.000	,,	1	
,,	более	3.000	,,	3	19
					273

Чтобы иметь суждение о реальной значительности вознаграждения учителей в русских школах, необходимо упомянуть о прожиточном минимуме русского беженца-учителя. Все нормы старого времени, конечно, сюда совершенно не подходят. Даже уровень местной жизни во многих отношениях для русского учителя недосягаем. Как общее правило — квартира (вернее, комната) всегда ниже местного уровня и обходится дороже, чем коллеге-югославянину, постоянному обитателю. Опрощение в костюме уже принято русским эмигрантом, как бытовое явление. Тут идет вопрос только об элементарно-приличном и не бросающемся глаза особенно резко одеянии. Свежесть и фасон соблюсти невозможно. Каким-то чудом русские женщины ухитряются из явно безнадежного материала создавать что-то изящное и близкое к тому общему европейскому облику, который обязателен в наше время.

Необходимость отдыха на даче, на море, в горах, что так необходимо для уставших нервов педагогов — все

это выбрасывается из прожиточного минимума русского учителя. Только немногие одиночки могут позволить себе такой отдых, ставший роскошью, о котором можно только мечтать.

Приобрести себе книги учитель также не может. Во всяком случае, этот расход не может быть сделан без серьезного раздумья. Но от театра, по крайней мере в центрах, русские не научились отказываться. Также в питании они не спускаются ниже местного уровня, а часто расходуют больше обычного.

Вот, если принять все эти «поправки», то прожиточный минимум в провинции и Белграде может быть определен следующим образом:

Место	Одинокие	Семья в 2 чел.	Семья в 3 чел.	Семья в 4 чел.	Семья в 5 ч.
	В динарах				
Белград	1.500	2.500	3.000	3.500	4.000
Провинция....	1.200	1.600	2.000	2.500	3.000

В Белграде трудно найти комнату за 500 динар в месяц. Приходится тратить до 700 динар. В провинции квартиры значительно дешевле, но зато все остальное не только не дешевле, а часто дороже, как например, в Сараеве, Бечкереке и др. городах, где размещены русские учебные заведения.

Теперь, если мы сравним таблицу получаемого содержания и семейного положения русских педагогов, то выяснятся следующие обстоятельства — в Белграде, например, могут жить лишь одинокие или лица, имеющие семью не более чем из 2-х человек. Лиц, зарабатывающих 2500—3000 всего лишь 15, а в Белграде и Земуне русских педагогов 52. Значит, если принять, что все учителя с высокой оплатой находятся лишь в этих центрах, то приходится принять, — что из 52 лиц — не менее 33 одинокие. На самом деле число хорошо оплачиваемых в Бел-

граде меньше 19 и число семейных значительно больше этого числа. Они получают от педагогической работы значительно меньше прожиточного минимума и живут сносно лишь потому, что или одновременно служат в другом месте (профессора, преподаватели университета) или у них зарабатывает еще кто-либо из семьи.

Далее, 29 человек получают явно недостаточную сумму (до 700 дин.) даже для провинции. Они несомненно или имеют подсобный заработок или бедствуют. Если к ним присчитать 16, получающих до 1000 динар и 93 до 1100 динар, то число лиц, зрабатывающих меньше необходимых 1200 — вырастает до 122 человек. Если среди них одинокие, то они еще больше сокращают свои потребности, чем указано было выше, если же семейные — то они жадно ищут посторонней работы. Этим и объясняется обилие портных в местах, где находятся наши корпуса, институты и гимназии. Жены и дочери педагогов берут шитье, вышиванье — всякую работу, лишь бы что-нибудь добавить к основному жалованью члена семьи — педагога мужа, жены, сестры, брата. Ценной является возможность за плату оказывать услуги пансиону, интернату. И как трудно бывает подчас найти какую-нибудь работу! Какое великое благо в таком случае уметь что-либо рукодельничать или мастерство!

Следующая группа, это лица имеющие 1200—1500 динар, сумму, достаточную для одиноких. Лиц с таким жалованьем — 71. Но количество одиноких — 109 человек.

Если к 71 — имеющих норму прожиточного минимума для одинокого, присчитать предыдущую группу в 122 человека с меньшим жалованьем, то получим группу в 193 человека. Но так как всех одиноких только 109, то по меньшей мере 82 человека из этой плохо оплачиваемой группы—семейные, а следовательно, и усиленно нуждающиеся.

Третья группа лучше оплачена. Она получает от 1600—1800. На эту сумму семья в 2 человека вполне может прожить. Но жаль что таких лишь 41, между тем как имеющих семью в 2 человека — 53. Не может быть и в этой группе спокойного благополучия.

В четвертой группе лишь 20 человек, получающих по 2000 динар в месяц, т. е. сумму, достаточную для семьи в 3 человека. А таких семей значительно больше 20. Их — 61.

Наконец, с жалованьем 2500—3000 только 16, а семей в 3 человека — 33. Кроме того, указано 7 человек с семьями по 5 человек и 4 — с бóльшим количеством чем 5; всего 11. Этим преподавателям следовало бы получать по 3000—4000 динар. Но такое жалованье редко кто получает из русских учителей. Только 3 имеют несколько больше 3000 динар. Это или директора, или преподаватели, дающие больше чем 30 недельных уроков.

Действительное наблюдение подтверждает эти нерадостные выводы из приведенного цифрового материала. Материальное положение русского педагога очень тяжелое. Он находится на границе нищеты. И все-таки не это самое ужасное в его положении. Хуже всего то, что он не уверен в завтрашнем дне. Он расходует свои силы без надежды получить поддержку на тот случай, когда эти силы ему изменят, и он заболеет, устанет и потеряет работу. И как-будто никто об этом не думает, а может быть просто гонит эти мысли прочь. А пока набирают уроков и других обязанностей, чтобы все-таки сноснее устроиться. Но уроков и работы на всех уже недостает.

Следующая таблица № 6 показывает, как распределяются преподаватели на группы по количеству даваемых ими уроков. Из 208 преподавателей сведения имеются только о 175.

Первая и вторая группа, всего 128 преподавателей могли бы быть добавочно нагружены, но — очевидно, ощущается недостаток уроков и избыток педагогов.

Неудивительно поэтому, что преподаватели переходят из русских учебных заведений в сербские школы.

Таблица № 6.

	Чис. лиц	По группам	Оплата по 75 д.
до 5 уроков	15		Менее 1.200 динар
,, 8 ,,	12		
,, 10 ,,	12		
,, 12 ,,	13		
,, 14 ,,	39	71	
,, 16 ,,	20		1.200 1.500
,, 18 ,,	20		
,, 20 ,,	17	57	
,, 22 ,,	12		до 1.850
,, 24 ,,	19	31	
,, 26 ,,	13		Более 2.000 динар
,, 30 ,,	2		
,, 32 ,,	1	16	

Оплата преподавателей в местных средних учебных заведениях вычисляется по очень сложному расчету. Все педагоги делятся на категории по образовательному цензу, потом на «степени» по выслуге лет и, наконец, по семейному положению. Первое жалованье начинающего службу сербского педагога средней школы (суплента) — около 1800 динар, и затем высшие ставки для старого преподавателя (профессора) — немногим превышают 3000 динар. Жалованье в 4000 динар получают многосемейные. По отзывам сербских коллег — они не могут жить только одним получаемым жалованьем. Им также приходится искать посторонних добавочных заработков, — давать вечерние уроки, частные уроки, брать лишние уроки выше нормы и т. п.

Тяжелая участь выпала на долю русского учителя-эмигранта. Трудно живется ему в настоящем, не видно просвета в будущем. Но тем не менее все-таки его доля лучше, чем у многих других русских людей, заброшенных на чужбину. Ибо педагог-эмигрант и здесь за рубежом продолжает свою привычную любимую работу среди родной молодежи в кругу близких по духу людей. И если он изживает себя без надежды на отдых, то сознание огромной важности своей работы вознаграждает его и дает силы и для дальнейшей борьбы и работы.

II

РУССКИЕ УЧИТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

Наиболее ранним (с 1921 г.) учительским союзом в Югославии является «Союз Русских Педагогов в Королевстве С. Х. С.». Он входил в Совет объединенных русских педагогических организаций заграницей. Последний же, создавшийся еще в Константинополе из педагогических организаций, широкой публике неизвестных, существовал в Белграде до конца прошлого 1925 года, когда большая часть Совета вошла во вновь образовавшееся «Русское Педагогическое Общество» под председательством проф. Доброклонского. Союз Русских Педагогов, называемый обыкновенно по фамилии своего бессменного председателя «Союзом Гриня», вышел из Совета объединенных организаций еще в ноябре 1923 г.

Вторым по времени возникновения является «Союз Деятелей Русской Демократической Школы на Балканах», учрежденный в октябре 1923 года и весною 1924 г. фактически прекративший свою скромную деятельность. В феврале 1924 г. образовалось третье объединение — «Общество преподавателей русских учебных заведений,

находящихся на территории Королевства С. Х. С». Председателем его состоит профессор Малинин.

Наконец, четвертым, возникшим лишь в ноябре 1925 г., является уже упомянутое выше «Русское Педагогическое Общество» с председателем проф. Доброклонским.

Союз Русских Педагогов (с. Гриня) существует почти 5 лет. Правление этого Союза полагает, что число его действительных членов около 300 человек. На собраниях этого общества обыкновенно не бывает более 20—30 членов. Но каждый из участников может иметь доверенность на право голосования от 5 членов. Не внесшие членского взноса в течение 2 месяцев считаются выбывшими из Союза. Так в № 3 за апрель—июль Вестника Союза напечатано 12 фамилий лиц, неуплативших своих взносов. Союз довольно энергично собирает средства от своих членов. Так, общим собранием членов Союза, состоявшимся 21 сентября 1925 г., постановлено вместо повышения членских взносов ввести с 1-го октября 1925 г. систему дополнительного самообложения наиболее обеспеченных членов Союза, а именно:

а) одинокие преподаватели, находящиеся на службе в основных школах, причисленные по окладу содержания ко II группе (1.250 динар в месяц), доплачивают в месяц 5 динар;
б) к I группе (1.430 динар в месяц) — 10 динар;
в) супленты (одинокие), получающие 1.500 динар в месяц — 5 динар;
г) супленты и профессора (одинокие), получающие до 2.000 динар в месяц — 10 динар;
д) супленты и профессора (семейные), получающие более 2.500 динар в месяц — 5 динар;
е) профессора (семейные), получающие более 3.000 динар в месяц — 10 динар.

На том же собрании утверждено постановление правления об обложении всех членов союза единовременным взносом, в сумме однодневного заработка, на посылку делегатов на Зарубежный Съезд в Париж.

Союз издает свой орган — «Вестник Союза». Вышло уже 4 номера по 2 печатных листа. Выписка «Вестника» считается обязательной для всех членов Союза.

Вот оглавление последнего № 4 за август—декабрь 1925 года.

«Русский Национальный Вождь Е. И. В. Великий Князь Николай Николаевич.

«Августейшие ответы на приветствия.

«Обращение Великого Князя Николая Николаевича к русским людям.

«Преосвященный Досифей, епископ Нишский.

«Зарубежный Съезд.

«М. Никонов. О подготовке педагогов-воспитателей (окончание).

«Е. Ковалевский. Краткие сведения о русском среднем образовании во Франции.

«Друзья России. (Статьи и портреты ряда сербских дея-телей).

«К сведению учителей. Из распоряжений правительства. Извещения правления. «Черные Пелеринки» (об ученическом журнале)».

Во главе Союза стоят несомненно активные люди. Им удалось, например, достать пожертвование от Папы Римского (См. газету «Новости» 19-IV-1924 г.). «Римски папа и руски монархисти»). Они выступают от имени русского учительства в сношениях с Министерством. Правление Союза утверждает, что оно содействовало устройству русских педагогов в сербские школы, пользуясь своим авторитетом в глазах руководителей Министерства Народного Просвещения и сумело «добиться перед М. Н. П.

в службе русских педагогов уравнения с сербскими педагогами без принятия подданства».

Взгляд на особовлиятельное значение Союза при поступлении на службу в сербскую школу и посейчас имеется у части русских педагогов.

Другие же это оспаривают, ибо в Министерстве Народного Просвещения неизменно прекрасное отношение ко всем русским педагогам. Можно с уверенностью сказать, что почти все русские учителя, имеющие достаточный образовательный ценз и педагогический стаж, смогли устроиться по своей специальности, ибо сербы, особенно в первые годы, очень радушно принимали русских педагогов в свои школы.

Деятельность союза Подагогов носит несколько оригинальный характер, не обычный для профессиональных обществ. Ему не удается сохранить свою беспартийность, которая была обещана в его уставе. Поэтому всегда у учителей было стремление создать общество иного типа.

В сентябре 1923 г. из Союза вышло несколько лиц, недовольных общим характером деятельности Правления. Они аппелировали к существовавшему тогда еще Совету объединения русск. педагог. организаций и остро критиковали деятельность руководителей Союза. В дальнейшем увидим, что ушедшие из Союза через 2 года создали новое объединение, насчитывающее теперь до 87 членов — «Русск. Педагог. Общество».

В октябре 1923 г. образовалось в Белграде второе общество — «Союз деятелей русской демократической школы на Балканах». Оно было создано 10 членами учредителями во главе с проф. Плетневым. В уставе было указано, что:

1. Союз имеет целью объединение деятелей русской демократической средней и низшей школы, для практической и теоретической работы, имеющей задачей:

а) подготовку соответствующего педагогического персонала;

б) выпуск учеников, приспособленных к строительству демократической России на месте.

До конца своей деятельности Дем. Союзу удалось объединить 24 человека, в том числе русских преподавателей — 7, воспитателей — 6, сербских преподавателей — 2; 4 — никогда преподавателями не были, а остальные, хотя в эмиграции и не работали в школе, но раньше в России занимались педагогической деятельностью. Членский взнос был установлен в размере 10 динар в месяц. Но уплачено было по 1—4 разу лишь 16 членами. Шесть записавшихся в Союз ни разу не появились на собраниях.

Дем. Союз имел 7 общих собраний, на которых присутствовало от 6 до 11 членов. Через полгода членам этого общества было ясно, что Союз Деятелей не в состоянии объединить около себя даже преподавателей той гимназии, при которой он был учрежден. Личные особенности председателя, директора гимназии проф. Плетнева настолько осложнили работу, что Союз Деятелей уже с осени 1924 года совершенно не собирал своих членов.

В начале 1925—26 учебного года Педагогический Совет гимназии не пожелал продолжать работу с проф. Плетневым не только в Союзе, но и в гимназии. Председатель устранился от педагогической деятельности, 6 членов Союза еще раньше покинули пределы Югославии, пребывание двух осталось неизвестным. В настоящий момент Союз Деятелей должен считаться распавшимся. Идея объединения учительства потерпела от деятельности этого общества немалый ущерб.

Ясно было, что работа должна сосредоточиться в независимых и чисто профессиональных организациях.

Попытка создать именно такое профессиональное общество и было сделано третьим учительским союзом, —

который назвался «Общество преподавателей русских учебных заведений, находящихся на территории Королевства С. Х. С». Оно возникло в январе 1924 года, поставив себе следующие цели: а) объединение преподавателей русских учебных заведений, находящихся на территории Королевства С. Х. С.; б) ознакомление русских педагогов с учебным делом королевства С. Х. С. и стремление к сближению представителей школы двух славянских народов; г) оказание помощи русским педагогам, как нравственной, так и д) материальной; е) сохранение кадра педагогов для будущей России.

В члены этого Общества записалось около 120 человек из всех русских учебных заведений Королевства.

Но к сожалению, Общество не взимало членских взносов, и потому нельзя было сделать точного подсчета количества членов, считающих себя принадлежащими к нему и по сие время.

Деятельность «Общества преподавателей» выразилась, главным образом, в чтении докладов на педагогические темы. Таких собраний Общество устроило 10, и они охотно посещались.

В начале текущего учебного года в «Общество преподавателей» вошло целиком Общество педагогов Мариинского Донского Института. Кроме того, согласно пожеланиям 2-го Делегатского Съезда в Праге многими отдельными педагогами было заявлено желание участвовать в работе именно этого Общества, с целью создать единый сильный профессиональный союз русских учителей в Королевстве.

Главною трудностью в работе Общества Преподавателей является привлечение к участию в совместной работе именно провинциальных членов. Выясняется полная необходимость создания Обществом местных групп при различных учебных заведениях и деловой связи этих групп

с центром. Несомненно это вопрос бытия названного Общества, и оно возьмется за решение этого вопроса.

А пока что, 31 января 1926 года, т. е. 2 месяца тому назад, сконструировалось следующее — четвертое по порядку учительское объединение в Югославии — «Русское Педагогическое Общество».

В Правление путем анкеты, разосланной по учебным заведениям и отдельным лицам, выбраны: председателем проф. А. П. Доброклонский и членами правления: В. С. Жардецкий, А. В. Ососов, профессор Пио-Ульский, проф. А. Л. Погодин, Д. В. Скрынченко, Б. В. Соколов, А. А. Никольский.

В октябре 1925 года профессор Доброклонский поместил свое обращение к педагогам в газете «Новое Время» (13 окт. 1925 г. № 1337) и в газете Руль (14 окт. № 1480), где он подверг деятельность Союза Русских Педагогов (союз Гриня) критике и призывал русских педагогов объединиться на иных основаниях в новом обществе.

По полученным нами сведениям членов в новом Педагогическом Обществе уже 87 человек, так что следующее извещение Правления «Союз Русских Педагогов» можно считать устаревшим:

«Выступление консультанта по учебным делам при делегации, ведающей интересами русской эмиграции, проф. А. П. Доброклонского против нашего союза кончилось, как мы и ожидали, избранием профессора председателем нового педагогического общества, насчитывающего всего лишь около 10 человек и состоящего, главным образом, из тех «педагогов», кои выбыли из нашего союза без права обратного вступления в союз». (Вестник Союза № 4).

Цель нового общества так определена в Уставе:

§ 1. Общество вне всякой политики и имеет исключительную цель — объединение педагогических работни-

ков, которые живут в Королевстве СХС, и оказывание им моральной и материальной помощи, которая может быть: а) помощь при подыскивании занятия или службы, б) определение членов Общества, которые в этом нуждаются, в санатории, больницы, дома для старых и слабых людей и т. д., в) выдача денежных субсидий, постоянных и временных, заимообразных и безвозвратных, г) снабжение тех, кои имеют в том потребность, одеждой, пищей, приютом и т. д.

§ 2. Согласно приведенных целей Общество, на основе государственных законов и правил, которые применяются в Королевстве СХС, заботится: а) об открытии школ всех типов, б) об организации педагогических и ремесленных курсов, в) об открытии приюта, г) об организации дешевых столовых, д) об организации мастерских, е) об организации земледельческих колоний, ж) об открытии и содержании библиотек и т. д., и 3) об издании научных педагогических газет, брошюр, книг и т. д.

Вот те разнообразные цели, которые поставило себе новое Общество. Оно их может выполнить лишь при полной поддержке русского учительства, общественности и приютившего нас государства.

Русское учительство проработало в Югославии вот уже скоро 6 лет, отдельные группы пробовали применять различные принципы и методы организации педагогических сил. И нужно сознаться, что в этом отношении достигнуто слишком немного. Причин слабой профессиональной сорганизованности русских педагогов очень много. На первом месте, конечно, разобщенность педагогов, в виду разбросанности русских учебных заведений по Королевству. Трудно русскому учителю уделить из своего грошевого содержания на поездку в Белград для участия в собрании, совещании, конференции. Кроме того, у русского преподавателя средней школы не создалось ни навыков, ни традиций для профессионального объединения.

И в России в свое время такого рода союзы всегда были менее активными, чем союзы коллег низшей школы.

Но здесь-то в эмиграции условия именно таковы, что создание объединений есть насущный вопрос для русских педагогов. Сознание этого все шире распространяется. Нельзя не отметить, что общие интересы, нужды и общие заботы о родной молодежи чем дальше, тем больше сближают между собою педагогов эмиграции. Это особенно ярко сказывается, когда приходится вести совместно деловую работу.

Нужно пожелать, чтобы наше учительство здесь в Югославии решило совместными усилиями создать почву для общей серьезной работы. От этого только выиграет и школьное дело и мы сами.

Из предыдущего очерка видно, что основная масса русских учителей — люди с большим стажем, пожилые, поуставшие. Молодых сил среди эмигрантского учительства очень мало. Старым педагогам смены нет. Не следовало бы растрачивать силы на мелкую борьбу в несущественных вопросах. В главном ведь учительство единодушно. У него есть основной долг перед Родиной — сохранить для нее нашу молодежь, научивши и воспитавши ее для работы на благо родной земли. Кроме того, пора позаботиться и о более прочном устроении своего положения.

Без конца работать педагог не может. Что станет с ним, когда иссякнут силы, уйдет здоровье, не будет места, работы. Пора самим приняться за решение этих неизбывных вопросов. Только сами педагоги могут помочь себе. Никакие отдельные «активные», «авторитетные» покровители не сделают того, что может сделать крепко спаянное профессиональное общество. Оно всегда найдет внимательное к себе отношение как в обществе, так и у представителей власти. В распыленном состоянии педагоги всегда окажутся бессильными. Благодаря своим организацион-

ным неудачам русскому учительству так и не удалось связаться с братскими учительскими организациями приютившей нас страны. А между тем юго-славянское учительство удивительно тепло и внимательно относится к нашим нуждам и высоко ценит нашу педагогическую работу.

Нужно очень сожалеть, что нам не удалось до сих пор войти в деловую организационную связь с нашими друзьями-коллегами в Королевстве. Хочется надеяться, что у инициаторов и руководителей учительских Обществ установится понимание необходимости совместной работы.

Уцелевшее «Общество преподавателей» и только что возникшее «Русское Педагогическое Общество» несомненно найдут приемлемые организационные формы согласованной работы, тем более, что новое общество предполагает войти в пражское Объединение Учительских Организаций, а старое «Общество преподавателей» давно состоит членом названного Оъединения.

В таком случае мы в Югославии будем иметь организацию, которая сможет организовать нам и взаимную поддержку в нашей технической работе, путем совещаний, курсов и т. п., — сможет улучшить наше материальное положение, поставит вопрос о страховании на случай старости и безработицы, и, наконец, даст опору и защиту от лиц, увлекающихся своим служебным положением.

Н. Чернышев.

Белград, 13. IV. 1926 г.

БОЛГАРИЯ

Предлагаемые ниже строки есть не столько очерк, сколько справка. Иного, чем справку, автор не может предложить по очень простой причине: нет необходимых материалов. Та же организация, которая могла бы тщательно обследовать положение русского учительства в Болгарии, существует только с небольшим год. Срок достаточный, чтобы организоваться и очень малый, чтобы выполнить такую, требующую тщательности работу, как указанная выше.

Великий русский исход, в той массе русских людей, которые изгнание предпочли примирению с большевиками, вобрал в себя известный процент и работников в области народного просвещения. Рассеявшись по разным странам Европы, часть их в 1920—22 гг. осела и в Болгарии. Эту болгарскую группу русского учительства можно разбить на три разряда: 1) работающих в болгарских школах, 2) работающих в русских школах и 3) живущих физическим трудом.

Начну с последней группы. По частным сведениям, притом случайного характера, лиц, вынужденных вместо кафедры стоять у непривычной физической работы, в Болгарии имеется около 30 или 40 человек. Жизнь их, в условиях полной оторванности от культурной жизни, едва ли нуждается в подробном освещении. Это жизнь всей русской культурной эмиграции, волею судеб вынуж-

денной тяжелым, иногда неприятным, физическим трудом добывать себе хлеб. Вот, например, болгарская карьера одного из педагогов-профессионалов, в настоящее время работающего в учреждениях В. С. Г. и З. Г. К. Прежде, чем устроиться по своей профессии (совершенно случайно), ему пришлось и землю копать, и на лесных измерительных работах быть, и на фабрике работать, сначала в качестве тюконосца, а потом просто в качестве придатка к ножной машине. Затем мне известен случай работы на пристани. Вот приблизительно таким трудом и существуют те российские педагоги, которым судьба не улыбнулась и не одарила счастьем работать и в эмиграции около любимого и привычного им дела. К сожалению, нет никакой возможности дать об этой группе более удовлетворительные сведения. Несмотря на неоднократные обращения в местной русской газете правления Союза почти никто из занимающей нас группы не отозвался. Других же способов добыть нужные сведения нет.

Перехожу к первым двум группам. Всех вообще педагогов по профессии, а также сделавшихся таковыми уже в порядке эмигрантском, в Болгарии насчитывается 224 человека. Из них 125 человек (о них ниже) работают в просветительных учреждениях В. С. Г. и З. Г. К. и 99 человек в болгарских учебных заведениях. Последняя категория устроена прекрасно. Как и учителя болгары, они получают за 18 недельных уроков до 32 долларов (4.500 лева), сумму вполне обеспечивающую жизнь семьи в 2—3 человека. При этом болгарское правительство засчитывает им в срок выслугу на пенсию всю прежнюю (в России) педагогическую службу, представляя все льготы, которыми пользуются болгарские учителя (например, скидка по ж.-д., добавки на детей школьного возраста и т. п.)... Не удалось установить предметы, которые преподаются русскими учителями в болгарских школах. Все же можно, почти безошибочно, сказать, что

больше всего преподают новые языки, потом латинский и, наконец, математику. Вот все, что можно сказать о русских педагогах на болгарской службе. А между тем, например, крайне было бы интересно установить образовательный ценз этой группы и ее служебный российский стаж. Попытки правления Союза привлечь эту группу в Русский Учительский Союз не увенчались успехом. Все русские учителя на болгарской службе состоят в объединенном Союзе болгарских учителей и, повидимому, в русском объединении мало заинтересованы.

Что касается работающих в русских учебных заведениях (5 смешанных гимназий, 1 сельско-хозяйственное училище и 3 детских сада), то здесь мы можем дать, благодаря имеющимся в правлении Союза данным, более точные сведения, чем о первых двух группах. Так, прежде всего является возможным определить образовательный ценз и служебный стаж, что можно видеть из следующих таблиц:

Таблица 1

Образовательный ценз

Учебные заведения:	С высш. образов.	С средним образов.
Софийская гимназия	17	3
Варненская гимназия	11	3
Шуменская гимназия	11	4
Галлиполийская гимназия . . .	10	7
Пещерская гимназия	5	7
Сельско-хозяйствен. училище . .	8	3
Детские сады	3	14
Итого . . .	65	41

При этом лица с высшим образованием распределяются так:

С высшим богослов. образованием . . .	2
Математиков	10
Филологов	20
Юристов	8
Медиков	5
Высшие женские курсы	5
Высшие сельско-хозяйствен. образование .	4
Высшее военное образование	10
Высшее коммерческое образование . . .	1

Таблица 2

Служебный стаж

Учебные заведения:	Общее число преподающих	Колич. профессионалов со стажем	%%
Варненская гимназия . . .	14	8	57
Софийская гимназия . . .	20	10	50
Галлиполийская гимназия . .	17	7	41
Шуменская гимназия . . .	15	5	35
Пещерская гимназия	12	2	16
Сельско-хозяйственное училище .	11	5	45
Детские сады	17	11	70

Таким образом, большинство служащих в русских учебных заведениях Болгарии с высшим образованием. Зато сравнительно скромен % профессионалов. Особенно это бросается в глаза в Пещерской гимназии.

О семейном положении и возрасте русских учителей, служащих в русских учебных заведениях, дают представление следующие таблицы:

Таблица 3

Число членов семьи	Число семей	% общего числа
141	85	60,3

Таблица 4

Учащие	Число лиц	Одиноких	Семейных
Мужчины . . .	92	23	69
Женщины . . .	33	6	27
Итого . . .	125	29	96

Таблица 5

Возраст	Число учащих	% общего числа
До 30 лет . . .	12	9,6
„ 35 „ . . .	22	17,6
„ 40 „ . . .	24	19,2
„ 45 „ . . .	23	18,4
„ 50 „ . . .	14	11,2
„ 55 „ . . .	17	13,6
Более 55 „ . . .	13	10,4
Итого . . .	125	100

С 15-го ноября 1924 года почти все служащие в русских просветительных учреждениях объединены в «Союз русских педагогов в Болгарии». К 1-му января 1926 года в Союзе числилось 111 членов. До образования Союза русское учительство в Болгарии почти совершенно не думало о необходимости единения. Некоторые же хотя и думали, но их думы встречали сопротивление или в инертности одних, или же... просто во враждебности ко всяким союзам других. Так, когда на Софийском Педагогическом Съезде в ноябре месяце 1924 года дебатировался вопрос о Союзе, то одним участником совещания, отрицавшим нужность Союза, было сказано почти буквально следующее: «я помню по Н... эти союзы. Вот где они у меня сидят». Потребовалось время, чтобы этот участник совещания переменил свой взгляд на значение Союза и сделался одним из деятельных его работников.

Итак, первоначально идея Союза встречала себе препятствие или в инертности одних, или же во враждебности других. Все же попытки объединения делались. Таковы попытки педагогического персонала Шуменской гимназии. К сожалению, и здесь, хотя и по другим причинам, в конечном итоге объединения создать не удалось Вместо единой, как казалось должно было быть, здесь

создались две боровшихся между собою группы. С образованием общего Союза в Болгарии обе группы, конечно, умерли своею естественною смертью. Тем более, что то, что раньше делило единую гимназическую семью на две части, к моменту образования Союза совершенно исчезло. Как бы то ни было, но в Шуменской гимназии проявление интереса к жизни, выходящей за пределы повседневных мелочей, все же было. Нельзя того же сказать про другие места. В чем же выразилась деятельность Союза и что дало произведенное им обследование положения учительства, работающего в русских учебных заведениях.

С первых же дней своего существования Союз, под руководством своего создателя и первого незабвенного председателя, покойного П. Н. Соковнина, поставил своею целью объединить все русское учительство в Болгарии на почве удовлетворения его духовных и материальных потребностей. Как-то выяснилось в результате опроса местных групп Союза, эти нужды, в особенности материальные, требовали и требуют самого внимательного к себе отношения. Шуменская группа в своем ответе прямо подчеркнула, что от Союза она ждет прежде всего изыскания и осуществления способов, которые могли бы облегчить удовлетворение их материальных нужд.

Если разобраться в материальных условиях жизни служащих в русских учебных заведениях Болгарии, то такому фиксированию внимания на «житейских» вопросах совершенно не придется удивляться.

Наглядное представление о размере получаемого русскими учителями в русских школах содержания дают:

Таблица 6

Величина заработка			Число лиц, его имеющих	% общего числа
До 1000 лев получ.		. . .	12	9,6
„ 1500 „ „		. . .	28	22,4
„ 2000 „ „		. . .	31	24,8
„ 2500 „ „		. . .	34	27,2
„ 3000 „ „		. . .	15	12,0
Свыше 3000 „ „		. . .	5	4,0
	Итого	. . .	125	100

Таблица 7

Зарабатывающих		Число лиц, имеющих такой заработок	% от общего числа учителей, давших сведения
До 50% прожит. миним.	. .	24	19,2
„ 75% „ „	. .	81	64,8
„ 100% „ „	. .	20	16,0
Итого	. . .	125	100

При прожиточном минимуме в Болгарии в 20 долларов (2800 лев *), оклад содержания их колеблется от 3-х до 23-х долларов, т. е. в среднем составляет 7½—11½ долларов. Сумма эта может быть достаточна для одинокого. Но для семейного ее ровно хватает только на то, чтобы покрыть ежедневные расходы на самые существенные надобности, как-то на сахар, чай, картофель, жиры и т. п. Ибо, хотя, например, служащим в гимназиях к жалованью еще дается паек с котла или сухими продуктами в общей сумме на 2 с небольшим доллара, — право пользования ими принадлежит только самому служащему и его детям — учащимся. Остальные же члены семьи (жена, дети — не учащиеся) кормятся за счет главы семьи.

---

*) Справка о котировке 31 марта 1926 года в Софии болгарского лева во французских франках и американских долларах:

1 доллар американский — 138 лев.
1 франк французский — 4,80 лева.

Понятно, что сделать тут какие-либо сбережения на единовременные затраты по обмундированию себя и семьи, представляется чрезвычайно трудным. Вот это, вероятно, и имела в виду Шуменская группа, когда предлагала правлению Союза обратить внимание на вопросы, связанные с материальным бытом членов Союза. Надо сказать, что правление оценило всю серьезность пожелания и уже к весне 1925 года сумело войти в соглашение с одной софийской фирмой, согласившейся в рассрочку отпускать членам Союза готовое платье. Затем правление усиленно занялось выработкой устава Кассы Взаимопомощи. К сожалению, безвременная кончина П. Н. Соковнина замедлила эту работу. Вообще смерть П. Н. была тяжелым ударом для Союза. У покойного были широкие планы и относительно облегчения материального положения учительства и относительно удовлетворения его духовных потребностей. Так, он предполагал создать местный педагогический журнал, устраивать в провинции силами русской софийской профессуры лекции, создать передвижную библиотеку и т. п. Но смерть помешала все это осуществить. Как справятся с этой задачей преемники П. Н., покажет будущее. А пока все внимание теперешнего Правления сосредоточено на организации на Пасхальной неделе делегатского Съезда местных групп для решения отчасти организационных вопросов (устав Кассы Взаимопомощи), отчасти программоучебных вопросов, возбужденных уполномоченным В. С. Г. в Болгарии А. В. Арцишевским. По его инициативе в августе 1925 года в Софии уже состоялось совещание математиков по программным вопросам. Это совещание разработало программы, одинаковые для всех средних учебных заведений в Болгарии, которые и были введены в действие с начала 1925—26 учебного года. Теперь, по инициативе того же А. В. Арцишевского, на Пасхе перед делегатским Съездом состоится Съезд преподавателей по предметам

«Rossica», отчасти с целью пересмотреть распределение материала по классам, главным образом, в виду той роли, какую эти предметы играют в национальном воспитании и необходимости заострить на этом воспитании особое внимание, чтобы недопустить несомненно угрожающей нашим детям денационализации.

Вот то немногое, что пока можно сказать о русском учительстве и его работе в Болгарии. Надо думать, что время и несомненно развивающаяся деятельность Союза в будущем дадут возможность осветить вопросы, затронутые в настоящей справке, более полно и обстоятельно.

П. Фивейский.

Со времени получения редакцией статьи г. Фивейского поступила следующая дополнительная информация:

Вследствие уменьшения числа русских детей школьного возраста в Болгарии, а также по причинам финансового характера, прекратила свое существование в начале нового 1926—27 года Галлиполийская гимназия. Учащиеся закрывшейся гимназии распределены по трем гимназиям В. С. Г. О судьбе учащих сведений не поступило.

Состоявшееся в мае м. с. г. в Софии Педагогическое Совещание преподавателей рус. национальных предметов дало очень ценные практические результаты. Была выполнена большая работа по пересмотру уч. програм предметов Rossica. Измененные и дополненные программы вводятся с осени т. г. в русские ср. уч. заведения Болгарии.

В Союзе Русских Преподавателей ко дню Делегатского Съезда состояло 112 членов. Съезд принял решение устроить подвижную библиотеку и открыть действия Ссудо-Сберегательной Кассы при Союзе, устав каковой был разработан и получил утверждение на Съезде.

В. Г.

ФИНЛЯНДИЯ*)

По отношению к числу населения господствующей национальности % коренного русского населения в Финляндии очень малый, всего: 0,12—0,15%. Проходящая всего в 3-4 десятках верст от Петербурга пограничная линия, близость вообще к северной столице районов, тяготевших экономически и культурно к ней и составлявших до революции естественные места для дачных поселков, наконец, больше чем столетнее пребывание Финляндии в составе Российского государства, казалось должны были бы дать цифру русского населения в ней иную, большую, чем она есть на самом деле. В нашу задачу не входит обсуждение этого, имеющего специальный интерес, вопроса. Мы отмечаем его в начале статьи всего лишь как факт, который является в значительной мере показательным, и мы пользуемся им, как вводным моментом к вопросу о положении русской школы и русского учительства в Финляндии.

Проживавшие в дореволюционное время в крупных административных центрах Финляндии (Гельсингфорс, Выборг, губернские города) русские семьи, преимущественно государственных чиновников, ремесленников, слу-

---

*) *Источники:* 1) информация представителя «Объединения» в Финляндии К. А. Александрова.

2) «Зарубежная русская школа» Париж 1924.

жащих торговых предприятий, при водворении в России коммунистической власти и провозглашения Финляндии суверенным государством, в большей своей части остались на прежних местах жительства и сохранили не только имущество, личные сбережения, но и квартиры, квартирную обстановку, книги и т. д. Эта категория русских людей, вынужденная в силу новых политико-экономических условий жизни молодого государства переменить род занятий, так или иначе приспособилась к новым условиям существования и является наиболее обеспеченной группой русского населения в Финляндии. Организованные по отдельным городам в православные приходы, эти группы имеют в лице приходских советов финансирующие и направляющие всю культурно-просветительную работу органы. В непосредственном ведении этих приходских советов находятся 4 школы с русским языком преподавания. Две из них — Гельсингфорская гимназия и начальная школа в Гельсингфорсе финансируются почти исключительно местными приходскими советами. Две другие — Выборгский лицей и начальная школа в Выборге лишь отчасти содержатся на средства приходов и некоторую долю денежной помощи получают от Отдела Российского Земско-Городского Комитета в Финляндии.

Вторую группу русских людей, проживающих в Финляндии можно причислить к, так наз., категории русского меньшинства. Эта группа, населяющая сравнительно небольшой район, имеет в ведении Красносельского прихода 3 начальных школы с русским языком преподавания.

Наконец, третью группу составляют элементы, эмигрировавшие из России в разное время за последние годы, а также лица, которые после отделения Финляндии от России и закрытия в силу революционных событий границы, остались жить в Финляндии и стали благодаря

этому фактическими эмигрантами. Последняя группа, в которой небольшое число составляют владельцы дач, расселена преимущественно в местах расположения дач, в Выборгском районе. Эта группа наиболее материально необеспеченная, социально неоднородная в своем составе, может быть названа эмигрантской, беженской. Большинство людей этой группы проживает в пригpаничной полосе, в дачных местностях: Куоккала, Райвола, Териоки, Келломяки, Халила, Олила, Мустамяки, Перкъярви. Число русских беженцев в 1924 году определялось около 15.000 человек. Экономическое положение членов этой группы все более и более ухудшается. Возникнувшие в первые годы беженства, т. наз., беженские школы, не обладали вообще никакими средствами и существовали на случайные пожертвования. Существовавшие же в этом районе до 1917 года и содержавшиеся за счет Министерства Народного Просвещения Российской империи правительственные школы, перестали с конца 1917 г. получать средства. После закрытия границы они перешли на положение беженских школ и никаких средств для дальнейшего обеспечения не имели. Положение их в материальном отношении оказалось крайне тяжелым. Постоянного бюджета не существовало, школы имели большую задолженность, учителя не получали вознаграждения по нескольким месяцам. В 1921 году на помощь гибнущей школе пришел Отдел Российского Земско-Городского Комитета в Финляндии. Начав эту помощь с выдачи единовременных пособий на уплату долга преподавателям и вообще на ликвидацию 1920—21 учебного года, Комитет с осени 1921 года стал оказывать систематически ежемесячную помощь целой сети русских школ в Финляндии. Фактически Комитет является теперь единственной русской общественной организацией, которая материально питает эмигрантские школы в Финляндии и без помощи которой

большинство русских школ перестало бы существовать. На основании свыше чем 4-хлетнего опыта можно сказать, что в некоторых школах дотация Земско-Городского Комитета составляет свыше 90% всего бюджета, а в Териокском реальном училище, центральном училище приграничного района, наиболее многолюдном — до 80%. Даже в Выборгском русском лицее, который в отношении обеспеченности может считаться наиболее прочной школой и который содержится на средства прихода, субсидия от «Земгора» равнялась не менее 25% всего бюджета, составляемого при повышенной сравнительно с беженскими школами оплате учительского труда.

Всего в Финляндии по данным конца 1925 года школ с русским языком преподавания имеется 16, из коих 10 входят в сеть субсидируемых Земско-Городским Комитетом.

По типам школы «Земгора» следующие:

5 типа средних учебных заведений.

3 являются начальными школами типа начальных школ Министерства Народного Просвещения бывш. Российской Империи.

2 функционируют, как учебные подготовительные группы.

Всего в указанных выше трех группах русского населения школы обслуживает педагогический персонал в количестве 120 человек *).

Наименование школ беженского типа, т. е. существующих, главным образом, на средства Земско-Городского Комитета, распределение по ним учащихся и преподавательского персонала дает следующая таблица:

---

*) Данные относятся к июлю м. 1926 года.

Таблица № 1

Средние школы:	Число классов	Число учащихся	Число преподавателей
1. Выборгский русск. лицей . . .	8	174	19
2. Келломякское реальн. училище . . .	приг. и 4	42	10
3. Куоккаловское училище . . .	приг. и 4	34	8
4. Райволовская средняя школа . . .	приг. и 4	68	10
5. Териокское реальное училище .	7	152	15
Начальные школы:			
6. Выборгская	3 отд.	61	6
7. Райволовская	4 отд.	35	2
8. Териокская	5 отд.	34	5
Учебные группы:			
9. Мустамякская	—	6	2
		16	2
		622	79

Образовательный ценз 86 учащих, преподававших в 12 русских школах по данным начала 1925—26 учебного года следующий:

Таблица № 2

	Число учителей	%%
Высшее образование	32	37,3
Среднее образование	50	58,2
Домашнее образование	4	4,5
	86	100

Из них:

	Мужчин	Женщ.
С высшим образованием	24	8
Со средним образованием	18	32
С домашним образованием	1	3
	43	43

По типу высшего учебного заведения окончили:

Университет	9
Историко-филологический Институт . . .	2
Высшую специальную школу	6
Военную Академию	3
Академию Художеств	3
Духовную Академию	1
Бестужевские курсы	2
Педагогическую Академию	1
Медицинский Институт	1

Ядром преподавательского персонала в школах, находящихся в городах (Гельсингфорс, Выборг), являются квалифицированные преподаватели бывших императорских учебных заведений. Типичные эмигрантские школы, расположенные в дачных районах, имеют смешанный состав педагогического персонала. Здесь работают и учителя-профессионалы с большим педагогическим стажем, и на ряду с ними имеется группа педагогов, начавших свою педагогическую деятельность лишь со времени перехода их на эмигрантское положение.

По данным 56 анкет русские учителя имеют следующий педагогический стаж:

Таблица № 3

Число лет педагогич. службы	Число лиц	%%
До 5 лет	17	30,3
„ 10 „	8	14,3
„ 15 „	7	12,3
„ 20 „	10	18
„ 25 „	6	10,8
более 25 „	8	14,3
	56	100

О семейном положении русского учительства в Финляндии те же анкетные материалы дают следующие сведения:

Таблица № 4

Учащие	Число	Одиноких	семейных
мужчин . .	29	19	37
женщин . .	27		
	56		

Таблица № 5

Число членов семьи	Число семей	% общего числа
1	19	33,9
2	12	21,5
3	10	17,8
4	6	10,8
5	4	7,2
6	2	3,5
7	1	1,8
8	2	3,5
	56	100%

Местонахождение школ (город, село или дачная местность), а также источники, финансирующие их являются основными факторами в вопросе о материальном положении как самой школы, так и учительства.

Так, например, 3 школы в Красносельском приходе, могущие быть названными школами русского меньшинства, резко отличаются по своему материальному положению от школ чисто эмигрантского типа. Условия существования, работы и вознаграждения преподавателей в этих школах почти те же, что условия финского учительства начальных школ, т. е. каждый из учителей имеет квартиру в 2—3 комнаты с отоплением и вознаграждение от 900—1.500 финских марок в месяц. Эти школы находятся на полном материальном попечении сельской общины, довольно многолюдной, с прочно существующей экономической базой. Такие школы помещаются в специальных зданиях. Они снабжены необходимым инвентарем, учебными пособиями и т. п.

Таковы в самых общих чертах условия существо-

вания русского учителя, работающего в школах русского меньшинства.

Несколько в более худших условиях находятся школы, так сказать, полуэмигрантского типа, т. е. школы преимущественно городские, содержимые, главным образом, на средства православных приходов и лишь в незначительной степени зависящие в финансовом отношении от Зем.-Гор. Ком. Так, Гельсингфорская гимназия, Выборгский лицей и начальная школа в Выборге помещаются в специальных школьных зданиях, просторных, светлых, с необходимым запасом учебных пособий и т. п. Вознаграждение педагогов в Гельсингфорской гимназии от 1.500—4.000 финских марок в месяц. В Выборгском лицее — от 600 до 1.800 финских марок. Педагоги живут в приличных городских квартирах, часто в условиях высокой материальной культуры, пользуются всеми удобствами городского существования. Но следует отметить, что сравнительно хорошие условия, в которых они живут в настоящее время, объясняются тем обстоятельством, что они приехали в Финляндию еще до революции и всех тяжестей беженской и эмигрантской жизни не испытали. Вот почему они сохранили квартирную обстановку или, по крайне мере, часть ее, сохранили квартиры, книги. Но, конечно, и их положение по сравнению с тем, что было до 1917 года, значительно ухудшилось. Надо иметь в виду, что вознаграждение преподавательского персонала в Финляндии до революции, выдаваемое золотом, было выше, чем в школах в России. Затем цены за эти последние годы выросли. Ставки в Выборгском лицее (525—700 финских марок в год за недельный час) могут быть рассматриваемы, как минимальные, они значительно ниже, чем в финских и шведских лицеях и дают возможность лишь очень скромного урезанного существования и то при условии, если число членов семьи небольшое и если каждый член семьи имеет заработок; если же семья имеет одного

лишь работника, то заработка не хватает, и не может хватать, как это мы увидим дальше.

Совсем в иных и несравненно худших условиях находятся школы эмигрантского типа. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что школы этого типа находятся вне города, они существуют в районах расположения дач; постоянных или специальных школьных зданий они не занимают. Ни о какой системе и плане в их возникновении совсем не приходится говорить, т. к. все они, за исключением Териокского реального училища и Териокской начальной школы, возникали спорадически, благодаря почину группы родителей определенной дачной местности. Очень часто школа возникала по инициативе вырвавшейся из Советской России группы интеллигентов, раньше не занимавшейся педагогической деятельностью. И когда школа открывалась, то работу в ней получали лица разнообразных свободных профессий — инженеры, юристы, офицеры генерального штаба.

Приходится еще отметить, что в Финляндии до настоящего времени нет органа, который объединял бы в учебном отношении русские школы в одно целое и руководил бы их работой. Нет органа, который мог бы связать русскую школу в одну сеть, дать ей определенные задания, выработать общие учебные планы и программы, унифицировать их. Эта важная задача выполняется самими школами, их преподавателями, устраивающими иногда совещания, конференции.

Русские школы разнотипны и в своей работе следуют различным программам, отражая в них ту обстановку, при которой многие из них возникли в первые годы своего существования. Педагогов, которые работали раньше, до революции, в школах бывших дачных районов очень мало. Большая часть из них — беженцы. О каком-либо твердом бюджете по отношению к этим школам не прихо-

дится говорить. Эти школы существуют почти исключительно благодаря денежной поддержке Земско-Городского Комитета, ежемесячные ассигнования которого идут главным образом на выдачу преподавательского жалованья, уже не из расчета в 600—700 финских марок за недельный час, как это имеет место в Выборгском лицее, а приблизительно в 250 финск. марок и меньше. При таком расчете каждый урок оплачивается не более, как 5 фин. марок за час. Размер же получаемого содержания выражается в суммах от 84 до 400 марок в месяц, и, конечно, этот заработок крайне недостаточен, жить на него нельзя и приходится в буквальном смысле затрачивать героические усилия для того, чтобы хотя бы как-нибудь прожить на этот скудный заработок, всячески экономя, рассчитывая каждую марку, прирабатывая частными уроками, физическим трудом, участием в оркестрах, сокращая число покупаемых продуктов путем разведения огорода, отапливая дачу собранным в лесу хворостом, пойманными в заливе дровами. Приведем типичный пример условий жизни учителя-эмигранта, заимствованный нами из письменного доклада Председателя Земско-Городского Комитета в Финляндии К. А. Александрова: «Учитель с высшим образованием, заведует небольшой школой и имеет уроки в гимназии, отстоящей от его местожительства на расстоянии 45 минут езды по железной дороге. Заработок его — 600 марок с небольшим по этим двум школам. Еще кое-какие гроши он прирабатывает уроками в частном пансионе и как регент. При поездках в гимназию он должен пройти 2 километра до станции, но для того, чтобы не платить за удостоверение на выезд из пределов пригpаничной зоны, он идет на соседнюю станцию, лежащую вне ее, и тогда ему приходится делать до 7 километров. Частный пансион, в котором он дает уроки, отстоит от начальной школы, при которой он живет, на расстоянии 10 километров и он про-

ходит его пешком, не взирая на погоду. Одет он в одну и ту же тужурку, в которой четыре года тому назад он пришел из Кронштадта. Теплого пальто у него нет. Все деньги уходят на питание, разумеется, очень скромное семьи, состоящей из 5 душ».

В подобного рода условиях необеспеченного существования живет большинство эмигрантского учительства. Живут в дачах мало пригодных для жительства в снежную и холодную зиму. Получаемого содержания не всегда хватает на удовлетворение самых основных жизненных потребностей, не говоря уже о культурных потребностях. В силу нищенского бюджета учителя лишены даже возможности поехать в культурный центр, выписать интересующую их книгу, так как такие расходы могут быть произведены лишь за счет урезки расходов на скудное питание. И учителя сидят безвыездно годами, отрезанные от культурного мира, сидят даже без общения с другими учителями. В холодных комнатах дач, в которых температура 7—8 градусов обычное явление, в длинные зимние вечера приходится работать, готовиться к урокам, исправлять ученические тетради, чинить обувь и платье.

Особенно ярко подчеркивается безотрадное положение русского учителя эмигрантской школы, если мы сравним его с положением финского учителя. Размер получаемого содержания народным учителем в финских школах мы приводили уже выше. Что же касается содержания лекторов финских лицеев, то для наших учителей его размер может казаться баснословным. Так, младшие лектора при 22 уроках получают в год 28 тысяч, старшие лектора при 18 уроках получают до 36 тысяч в год, т. е. по 2.000 в год за недельный час. Значит в десять раз больше русских учителей. Приходится сказать, что работа русского учителя-эмигранта оплачивается ниже не только работы его

собрата по профессии, но и ниже работы чернорабочего, не говоря уже о квалифицированном рабочем*).

Нарисованная нами на основании проверенных сведений и цифровых материалов картина условий жизни и работы русского учителя в Финляндии была бы не полна, если бы мы обошли молчанием вопрос о заинтересованности широких кругов русского учительства, проживающего там, в создании учительской организации построенной по профессиональному признаку. Как и во всех странах обитания русской эмиграции, где только существует русская школа и живет русское учительство, всегда перманентно возникали в его среде устремления к профессиональному объединению, так и в Финляндии идея объединения учительства в один учительский союз возникла уже давно среди русских педагогов и сравнительно недавно вылилась в форму конкретного достижения. Чрезвычайная территориальная разбросанность русских школ друг от друга, отсутствие единого и связывающего, в административном и учебном отношении, центрального органа, наконец, полуголодное существование русского учителя, являлись трудно преодолимыми факторами для осуществления мысли — объединить русское учительство в профессиональную учительскую организацию. И в то время, как сравнительно небольшое число русских учителей, преподающих в русских школах в городах, и находящихся в лучших материальных и культурных условиях, казалось бы могли не только проявить инициативу, но и обладали бо́льшими рессурсами для реализации этой идеи, все же оказалось, что только эмигрантское учительство, побуждаемое интересами, как чисто практически-утилитарного, так и идейного характера, сделало в

---

*) С 1 января 1926 г. З-Г. Комитет увеличил содержание преподавателей в школах Териокского района на 10—20% получаемого ранее ими вознагражденія.

этом направлении первые шаги. Понадобилось много времени и еще больше усилий, чтобы заложить фундамент такой организации. Только в самом начале 1925 года в центре расположения эмигрантских школ, в Териоках, а именно, 2-го января состоялось первое организационное собрание нового учительского общества. Был разработан устав, произведены были выборы членов исполнительного органа — Бюро, был установлен размер членского взноса, намечены основы организации кассы взаимопомощи и план деятельности. Возникнувшая учительская организация приняла наименование — «Объединение русских учителей в Финляндии». По данным конца 1925 года в «Объединении» состоит 54 члена. Размер членского взноса равняется 2 финским маркам в месяц. «Объединение» с момента своего возникновения имело 2 общих собрания, значение которых надо расценивать не только с точки зрения целей профессиональной организации, но и как редкое отрадное в условиях жизни эмигрантского учительства явление, дающие возможность удовлетворения потребности педагогов в культурном общении, в обмене мнениями по ряду педагогических и школьных вопросов, а также для личных встреч, разобщенных друг от друга тяжелыми условиями жизни, педагогов. Эти собрания выявили глубокий интерес у их участников к ряду вопросов, как теоретической педагогики, методов преподавания отдельных предметов, так и к чисто научным проблемам. В частности, на них была произведена большая работа по установлению взглядов на новое и старое правописание.

«Объединение» к данному времени только вступило во 2-ю годовщину своего существования. В силу вышеуказанных тяжелых условий жизни и работы русского учительства до сих пор не оказалось возможным определить более или менее точно количество русских учителей в Финляндии, как занятых педагогической работой, так и безработных. Также благодаря этим условиям еще

не выполнен ряд решений общих собраний по детальному обследованию положения русского учительства в Финляндии и не осуществлены намеченные мероприятия к улучшению условий жизни и работы его.

В. Грабовый.

ЭСТОНИЯ*)

Для обрисовки положения русского эмигрантского учительства в Эстонии необходимо прежде всего этот вопрос определенно и четко отграничить от вопроса о положении учителей русской национальности, но являющихся полноправными гражданами Эстонской республики. Как и в большинстве стран, где живет русская эмиграция, русский учитель-эмигрант в Эстонии поставлен условиями местной политической и экономической жизни в положение, оставляющее желать многого. Помимо естественных условий для существования эмигрантской школы, которые вызываются, во-первых, наличием в определенном месте (городе, деревне) относительно большой группы детей-эмигрантов школьного возраста, во-вторых, обеспечением ее в материальном отношении, вопрос об эмигрантской школе в Эстонии в значительной мере опре-

---

*) *Источники:* 1) Информации представителя «Объединения» для Эстонии и члена Педагогического Бюро М. И. Соболева.

2) Информация Професс. Союза русских учителей-эмигрантов в Эстонии.

3) Статья А. К. Янсона, помещенная в № 10 Бюллетеня Педагогического Бюро.

4) Доклад второму съезду деятелей средней и низшей русской школы заграницей о культурно-просвет. работе Комитета русских эмигрантов в Эстонии.

5) «Зарубежная Русская школа» 1920—1924 г. Изд. Рос. Земско-Городск. Комитета в Париже 1924 г.

деляется еще законом об обязательном обучении и условиями обучения детей-эмигрантов в общественных и частных русских школах.

Подавляющее количество русской эмиграции в Эстонии расселено в районах с исключительно эстонским населением, где русских местных школ не имеется, а имеются лишь эстонские, посещение которых затрудняется незнанием эстонского языка, тем более, что в этих школах преподавание русского языка исключено совершенно.

Поэтому, естественно, русские дети, живя среди эстонцев и не изучая родного языка в школе, могли бы забыть родную речь, а вместе с нею и те основы русской культуры, которые русские учителя судьбою истории призваны хранить и развивать в детях, где бы они ни были. Из общего количества детей эмигрантов школьного возраста — 1.588 в 1925 г. — 800 проживает в районах, населенных эстонцами. Кроме сего, детей дошкольного возраста, от 6 до 7 лет — около 150.

На основании § 5 закона об обязательном обучении в Эстонской республике школы с родным языком преподавания за счет государства и местных самоуправлений открываются лишь там, где число детей, нуждающихся в школе, будет не менее 20, но эта льгота касается детей русских граждан республики, но не русской эмиграции, а потому приходится считаться с фактом, что школы в Эстонии для детей русских эмигрантов могут существовать лишь за счет частной инициативы и благотворительности, где нет русских меньшинственных местных школ.

В местностях с коренным русским населением, как Печерский край и Занаровье, где обучение в местных школах ведется на русском языке и доступно для детей русских беженцев, нужда в специальных эмигрантских школах естественно отпадает.

В силу указанных причин, а также вследствие боль-

шой, непосильной для эмигрантов, за редкими исключениями, платы за правоучение во всех гимназиях и старших классах высшей начальной школы, дети русских эмигрантов до сих пор имели возможность получать воспитание и образование прежде всего в школах, находящихся в ведении «Комитета Русских эмигрантов в Эстонии», затем в правительственных и земских школах и, наконец, в частных школах с русским языком преподавания.

Всего школ, находящихся в ведении «Комитета Русских эмигрантов в Эстонии», по данным июня м. 1926 года было 11. Из них: 1 гимназия в г. Нарве — 280 учащихся и 10 начальных школ с 353 учащимися.

Школы «Комитета» 82—85% своего бюджета получают из средств Земско-Городского Комитета в Париже и лишь незначительный % составляют взносы за правоучение родителями учащихся.

Общая сумма расходов по содержанию 11 школ, 3 интернатов и 1 приюта составляла в 1925 году 7.941.444 эстонских марок, что в переводе на французск. франк равняется 418.001 фр.

Однако, оказываемая помощь далеко не покрывает всех неотложных нужд детей русской эмиграции, а также в ничтожной мере удовлетворяет жизненные потребности и культурные запросы русского учителя-эмигранта.

По данным середины 1926 года общее число преподавателей, работающих в школах «Комитета Русских эмигрантов в Эстонии», было 58, из них 23 в средней школе*)

По полу: 31 мужщин и 27 женщин.

По образовательному цензу:

с высшим образованием . . . . 21 чел.

с средним образованием . . . . 37 чел.

---

*) В число преподавателей входят 11 учителей эстонского языка, преподавание какового в школах «Комитета» обязательно.

Степень педагогической квалификации: почти все учителя-профессионалы, с большим учительским стажем.

Чтобы яснее представить картину жизни эмигрантского учительства в Эстонии, необходимо отметить, что из 69 человек учительского персонала 65% семейных.

Учителя работают с детьми беженцев уже пять лет. В течение 1920—21 учебного года, когда школы содержались Американским Христианским Союзом Молодых Людей, жалованье преподавательского персонала было 1.000 марок в месяц, при прожиточном минимуме в 3.500 марок. За каникулярное время педагоги от Союза ни содержания, ни какого-либо пособия не получали. Комитет из своих средств летом 1921 г., когда Земско-Городской Комитет в Париже начал оказывать поддержку культурно-просветительной работе местного Комитета, мог притти им на помощь лишь пособием от 200 до 500 марок в месяц, а летом в 1922 году — пособием от 500 до 1.000 марок ежемесячно, при прожиточном минимуме тогда в 5.000 марок. Это обстоятельство заставляло учителей голодать, были неоднократно случаи заболевания на почве голода.

Учителя и учительницы, ради куска хлеба, шли на случайные тяжелые физические работы (добычу торфа, сланца, пилку дров, погрузку бревен на баржи, нагрузку вагонов, мощение улиц, перевозку вещей), немногие счастливцы получили более легкий заработок, как-то: полка огородов, сбор ягод, овощей, рыбная ловля, место кухарки и няни. Разбитые и переутомленные они начали новый учебный год и настолько обношенные, что стыдились показаться в своих рубищах перед детьми. Особенно, конечно, было тяжело положение семейных.

С июля 1922 года финансирование в Эстонии школ Комитета взял на себя почти целиком Земско-Городской Комитет и вознаграждение преподавателей было увеличено до 3.000 марок в месяц, при 18 недельных уроках.

каковым остается и до настоящего времени, но эта цифра теперь составляет менее 50% прожиточного минимума на одного человека в Эстонии. В виду этого жилищные условия у большинства преподавателей до сего времени неимоверно тяжелые. Дороговизна квартиры (500—1.000 марок в месяц), топлива (1.000 марок в месяц), освещения (200 марок в месяц) вынуждают преподавателей ютиться со своими семьями в самых антигигиенических, сырых, и холодных помещениях — часто чердачных или подвальных. Этот вопрос не имел бы такой остроты, если бы не суровые климатические условия Эстонии, которые не могут быть ни в каком сравнении с климатическими условиями южных балканских стран. Плата 3.000 марок в месяц, при прожиточном минимуме на человека 7.500 марок, не обеспечивает даже полуголодного существования. Чтобы спасти себя и свою семью от истощения, преподаватель параллельно с работой в школах, ради куска хлеба, вынужден искать побочного заработка на стороне, даже физическим трудом. Например, работая днем в школе, ночью преподаватель несет где-либо сторожевую службу, в воскресные и праздничные дни вместо отдыха возит дрова, катает на барке бревна и т. д.

Все это, конечно, не может не отразиться на здоровье учителя, а вместе с тем и на продуктивности его работы. Нельзя умолчать и о том, что, при настоящей материальной необеспеченности, преподаватель не имеет решительно никакой возможности не только приобрести что-либо новое из одежды или обуви (на что единовременно надо затратить до 10.000 марок), но ремонтировать даже часто старое.

При своем поспешном бегстве из России редко кто из беженцев захватил с собою теплую одежду и около 75% препедавателей не имеют ее для зимнего времени, которое в Эстонии отличается большою суровостью. В слу-

чае заболевания преподавателя или кого-либо из членов его семьи и вызова этим излишних расходов или по питанию или по приобретению медикаментов, подчас не имеющихся в эмигрантской больнице, учитель окончательно разоряется и вынужден бывает прибегать к продаже своих последних остатков платья.

Наконец, преподавателю, как и каждому эмигранту, приходится ежегодно затрачивать 1.140 марок на получение паспорта для проживания в Эстонии, каковая плата обыкновенно вносится в два срока по 570 марок. Если он семейный, то такую сумму ему приходится расходовать на жену и на каждого члена семьи, если последнему свыше 14-ти лет.

Большинство преподавателей люди пожилого возраста с многолетним стажем и опытом, например, 20—30 лет, и за всю свою тяжелую, особенно вследствие исключительных условий беженской школы, работу получают всего лишь, как сказано выше, 3000 марок, тогда как здесь же преподаватели местных, как правительственных, так земских, городских и частных школ, имеют оклады: — в средней школе от 9.000 до 20.000 марок в месяц, в начальной же школе от 6.000 до 15.000 марок при работе в более благоприятных условиях и при полной обеспеченности в каникулярное время, чего преподаватель эмигрантской школы не имеет.

Несмотря на всю безотрадность условий, среди которых приходится работать русскому эмигрантскому учителю в Эстонии, он преодолевает с настойчивостью, достойной подражания и восхищения, все трудности на своем высокоответственном для судеб русских детей в эмиграции пути. Нет места унынию и угасанию творческих порывов в его культурной работе. Он чутко прислушивается к стучащимся в двери школы зовам и требованиям жизни и всегда идет навстречу приспособления школы к жизни, руководимый не только педагогическим чутьем и господ-

ствующими в данный момент педагогическими теориями, но и глубоким проникновенным пониманием необходимости согласовать задачи школы с заданиями жизни. Так, очень характерна реформа в учебном плане, которую предприняли учителя Нарвской гимназии в связи с вопросом о наиболее рациональном обеспечении судьбы учащихся окончивших гимназию. Сначала программа занятий в этой гимназии была приноровлена к программе русских гимназий 1917 года. Но затем, в последующие годы (1923, 1924), когда жизнь выдвинула с особой остротой проблему перед окончившими гимназию применения полученных ими знаний в реальной обстановке беженской жизни, когда по многим причинам многие из беженцев должны были уже завтра зарабатывать средства к собственному существованию и существованию своих родных, учителя Нарвской гимназии идут на решительный шаг и, начиная с 5-го класса гимназии, вводят фуркацию, т. е. учреждают 2 отделения: реальное и коммерческое. На последнем, кроме предметов реального отделения, преподаются: коммерческая арифметика, бухгалтерия, коммерческая корреспонденция, товароведение и политическая экономия. Общее число уроков на этом отделении 37 часов в неделю. Несмотря на такое количество урочных часов и трудность предметов, годовой отчет отмечает большой интерес, проявляемый учащимися к коммерческим наукам.

Жизнь блестяще оправдала эту реформу и в 1925 г. часть абитуриентов немедленно по окончании занятий была принята на службу в конторы местных фабрик и заводов, некоторым обещаны места в банках.

Кроме того, надлежит отметить еще некоторые стороны в работе русского эмигрантского учительства, как в стенах школы, так и на поприще культурно-просветительной деятельности вне ее.

При указанных выше очень тяжелых материальных условиях многие из учителей находят время принимать

руководство или сотрудничество в организации ученических вечеров (в 1924—25 учебном году их состоялось 10); работать во внеклассное время в ученических кружках, существующих при гимназии — литературном, драматическом, спортивном, музыкальном; читать лекции в Народном Университете по литературе, истории, физике и политической экономии.

Кроме того, в виду неимения у родителей учащихся достаточных средств на покупку школьных учебников, а также в виду отсутствия таковых на местном рынке, преподаватели затрачивают массу мремени на составление конспектов или записок по проходимому курсу. Недостаток в инвентаре и в учебных пособиях по химии, физике, естествознанию в некоторой мере восполняется работой в этом направлении самих учителей и учащихся под их руководством.

В существующих 2-х интернатах для мальчиков обязанности воспитателей несут преподаватели гимназий, для девочек приглашены воспитательницы с большим педагогическим стажем. В интернатах проводится трудовое начало, основанное на взаимопомощи.

Осознание идейной ценности и практической пользы от организованности учителей по профессиональному признаку привело в мае месяце 1925 года к учреждению «Профессионального Союза Русских Учителей-эмигрантов в Эстонии». Союз имеет зарегистрированный в надлежащем правительственном ведомстве устав. Членами Союза могут быть учителя и учительницы, работающие и работавшие в эмигрантских русских школах в пределах Эстонии. Членский взнос — 50 марок вступительных и 25 м. ежемесячно.

Существует Касса взаимопомощи учителей-эмигрантов.

К настоящему времени Кассой произведена большая работа: имеется капитал свыше 100.000 эстон. марок, со-

ставленный благодаря субсидии в 25.000 мар., полученных от Русского Комитета. Оборот Кассы за 1925 год выражается в сумме 285.000 мар. В течение года выдано до 20.000 эстон. мар. в виде пособий на лечение болезней, на отправку абитуриентов Нарвской гимназии заграницу в высшие учебные заведения. Касса производит закупку дров и продуктов. В настоящее время производится лоттерея для усиления средств Кассы. Членов Кассы 48 человек.

Предпринятые Правлением Союза шаги к устройству лекций, докладов дают основание надеяться, что эта молодая еще организация будет и дальше развиваться. По данным июня м. с. г. в Союзе состояло 26 членов.

Нельзя не отметить, что эмигрантские школы неоднократно были посещаемы школьными советниками Министерства Народного Просвещения и что общий отзыв данный ими о постановке учебного дела хороший.

К сожалению, до сих пор не приведено в известность общее количество в Эстонии русских учителей-эмигрантов, являющихся в своей деятельности профессионалами педагогами. Одни из них заняты видом труда, преимущественно физическим, ничего общего не имеющим с основной их специальностью. Другие, и таковые насчитываются единицами, устроились преподавателями в правительственных школах.

Совсем в иных и почти в одинаковых с положением эстонского учителя условиях находятся русские учителя, являющиеся подданными Эстонской республики. Об условиях их работы и жизни, а также о состоянии просвещения русского населения, составляющего категорию русского меньшинства, позволяем себе процитировать с небольшими изменениями выдержки из доклада 2-му Педагогическому Съезду в Праге г. А. Янсона, помещенные в № 10 Бюллетеня Педагогического Бюро:

«Начальных русских училищ, считая в том числе и младшие классы средних учебных заведений в пределах первых шести годов обучения, считается 107, из них в городах 16 и в селениях — 91. Преподавание ведется все на русском языке; эстонский язык занимает место 1-го иностранного языка.

«От учителей требуется знание эстонского языка только от тех, которые несут обязанности заведующих школами — в интересах административных.

«Учительский состав в русских начальных школах в Эстонии довольно пестрый: тут имеются окончившие курс высших и средних учебных заведений, семинаристы, гимназистки, епархиалки, окончившие курс второклассных школ. Много лиц занимается учительской деятельностью случайно.

«Для надлежащей подготовки педагогического персонала на средства Министерства Народного Просвещения открываются одногодичные русские педагогические курсы для лиц, получивших среднее образование.

«Средних русских учебных заведений в Эстонии по данным за 1924 год было 9 с 1670 учащимися.

«Школа русского меньшинства подчиняется тем же законам и находится в ведении тех же органов управления, что и школы эстонские.

О самодеятельности русского меньшинства г. Янсон пишет:

«В новых политических условиях прежде всего организуется учительство, которое, кроме профессиональных задач, берет на себя и просветительные. Теперь учительских союзов — 8, объединенных в один Центральный. Число учащих надо считать приблизительно в 400; в Союзе состоит 322.

«Центральный Союз издал на русском языке учебники по истории Эстонии, программы и школьный закон,

организует съезды и курсы учителей за счет сумм, отпускаемых Министерством Просвещения.

«С 1922 года начинается сильное движение среди населения в деле организации местных просветительных обществ; во главе этого движения обычно стоит передовое учительство и за ним крестьянская интеллигенция и молодежь. В настоящее время в Эстонии числится 28 просветительных обществ, открывается еще 3—4. С февраля 1923 г. учительские союзы, просветительные и благотворительные общества объединены в один общий Союз.

«Общий бюджет за 1924 год организаций, входящих в состав Союза, равен, приблизительно, 10-ти миллионам или 25.000 долларов; из них 70% идет на просветительные нужды.

«Содержится 20 библиотек с 38.000 томами; 22 общества устраивали лекции и курсы в общей сложности около 900 часов. Содержалось 46 воскресных школ с 1300 учащимися. 22 общества поставили 116 народных спектаклей. В настоящее время строится 6 народных домов, 1 уже готов.

«Союзом был организован съезд русских деятелей по просвещению на Рождестве 1923 года, на котором участвовало около 100 членов.

«В настоящее время в Союзе существует склад туманных картин, устраивается центральная библиотека.

Правительство в широкой мере оказывает помощь деятельности Союза. Так, на развитие этой деятельности было отпущено по смете Министерства Просвещения в виде процентного отчисления из общих сумм на внешкольное образование 500.000 эстон. мар., т. е. свыше 1.300 долларов».

Русские учителя, состоящие эстонскими подданными и занятые педагогическим трудом в школах, содержа-

щихся на средства Правительства, городских и земских самоуправлений или частных лиц, приравнены в окладах, получаемых учительством господствующей национальности. Средний оклад можно считать для учителей начальных школ — 10.000 эстон. мар. и для учителей средней школы — 15.000 мар. Понятно, что оклады, получаемые русскими учителями-эмигрантами по сравнению с указанными, можно назвать нищенскими.

В. Грабовый.

ЛАТВИЯ

Принято думать, что Латвия предоставляет национальным меньшинствам все условия для правильного развития их национальной культуры, и, в частности, школьного дела.

Правда, первый национальный совет Латвии, собравшийся в г. Валке вскоре после октябрьского переворота и провозгласивший независимость Латвийской республики, торжественно заявил о том, что республика гарантирует права меньшинств; первая конституция Латвии, утвержденная Учредительным Собранием, также декларировала этот принцип*), но в принятой национальным собранием, 15 февраля 1922 года, конституции, которая действует и в настоящее время, декларация прав меньшинств отсутствует.

Надо сказать, что школьное законодательство первых годов существования республики вполне удовлетворительно разрешает вопрос о меньшинствах. «Закон о просветительных учреждениях Латвии», принятый народным советом республики в 1919 г., рядом статей обеспечивает

*) Ст. 115... Меньшинствам гарантируется свободное пользование родным языком как устно, так и письменно. Особый закон должен определить, языки каких меньшинств и в каком размере допускаются в учреждениях самоуправления и судебных. Ст. 116. Национальные меньшинства в своих национально-культурных делах являются автономными организациями публично-правового характера. Особый закон должен установить, какие меньшинства признаются такими организациями, определить их органы, компетенцию и порядок выборов этих последних.

«малым народностям» охрану их национально-культурной самобытности *). В развитие этого закона, 8 декабря 1919 г. народный совет издает «Закон об организации школ меньшинств в Латвии», опубликованный в № 89 официального латвийского органа «Valdibas Vestnesis» от 18 декабря 1919 г., который установил след. положения:

Обязательные школы меньшинств содержатся на счет правительства и самоуправлений, согласно ст. 41 закона об учебных заведениях Латвии **). Будучи бесплатными, школы эти открываются в числе, достаточном для всех детей соответ. меньшинства. В поселениях, где детей меньшинства недостаточно для открытия самостоятельной школы, но не менее 30-ти, меньшинство имеет право требовать открытия особого класса в существующей государственной школе.

Из средств, отпускаемых государством и коммунальными учреждениями на нужды *средних* (общеобразовательных) *школ* всех типов, школам меньшинств предоставляется часть, соответствующая численности населения данной народности.

Права школ меньшинств одинаковы с правами соот-

---

*) Ст. 39. Во всех обязательных школах обучение ведется на родном языке учащихся. Ст. 40. Родным языком ребенка признается язык, заявленный как родной его родителями при определении ребенка в училище, и на котором ребенок свободно выражает свои мысли. Ст. 41. Правительство и самоуправления содержат для каждой народности столько обязательных школ, сколько их потребуется для их детей, на основании положения этого закона. Национальные меньшинства, граждане Латвии, имеют право требовать открытия особого класса, если в нем наберется по меньшей мере 30 учащихся, которые обучаются под руководством одного учителя. Дети, для которых из за их малочисленности не может быть открыто ни школы, ни класса на их родном языке, могут обучаться или частным образом, или, в виде исключения, в школах с другим языком преподавания.

**) Каждый гражданин Латвии обязан обучаться с исполнившегося шестого года до шестнадцатилетнего возраста. Обязательный круг обучения обнимает: а) домашнее или дошкольное обучение (7 и 8 гг.); б) основную (начальную) школу (с 9 лет до 14 лет включительно); в) дополнительную школу (15 и 16 гг.). Обязательное обучение касается также слепых, глухонемых и душевно ненормальных детей, для которых должны быть учреждены особые школы или просветительные учреждения. (Стт. 33 и 34 закона о просветительных учреждениях Латвии).

ветствующих латышских школ, при условии, если требования программы в школах меньшинств не меньше требований в соответственных латышских школах, а педагогическая и научная подготовка учителей, преподающих в школах меньшинств, не ниже подготовки, требуемой правительством Латвии от учителей латышских школ.

Управление школьным делом меньшинств сосредоточивается в особом объединенном департаменте министерства просвещения, при чем каждое меньшинство в указанном департаменте имеет свой особый отдел*).

По первначальному смыслу «закона об организации школ меньшинств в Латвии», каждый из указанных отделов является как бы зародышем автономной национально-культурной организации данного меньшинства; начальник отдела, являющийся по закону (ст. 7) представителем своей национальности во всех культурных вопросах, избирается своим национальным меньшинством (в лице парламентского представительства); он участвует в заседаниях латвийского кабинета министров, с правом совещательного голоса по вопросам, касающимся культурной жизни представляемой им народности. Выборным является и состоящий при отделе школьный совет, в который входят три делегата данного меньшинства и три члена от соответствующего национального учительского союза (ст. 10). Школьный совет собирается не реже четырех раз в год и рассматривает вносимые на его обсуждение начальником отдела вопросы об открытии и закрытии школ, о школьных реформах, об увольнении служащих, учащих и т. д.

Органического развития эти демократические законы, к сожалению, не получили.

Наоборот, очень скоро руководящие латвийские круги

---

*) К концу 1924 г. в составе объединенного меньшинственного департамента имелось пять национальных отделов — русский, белорусский, еврейский, немецкий и польский.

благожелательную по отношению к меньшинствам политику круто меняют. Уже в 1922 г. латвийский представитель при Лиге Наций в особом меморандуме решается утверждать, что в Латвии происходит денационализация не меньшинств, а самого латышского большинства под влиянием русского и немецкого меньшинств, и что перед государством становится на очередь обязанность защищать латышский народ от опасности его руссификации или германизации. Законопроект о национально-культурной автономии меньшинств сводится на-нет, вследствие отрицания за объединениями меньшинств публично-правового характера, закон 8 декабря 1919 г. уродуется всевозможными толкованиями и дополнениями, цель которых — во что бы то ни стало ограничить автономию русского меньшинства в школьном деле. С весны 1923 г. правительство республики уничтожает должности содержимых на государственные средства русских школьных инспекторов, в силу чего русский школьный отдел лишается органа, наблюдавшего и руководившего учебною частью русских школ, которые с этого времени передаются в ведение районных латышских инспекторов, призванных осуществлять правительственный надзор за русскими школами и руководить педагогической работой русских учителей. В ноябре 1923 г. состоялось распоряжение министерства просвещения о передаче из русского отдела в ведение общего (латвийского) департамента всех смешанных школ с русским языком преподавания, в которых число русских детей менее 60% общего числа учащихся*). В этом же году от гимназии имени М. В. Ломоносова в Риге отобрано собственное здание. В начале 1924 г. состоялось распоряжение министерства просвещения об обязательной сдаче

*) Эта мера очень сильно ударила по русскому школьному делу: в Латвии большинство русских средних школ имеет возможность существовать, принимая детей более обеспеченного нерусского (главным образом еврейского) населения.

русскими учителями экзамена по латышскому языку, а также о введении на этом языке школьной отчетности. В марте того же года министерство просвещения распорядилось об увольнении 75% всех учителей-иностранцев*). В том же году уволен один из самых популярных и опытных русских педагогов, талантливый организатор и администратор Е. М. Тихоницкий, заведывавший рижской русской правительственной гимназией, вместе со своим ближайшим сотрудником, преподавателем П. Г. Платишенским. В 1925 году десять русских средних школ были переданы в заведывание еврейского отдела министерства просвещения; произведены многочисленные попытки произвольно, «по этнографическому признаку», объявить белорусскими и отнять у русских десятки начальных школ и т. д. и т. д.

Все эти меры очень тормозят русское школьное дело в республике, но все же, к счастью, они не создали для русского меньшинства в Латвии такого невыносимо-тягостного положения, которое определилось в Литве и Польше. Не создали и, повидимому, не смогут создать. Здесь, в Латвии, русские сидят крепко, органически связаны с страной, имеют в своей среде значительную группу интеллигенции, прекрасно образованную, национально-настроенную. Кроме того, русские по своей численности составляют довольно внушительную силу. Даже по переписи 1920 г. их насчитывается 157.671 ч., что на 1.596.131 жителя Латвии составляет 9,9%. На самом же деле, численность русского населения Латвии гораздо значительнее; по нашим рассчетам она не менее 225—250 тыс. человек**).

*) Увольнение грозило 80-ти русским учителям, но, благодаря дружным протестам, ходатайствам и пр., вопрос разрешился, сравнительно, благополучно: оказались уволенными от службы 16 учащих.

**) Наш очерк был уже закончен, когда мы получили возможность ознакомиться с данными переписи, произведенной в Латвии в 1925 году; эта перепись общее количество русских в Латвии определяет в 231.658 чел.; из них *русских на великорусской основе* 193.648, *русских на белорусской основе*

Внутренняя рознь, раздоры и партийная борьба среди городского русского населения и интеллигенции изживаются; среди русского учительства намечается сильная тяга к объединению; растет культурно-просветительная работа среди коренного русского населения Латгалии (двинский, люцинский и режицкий уезды Витебской губернии) — все это такие факты, которые говорят за то, что русские в Латвии сумеют сохранить свое национальное лицо, сумеют стойко и твердо выдержать поход на самое дорогое свое достояние — родную школу на языке Пушкина, Достоевского и Толстого.

Чисто-эмигрантских русских школ в Латвии не существует; наличность в республике сети местных русских школ, начальных и средних, обеспечивает детям русских беженцев возможность получения образования на родном языке.

Это основное положение надо иметь в виду при изучении условий существования русской школы и русского учительства в Латвии. Земско-Городской Комитет (парижский «Земгор») поддерживал в 1921—22 учебном году одну основную (начальную) школу в Риге, которая по составу учащихся подходила под понятие «беженской школы», детский сад, детскую площадку, детский клуб, народный университет и курсы латышского языка (последние два учреждения обслуживали взрослых).

Сокращение средств «Земгора» и тем бóльшая необходимость применения их в тех странах, где нужда русского беженства в культурно-просветительной помощи более остра, нежели в Латвии, заставила «Земгор» постепенно сокращать отпуск средств на школьное дело в этой стране:

38.010; большой интерес представляют данные о числе православных и старообрядцев: первых — 167.538 чел. (русские и латыши), вторых — 89.239 чел.; таким образом, наши расчеты, основанные на дореволюционных материалах, оказались весьма близкими к действительности.

в 1921 г., за полгода, было истрачено на культурную помощь русским беженцам в Латвии 20.000 фр. франков, в течение 1922 г. — 52.000 фр., в 1923 г. — 33.000 фр. В настоящее время «Земгор» выдает особому комитету русских эмигрантов в Латвии пособие, в размере 2.500 фр. в месяц, на содержание детского приюта и основной школы и на выдачу стипендий учащимся в средней школе*). В этом приюте обыкновенно содержится около 30 детей, в возрасте от 5 до 13 лет. Среди детей большой процент сирот, у остальных родители весьма нуждаются. Дети распределены на две группы; старшие (12 чел.) учатся в местных русских учебных заведениях, а младшие (13 чел.) — в начальной школе, организованной при приюте в составе одного класса с двумя отделениями; малолетние (5 чел.) — нигде не учатся. Жизнь приюта так организована, что дети, совместно с своими воспитателями, в свободное от учебных занятий время, готовят себе завтрак, обед, ужин и чай, убирают помещение, занимаются рукодельем, переплетным мастерством. Воспитание в приюте основано на трудовом начале, проводится принцип самодеятельности, и дети обслуживают себя без наемной прислуги. Руководят приютом лица с специальной подготовкой, под ближайшим наблюдением врача.

В 1920 г., по данным общей переписи, в Латвии насчитывалось всего 15.640 русских беженцев (мужчин — 4.723, женщин — 4.957, детей — 5.960). Больших изменений в количестве русских беженцев в республике за истекшее время не произошло. По подсчетам латышского министерства внутренних дел, приводимым в официальном органе Лиги Наций («Société des Nations, Journal Officiel» 1924 г., № 25), число русских беженцев в 1924 г. против 1920 г. почти не изменилось (14.813 чел., в том числе детей около 3.700). По тем же официальным данным, до 90% русского беженства являются неимущими, из них

*) «Зарубежная русская школа», стр. 223.

25—30% живет в крайней нужде. Помимо этой категории беженцев — политических эмигрантов, в Латвии проживает значительное число (10.000—15.000 чел. в 1923 году) русских, живших в Латвии до войны, уехавших из нее во время войны и ныне возвратившихся сюда в качестве оптантов, но до сих пор проживающих еще по беженским паспортам в виду отказа латвийского правительства предоставить им права гражданства. Надо сказать, что за последнее время в этом отношении как будто бы наметился поворот к лучшему; во всяком случае, число русских, принятых в латвийское подданство, значительно увеличилось.

Этими данными приходится и ограничиться в освещении русского беженского вопроса в Латвии.

Переходя теперь к освещению *положения школы у русского меньшинственного населения* Латвии, необходимо предварительно отметить, что, в соответствии с принятым после мировой войны курсом, единой русской школы в республике не существует и что обе ветви русского народа, великорусская и белорусская, организованы отдельно; это заставляет нас говорить здесь о русской школе в узком смысле, вернее — *о русской школе на великорусской основе**).

Русская школа в республике организована по типу местной латышской школы. Будучи, так же как и латвий-

*) В печати неоднократно уже отмечалось, что русские жители Латгалии часто сами не знают, великороссы они или белоруссы. Перепись 1920 г. насчитала в некоторых великорусских старообрядческих центрах несоразмерно большое число белоруссов; объясняется это, повидимому, тем, что во время производства переписи русское имя особенно не жаловалось в молодой республике и поэтому очень многие русские сознательно записывали себя в белоруссы. Вероятно, отмеченное обстоятельство определяет и крайне осторожное отношение серьезных исслдеователей к выводам первой латвийской переписи населения. Латвийские же правительственные органы, на основании переписных данных, в 1921 г. около 30-ти основных русских школ люцинского уезда перечислили в белорусский отдел министерства просвещения.

ская школа, *единой*, русская школа распадается на две ступени или цикла: 1) так наз. *основной* (начальной) *школы* с шестилетним курсом обучения и 2) *средней школы* с четырехлетним курсом.

Начальное обучение в *основной* школе для детей в возрасте от 7 до 16 лет в республике бесплатно и обязательно. В качестве переходной меры, шестилетний курс основной школы может быть временно сокращаем до четырехлетнего. В силу бытовых и хозяйственных условий, в которых живет русское крестьянство, русская основная школа в латвийской деревне почти всюду имеет четырехлетний курс. Да и четырехлетку, к сожалению, оканчивает незначительное число русских детей: большинство их оставляет школу на втором или на третьем году обучения...

Средняя школа составляет естественное продолжение основной (оканчивающие основную школу имеют право на поступление без экзамена в любую правительственную или общественную школу). Из типов, намеченных для средней школы, проведены в жизнь три: 1) реальное училище — с одним новым языком и с расширенной программой по физико-математической группе учебных предметов; 2) реальная гимназия — с латинским языком и с расширенным курсом по физико-математич. предметам; 3) неогимназия — без древних языков, но с повышенными требованиями по двум новым языкам. Два из намеченных типов средней школы к 1925—26 уч. году не были осуществлены: так наз. славянская гимназия — с одним из современых славянских языков вместо латинского, и классическая гимназия — с обоими древними языками.

Вначале русская средняя школа руководствовалась «игнатьевскими» программами; теперь же обучение ведется по новым учебным планам и программам, разработанным применительно к нормам латышских средних

школ и — отчасти — школ немецкого меньшинства*). Надо отметить, что в отношении программ русская средняя школа, в общем, не отличается от латышской: чтобы обладать теми же правами, что и последняя, — русская школа, свободная в установлении программ, должна давать не менее того, что дает школа латышская. Латышский язык вводится со второго года обучения (в основной школе ему отводится по 4 часа в неделю, в средней — от 3 до 4 часов; объем обязательных требований по латышскому языку для школ меньшинств определяется министерством просвещения**).

Рост сети русских *основных* школ характеризуется такими данными:

Год	Число школ	Из них: Городских	Уездных	Частных
1920	174	20	137	17
1921	189	23	144	22
1922	204	25	152	27
1923	208	27	156	25
1924	202	28	149	25
1925	198	29	149	20
1926	217	29	178	10

Общее число учащихся в основных русских школах в 1924 году достигло 16.790 чел., из них детей русской национальности — 11.890; учащих насчитывалось 745. Почти все основные русские школы содержатся на средства

---

*) Лиц, желающих подробно ознакомиться с учебным планом русских средних школ в Латвии, отсылаем к содержательной статье проф. Э. Диля, помещенной в № 10—11 журнала «Русская школа за рубежом».

**) Вопрос о преподавании Закона Божьего разрешается так: «В школах должен преподаваться Закон Божий. Освобождаются от уроков по этому предмету те дети, родители которых об этом подали письменное заявление заведующему школой. Родители каждого вероисповедания могут требовать для своих детей преподавания вероучения, если в школе имеется не менее десяти человек учащихся сего вероисповедания. Преподавание вероучения католического, православного и старообрядческого, а также религиозное воспитание детей этих исповеданий, назначение и увольнение законоучителей означенных исповеданий подчиняется их церкви или приходу». («Закон о просветит. учрежд. Латвии», § 10).

общественных самоуправлений, с пособиями от казны; по данным за 1924 год, только 19 начальных школ содержались исключительно на частные средства. Из сельских (уездных) школ только пять имели в 1924 г. полный шестилетний курс; из городских школ — большинство с шестилетним курсом. В 1925—26 уч. году число учащихся в основных русских школах достигало 16.084 чел.; из этого числа в городских школах обучалось 6.490, в сельских (уездных) — 9.594 чел. Учащиеся русской национальности в городских школах составляли 84,5% общего числа учащихся, в уездных — 90,2%. Из числа учащихся других национальностей, в городских и уездных школах вместе, пляков было 530, латышей — 466, белоруссов — 421, евреев — 317, немцев — 80, прочих — 131 чел. Учащих во всех основных школах было в этом уч. году 719 чел.

Несмотря на бесплатность и обязательность обучения в начальной школе, процент русских детей школьного возраста, не посещающих школу, очень велик: в среднем, вне школы остается 48,6% (в городах — 12,3%, в деревнях — 60% и больше). Основная причина этого печального явления — недостаток школ, особенно в сельских местностях Латгалии, жестоко пострадавшей от войны; здесь школы ютятся в крестьянских избах, ученье во многих школах производится в две смены; для удовлетворения действительной потребности населения в школе необходимо, по всей вероятности, иметь свыше тысячи классов. На втором месте мы ставим такие причины, как бедность русского населения, невысокий уровень его культурного развития: нельзя забывать, что так называемое «столыпинское» земство в витебской губернии было введено только лишь в 1911 году; немалое значение имеет и отсутствие должного и строгого наблюдения за точным вы-

полнением требования закона об обязательном посещении школ*).

Русская *средняя школа* в Латвии и в абсолютных цифрах и по сравнению со школой латышской представляет значительную величину; что всего отраднее, намечается, повидимому, тенденция планомерного ее развития. В цитированном уже меморандуме д-ра Вальтерса, представленном совету Лиги Наций, этот рост выявляется весьма отчетливо в сводной таблице, в которой данные о русской средней школе сопоставляются с данными о средних школах других национальностей**).

Народности / Учебн. год	Латыши		Русские		Немцы		Евреи		Поляки	
	число школ	число учащ.	число школ	число учащ.	число школ	число учащ.	число школ	число учащ.	число школ	число учащ.
1919—1920	39	4.835	12	1.214	13	867	4	599	—	—
1920—1921	46	7.739	28	2.728	9	1.381	8	664	1	35
1921—1922	60	9.382	25	2.923	10	1.582	9	1.103	3	90

К концу 1922—23 уч. года число русских средних школ в Латвии достигло 30-ти, с 169 классами, в которых обучалось 3430 чел. (1198 мальчиков и 2282 девочки); педагогический персонал насчитывал 349 чел. (из них полноправных — 250, «кандидатов» — 99; женщин — 138, мужчин — 211). За исключением одной местечковой школы (в Креславке), все русские средние учебн. завед. в 1923 году находились в городах; в Риге их было 18, в Двинске — 5, в Либаве и Режице — по два, в Бауске и Люцине — по одному.

---

*) Очень типичны данные, приводимые газетой «Сегодня» в номере от 11 января 1924 г. о результатах обследования 18-ти деревень режицкого уезда в 1923 г.; оказывается, в этих деревнях школу посещало 30,5% всех детей школьного возраста; оставалось вне школы: по болезни — 4%, по бедности — 40,8%, по дальности расстояния — 7,2%, вследствие того, что обучались дома — 3,6%, без уважительных причин — 17,5%.

**) «Зарубежная русская школа», стр. 218.

Представление о числе русских средних школ в Латвии за последние годы дает следующая табличка:

Учебн. год	Число средних школ: Правит.	Городск.	Частн.	Всего
1923—24	3	1	16	20
1924—25	3	1	17	21
1925—26	3	1	7	11 *)

Большинство русских средних школ в Латвии, особенно школ частных, будучи русскими по языку преподавания, обслуживают, главным образом, нерусское население. В этом ее отличие от средних школ других национальностей: школы латышские, немецкие, еврейские и польские на 90—100% обслуживают только детей своей национальности. Русская средняя школа привлекает к себе учащихся, кажется, всех национальностей, и в первую очередь евреев, горячих приверженцев русской культуры. По официальным данным за 1920—21 уч. год, из общего числа обучающихся в русских средних школах только 17% принадлежало к русской национальности; на долю евреев приходилось 58%, латышей — 11%, поляков — 7,5% и других национальностей — 6,5%**).

Стремление еврейского населения Латвии давать своим детям образование на русском языке настолько велико, что в Риге имеются большие частные гимназии с

---

*) По данным статистич. отдела министерства образования, в 1925—26 уч. году *латышских* общеобразоват. средних школ в Латвии было 50, с 10.981 учащимся; *немецких* — 11, с 2.193 учащимся и один педагогич. институт с 2хгодичным курсом, при 32 учащихся; *еврейских* — 20, с 2.455 учащимися и одни педагогические двухлетние курсы (110 слушателей): *польских* — 4, с 334 учащимися; *белорусских* — 1, с 134 учащимися, и одни правит. двухлетние педагогич. курсы (16 слушат.); *литовских* — 1, с 57 учащимися. Общий итог учащихся по национальностям во всех средних общеобразовательных и специальных школах Латвии в 1925—26 уч. году таков: латышей — 14.190, русских — 1.162, евреев — 4.068, немцев — 1.681, поляков — 532, белоруссов — 170, литовцев 144, эстонцев — 61, друг. национальностей — 63.

**) В 1925—26 уч. году национальный состав учащихся в русских средних школах уже другой: на 1869 учащихся русских было 927 чел. (50%), белоруссов — 11 (0,5%), латышей —233 (12,6%), немцев — 84 (4,4%), евреев — 474 (25,4%), поляков — 86 (4,5%), литовцев — 31 (1,6%), эстонцев — 13 (0,6%), друг. национальностей — 10 (0,4%).

преподаванием на русском языке, в которых обучаются почти исключительно одни еврейские дети, и, наоборот, дети русской национальности почти отсутствуют.

Уважение и любовь, которые русская средняя школа завоевала у других национальностей Латвии, повидимому, тревожат некоторые правящие круги республики. По всей вероятности, несколько преувеличенное опасение того значения, которое может иметь для молодого государства культурная миссия русской школы и заставило латвийское правительство предпринять шаги к отобранию от русского школьного отдела всех учебных заведений с русским языком преподавания и смешанным национальным составом учащихся.

Сеть русских *технических и профессиональных школ* крайне редка. Кроме двух технических школ — в Риге и Двинске, — к началу 1924 учебного года существовали одни курсы стенографии — в Риге, бухгалтерские — в Либаве и рукоделия — в Режице. За последнее время поднят вопрос об открытии средней сельско-хозяйственной школы в Латгалии, ремесленных классов в Риге, Режице и Двинске.

Учреждения *дошкольного воспитания* развития не получили; до 1924 года существовали три детских сада — два в Риге и один в Либаве; правительство не вводит детские сады в сеть обязательных образовательных учреждений, специальных ассигнований на их содержание не отпускает и вследствие этого они не могут расти так быстро, как растут, скажем, основные школы.

Внешкольное образование находится еще в начальной стадии развития, но как только перво-очередная задача — открытие достаточного числа основных школ — будет завершена, начнется работа и по созданию сети внешкольных учреждений, потребность в которых особенно резко ощущается в деревнях Латгалии. В самом

начале тек. года депутату сейма от русского меньшинства М. А. Каллистратову в бюджетной комиссии сейма удалось добиться распределения отпущенных на внешкольное образование в республике средств между отдельными народностями пропорционально их численности. Вследствие этого есть основание надеяться, что на долю русского населения придется 100—150 тыс. латв. руб.

Русские университетские курсы в Риге — единственное русское высшее учебное заведение в Латвии; открыты они с осени 1921 г., содержатся на частные средства; состоят из трех отделений — филологического, юридического и педагогического. В 1926—27 уч. году число слушателей на курсах достигало 47.

Русский учебный отдел ежегодно устраивает двухмесячные *летние педагогические курсы,* в программу которых включены также и общеобразовательные предметы. Основной состав слушателей курсов — учителя русских начальных школ, не обладающие формальным правом на преподавание (неполноправные учащие — «кандидаты», «практиканты», как их называют в Латвии) и окончившие общеобразовательные средние учебные заведения. Лица, прослушавшие эти курсы в течение двух или трех лет, получают все права учителя основной (начальной) школы, так как признается, что курсы сообщают своим слушателям педагогическую и методическую подготовку в объеме, установленном министерством просвещения для учащих школ указанного типа. Окончание педагогического отделения рижских частных университетских курсов дает также право на преподавание в основной школе.

Летние педагогические курсы, конечно, сколько-нибудь удовлетворительно вопроса о подготовке нового кадра преподавателей для основных школ не решают. Вот почему на очередь встал вопрос об учреждении специального учобного заведения, способного дать русской школе хорошо подготовленного учителя. Газеты успели сообщить,

что проектируется открытие учительского института; раздаются даже голоса, доказывающие необходимость иметь два института: один в Риге, другой в Латгалии.

Поднятый вопрос имеет очень серьезное значение для русской культуры в Латгалии, и хотелось бы думать, что для его разрешения будут привлечены все крупные русские педагогические силы, находящиеся заграницей. Строить надо прочно, толково, чтобы не пришлось ломать и переделывать*).

Вероятно, деятелям русского просвещения в Латвии очень скоро придется заняться и вопросом о подготовке учащих для средней школы; тут невольно должна явиться мысль об использовании для этой цели рижских частных университетских курсов, государственного университета **).

О правительственных расходах на культурно-просветительные учреждения русского меньшинства в Латвии дает представление помещаемая ниже таблица, в которой приведены данные о смете русского отдела при министерстве просвещения.

---

*) По всей вероятности, дело сведется к открытию в Риге или Двинске двухгодичных постоянных учительских курсов.

**) В интересах полноты нашего очерка, приводим основные *данные о русской школе на белорусской основе.* — Белоруссов в Латвии около 38.010 (перепись 1925 г.); живут они в двинском, иллукстском, люцинском и режицком уездах; процент грамотных среди белоруссов крайне низок — всего 32,5%; школой охвачено не более половины детей школьного возраста. При министерстве просвещения существует, с ноября 1921 г., особый белорусский школьный отдел, в ведении которого в 1923—1924 уч. году находилось: 53 основных школы (учащих — 130, учащихся — 3.451), две средних школы (учащих — 23, учащихся — 157), одни учительские курсы (преподавателей — 5, учащихся — 21); в 1925—26 уч. году было: 32 основных школ (учащих — 89, учащихся — 1.940), одна средная школа в Двинске, с 134 учащимися и одни правит. двухлетние педагогич. курсы с 16 учащимися; одно время деятельность белорусского отдела была прекращена; в июле тукущего года она опять восстановлена.

Название статей	1921—22 лат. р.	1922—23 лат. р.	1923—24 латы	1924—25 латы	1925—26 латы	1926—27 латы
Содержание личн. состава	528.190	725.000	15.505	15.442	19.422	25.588
Другие расходы отдела . .	204.300	180.000	1.600	2.160	3.927	5.137
Содержание правит. средн. школ	1.623.180	1.800.000	88.593	91.307	144.231	202.878
Летние учит. курсы и экскурсии	30.000	105.000	2.550	2.500	3.000	3.000
Издание программ, приобр. учебников	100.000		8.000	8.000[2])	—	—
Пособия основн. школам . .	200.000	200.000	—	—	—	39.933[4])
Стипендии беднейшим ученикам	180.000		7.500	8.000	9.800	16.400
Пособия культурн. учреждениям	134.300		1.300	5.000[3])	7.207	5.500
Курсы латышск. языка . .	—	—	1.263	1.000	—	3.000
Педагогическ. лаборатория в Риге	—	—	1.000	—	—	—
Одногодичные педагогические курсы	—	—	—	—	—	21.000
Итого.	2.999.970	3.110.000	127.311[1])	133.409	201.437	322.436

Всех учащих в русских школах Латвии в 1924—25 учебном году насчитывалось 886. Из них в средних школах работало до 200 чел., в основных — около 700. Лиц с высшим образованием насчитывалось 155, остальные обладали средним, или специально-педагогическим. Число мужчин и женщин почти одинаково; в средних школах преобладают учащие мужчины, в основных — женщины.

Материальное положение русских учащих не одинаково и зависит, главным образом, от того, служат ли они в правительственных школах, коммунальных, или в частных.

В правительственных средних школах вознаграждение за 24 недельных урока колеблется от 8.000 до 12.500 латв. руб. (от 32 до 50 ам. долларов) в месяц, в зависимости от числа лет службы и образования; сверх того полагается

[1]) 6.365.550 латв. рубл.

[2]) Часть кредита обращена на учебн. пособия для основн. школ, так как издание программ не исчерпало отпущенной суммы.

[3]) В том числе на учительск. конференции 600 лат.

[4]) Из этой суммы на долю частных школ — 3.000.

семейная прибавка по 8% с оклада на каждого несовершеннолетнего члена семьи и на жену.

В городских средних школах нормы оплаты учительского труда выше, чем в правительственных; с 1 января 1926 года они повышены на 16%, и теперь колеблются от 6.000 до 20.000 латв. руб.; семейная прибавка установлена в размере 1.000 латв. руб. на каждого неработоспособного члена семьи; заведующие школами получают квартиру натурой, или 20% прибавки к жалованию.

По основным школам оклады различны, и находятся также в зависимости от продолжительности службы и образовательного ценза; в среднем, учащие основных школ получают от 4.800 до 6.500 латв. руб. (20—26 долл.) в месяц, при готовой квартире, отоплении и освещении; если при школе нет квартиры для учителя, последний получает квартирные деньги (до 20% оклада); семейная прибавка одинакова — по 300 латв. руб. на члена семьи. Такое содержание можно признать достаточным для одинокого школьного работника, семейный же учитель может обеспечить им лишь стол и квартиру.

Оплата труда в частных школах значительно ниже: в многолюдных она не превышает 6.000—6.400 латв. руб. (24—26 долл.) в месяц за нормальное (24) количество уроков, в малолюдных снижается до 2.000—3.000 руб. (8—12 долл.). Только набирая уроки сверх всякой меры — в двойном и даже бо́льшем количестве — и занимаясь с малоуспевающими учащимися на дому, учителя частных школ так или иначе могут обеспечить себя кровлей и хлебом насущным. И таких учащих не менее трети общего количества русских школьных работников в Латвии. Среди них можно насчитать несколько десятков (по данным 1925 года — до 35 чел.), не имеющих латвийского подданства, чаще всего «бывших» русских подданных. Число их с каждым годом уменьшается, так как министерство образования, допуская их к преподаванию лишь на

год, по окончании срока обычно безжалостно увольняет не меньше половины числа допущенных.

Права русских учащих, независимо от содержателя школы — правительства, общественных самоуправлений или частных лиц, — одинаковы и те же, что и права учащих господствующей национальности. Так, все учащие обязаны состоять членами больничных касс за счет четырех-процентных взносов содержателей школ и двух-процентных взносов из личного содержания. Больничная касса предоставляет бесплатное лечение своему члену и его семейству и выплачивает ему содржание в случае болезни в течение шести месяцев. Также все учащие обеспечиваются, по закону 1924 г., пенсией по достижении 55-ти лет в размере, не превышающем 80% наивысшего учительского оклада по правительственным ставкам.

Учащие основных сельских школ могут пользоваться для личных надобностей одним гектаром (0,9 десятины) школьной земли. Фактически далеко не все школы наделены землей, почему указанное право остается пока на бумаге.

Назначение учителей в школы по закону соответствует демократическим принципам. Кандидаты намечаются школьными советами, состоящими из равного количества учащих и родителей, выбираются содержателем школы и утверждаются—по средним учебным заведениям —русским школьным отделом при министерствѣ образования, а по школам основным — школьными управами при земских и городских самоуправлениях. Так как содержателями основных школ в Латвии являются местные самоуправления, то фактически назначение начальных учителей находится всецело в их руках. Вследствие этого русский школьный совет оказался устраненным от влияния на подбор учителей для основных школ, а сами учащие очутились в полной зависимости от нерусских по составу школьных управ и лишены почти всякой возможности

искать защиты и поддержки своих прав в отделе. Если труд учащих частных школ обременителен в силу необходимости сверх всякой меры и сил набирать плохо оплачиваемые уроки, то в основных школах он тяжел благодаря тем условиям, в которых протекает работа и жизнь сельского учителя. В деревенских школах каждому учащему приходится заниматься с двумя классами (отделениями), а нередко с тремя и четырьмя, в отдельных же случаях даже с пятью и шестью классами, при 80—100 учащихся. Школьные помещения в сельских поселениях сплошь неудовлетворительны, так как школы ютятся в крестьянских избах — низких, темных, тесных, зимой холодных, без отдельных раздевален, рекреационных комнат и уборных. Квартирой учителя часто служит угол, отделенный от классной комнаты или квартиры хозяина дощатой перегородкой, часто не доходящей до потолка. Среда крестьянская часто груба, малосознательна, не проникнута уважением к школе и учащему.

В такой неприглядной обстановке учащие, особенно учительницы, чувствуют себя одиноко, подавленно; надо сказать, что многие работают в школе лишь по необходимости, рвутся в родную семью, в город при всяком удобном случае, не заводят живой связи с населением, нередко даже чуждаются его, далеко стоят от его интересов и жизни и, разумеется, не могут оказывать влияния на него. Исключение составляют учителя — местные жители, из тех же крестьян; они являются прекрасными общественными работниками и принимают большое участие в волостных самоуправлениях.

До последнего времени редки были также и примеры внешкольной просветительной работы учащих в деревнях, тем более, что она, как мы уже отметили выше, не встречала поддержки со стороны правительственных и общественных учреждений.

Объединение русского учительства в Латвии до конца 1924 г. происходило не на национальной, а на профессиональной основе.

Связанные общностью работы, прав, интересов, участием в различных профессиональных вспомогательных учреждениях (напр., больничных кассах, кредитных товариществах и т. д.) с своими уездными коллегами других национальностей, русские учителя всюду входят в общеуездные профессиональные учительские союзы и, в лучшем случае, составляют в них национальные секции.

Только русские учителя города Риги входят в самостоятельный учительский союз, существующий с 1918 г.

По уставу, в члены рижского союза принимаются не только учащие, обладающие правом латвийского гражданства, но и русские учителя эмигранты. Средства союза составляются из ежемесячных отчислений его членов, в размере ½% получаемого ими содержания. В 1924 году поступления в кассу союза составили сумму в 76.362 латв. руб. (316,7 ам. долл.).

В 1924 году в союзе состояло 262 члена (вновь поступивших — 13); в 1925 году число членов сократилось до 220 (из состава членов исключены лица, не уплатившие в 1924 г. членские взносы); по полу члены союза делятся так: 140 женщин, 80 мужчин. Возраст членов — от 23 до 75 лет (средний — около 40 лет). Лиц с педагогическим стажем около 5 лет — 10%, от 5 до 15 лет — 42%, от 15 до 25 лет — 23%, от 25 до 35 лет — 12%, свыше 35 лет — 13%; средняя продолжительность педагогической деятельности около 18 лет. Большинство членов союза с средним образованием (53%); с высшим образованием — 23%, с специально-педагогическим — 15%, с образованием ниже среднего — 3½%. В частных школах работает более половины всех членов (по союзной анкете 1923 года — 61%); материальное положение этой группы членов союза не многим лучше положения

безработных, в виду низкой оплаты педагогического труда в частных школах. Точных данных о безработных членах союза к настоящему моменту не имеется; в делах союза зарегистрировано лишь *пять* заявлений безработных преподавателей о желании получить педагогическую работу. Нет, однако, никакого сомнения, что в действительности число безработных учащих значительно выше, и что малое количество просьб о предоставлении заработка объясняется тем, что малая вероятность получения учительских мест в Латвии очевидна для всех, мало-мальски знакомых с условиями педагогической работы в Риге.

Материальную помощь своим членам союз оказывает, главным образом, путем выдачи беспроцентных ссуд и безвозвратных пособий. В 1924 году обороты по этим двум операциям достигли почти 60.000 латв. руб., в 1925 г. выдача ссуд и пособий получила еще бо́льшее развитие. В отчетах союза отмечается неаккуратное погашение членами ссуд и пособий; на 1-е января 1925 г. задолженность членов достигала 38.200 латв. руб. (из этой суммы 18.700 лат. руб. просроченных ссуд).

Заботы об улучшении материального положения членов союза проявляются и в других формах. Так, союз поднял больной вопрос *о нормировании оплаты труда преподавателей частных школ.* В 1923 году союзом была образована согласительная комиссия, в состав которой входили 5 представителей от содержателей школ и столько же представителей союза. Работа этой комисси, к сожалению, положительных результатов не дала, так как большинство представителей школ отказались принимать участие в обсуждении вопроса о повышении оплаты преподавательского труда. Созванное русским школьным отделом специальное собрание содержателей частных школ для выбора новых представителей в указанную комиссию не состоялось: в собрание явились лишь два представителя содержателей школ, а остальные ограничились присылкой

коллективного заявления о том, что нормирование платы за труд преподавателя есть дело их личного соглашения с учителями и что всякое вмешательство в это дело союза учителей и даже русского отдела они считают недопустимым и незаконным. Однако, повидимому, попытка союза упорядочить вопрос о заработной плате все же имела и практическое значение: в 1924 году некоторые частные школы фактически повысили заработную плату, доведя ее в некоторых случаях до норм, установленных союзом, но, в общем, этот чрезвычайно важный вопрос все еще ждет своего окончательного разрешения.

Более удачным было выступление русского учительского союза, предпринятое совместно с учительскими организациями других национальностей, *в защиту интересов учителей городских основных школ:* рижская городская управа, по ходатайству избранной учительскими союзами делегации, согласилась выплачивать жалование учащим своих школ не по правительственным ставкам, установленным для учащих основных школ, а по специальным, «городским»; ставки эти значительно выше правительственных и колеблются от 6.000 до 20.000 латв. руб. в месяц (в зависимости от служебного стажа и образовательного ценза).

К сожалению, до последнего времени не получил разрешения *вопрос об организации летнего отдыха для учащих.* При союзе с 1923 года имеется особый фонд на устройство летних колоний (около 13.000 латв. руб.), но этот фонд оставался до конца 1925 г. неиспользованным; в начале 1925 г. обсуждалось предложение одного из рижских врачей об устройстве, совместно с ним, летней загородной колонии.

Косвенным образом заботу о материальном благосостоянии членов проявил исполнительный комитет союза, приняв участие *в обсуждении проекта нового квартирного закона.* Получив от общества квартиронанимателей пред-

ложение поддержать вариант законопроекта, наиболее обеспечивающий права мелких квартиронанимателей, исполнительный комитет союза энергично поддерживал законопроект, внесенный в сейм комиссией социального законодательства. Как известно, в сейме законопроект прошел в редакции, поддержанной учительским союзом.

Весьма деятельное участие принимал союз в разработке и проведении *закона о пенсиях учителям и больничных кассах*, имеющего громадное значение для всего учительства.

Союз не менее деятельно выступал и *в защиту правовых интересов учительства.*

Здесь прежде всего необходимо отметить выступление союза, в 1924 году, против распоряжения министерства образования об увольнении учителей иностранных подданных, которое грозило оставить без всяких средств к жизни 70—80 русских учителей городских и сельских школ и поставить многие из этих школ в безвыходное положение. Союз сразу занял в этом деле твердую позицию и заявил, что замена столь большого числа учащих новыми неопытными преподавателями внесет расстройство в жизнь русских школ, что увольняемые русские учителя являются иностранцами не по своей воле и что все они всегда и неизменно проявляли полную лойяльность по отношению к республике, их приютившей, что, наконец, учащие, проработавшие в школах в течение ряда лет и приобревшие достаточную опытность, не могут считаться «случайными» педагогами. Точку зрения союза разделил и вселатвийский русский учительский съезд, принявший решение о всемерной поддержке подлежавших увольнению учащих. Вслед за тем союз привлекает к защите учащих отдельные школьные советы, общество русского национального объединения, центральную организацию зарубежного объединения русских учителей, — словом, мобилизует все силы, способные хотя бы в малой степени по-

мочь в той беде, что стряслась с такой большой группой учащих. В результате всех этих усилий союзу удалось добиться пересмотра министерского распоряжения и более или менее безболезненного разрешения конфликта.

Говоря о деятельности союза в области защиты правового положения учителей и отстаивания интересов и достоинства русской школы, нельзя умолчать об участии союза в той борьбе, которая возгорелась вокруг вопроса *об отозвании с должности управляющего русским отделом министерства образования проф. И. Ф. Юпатова.* Вопрос этот возник совершенно неожиданно, по инициативе двух русских депутатов сейма, которые, с явным нарушением формального права, добились замены пр. И. Ф. Юпатова лицом, враждебно относящимся к русской общественности и весьма мало знакомым с педагогическим делом. Союз повел упорную борьбу с г. Серковым, весьма умело отстаивая интересы учащих и русской школы. Борьба, заслуживающая подробного описания, длилась свыше года и закончилась победою союза: в текущем году проф. Юпатов вновь встал во главе русского культурно-просветительного дела, дружно поддержанный новым составом русских сеймовых депутатов.

Союз давно уже стремится найти наиболее удобные *формы единения русского и латвийского учительства.* Жизнь и педагогическая практика на каждом шагу указывают, что интересы русских учителей если не во всем, то в очень многом совпадают с интересами учителей господствующей национальности. Вследствие этого, в 1924 году возникла мысль о вхождении русского учительского союза в состав одной из крупных и влиятельных латвийских учительских организаций. Большинство членов союза высказалось за вхождение в состав так наз. «Latvijas skolotaju savieniba»; это весьма авторитетная в Латвии организация, объединяющая более 20-ти местных учительских обществ и союзов, обладающая большими мате-

риальными средствами и, повидимому, совершенно чуждая какой бы то ни было национальной исключительности.

Установленная таким путем тесная органическая связь союза с общелатвийским учительским союзом, нисколько не стесняющая самостоятельности и самодеятельности русского учительства, оказалась очень полезной. Союз через своих представителей принимает теперь участие в общелатвийских учительских конференциях и съездах, в совещаниях, созываемых для обсуждения различных законопроектов по школьным вопросам, заграничных съездах и т. д. Насколько связь русского учительства с латвийским теперь близка и тесна, видно из того, что русское учительство принимает весьма деятельное участие в чествованиях популярных латышских педагогов и общественных деятелей, в национальных латышских празднествах и т. д.

Довольно деятельно поддерживает союз *связь и с русским зарубежным учительством.* Не имея возможности, в силу своего устава, официально войти в объединение русских заграничных учительских организаций, но понимая, как важно для союза следить за развитием русской педагогической мысли и иметь правильное представление о деятельности русского зарубежного учительства, союз частным образом, но очень регулярно сносится с центральными учительскими организациями, получает и распространяет среди своих членов издающийся в Праге русский педагогический журнал и «Бюллетени Русского Педагогического Бюро».

В центре деятельности союза в культурно-просветительной области за последние годы следует поставить *созыв, в июне 1924 года, учительского съезда,* посвященного исключительно разработке вопросов основной школы в Латвии. Этот съезд впервые дал сводку статистических данных о числе русских образовательных учреждений в

Латвии, о количестве учащих и их составе, выяснил те педагогические нормы, которыми определяется положение русской школы в стране, отметил уклонения от установленного законом порядка, осветил нужды сельской школы, отношение к ней населения и органов местного самоуправления; поднял такие большие вопросы, как вопрос о роли учителя в деревне, о проведении в жизнь всеобщего обязательного обучения и пр. Большое внимание съезд уделил докладам: о программе русской основной школе и ее соответствии задачам школьного просвещения и силам учителя, о трудовом воспитании и обучении, о значении русского языка и русской истории, как основы национального воспитания, о государственном языке в русской школе, о постановке профессионального и внешкольного образования, об основных принципах русской национальной автономии в Латвии, о задачах русского школьного отдела, об объединении русского учительства в Латвии, о положении учителей-иностранцев, об экзаменах по государственному языку, о пенсионном обеспечении учащих. Принятые съездом решения, повидимому, надолго определят жизнь русской школы в Латвии.

Крайне отрадно отметить то обстоятельство, что съезд выявил большую активность русского учителя в Латвии, горячую любовь его к родной школе и большую способность к организационной работе.

Весьма внимательно отнесся союз *к проекту нового школьного закона*, и в лице своих представителей (делегатов) энергично защищал интересы меньшинственных школ, требуя обеспечения школьных меньшинственных прав особым законодательным актом, настаивая на отмене всех административных распоряжений, стесняющих или ограничивающих культурную самобытность отдельных национальностей.

Из других начинаний союза в культурно-педагогической области необходимо отметить заботы *о развитии*

союзной библиотеки. Несмотря на то, что библиотека существует исключительно на доходы от подписной платы (100 латв. руб. в год), добровольные пожертвования и доходы от устраиваемых ею предприятий (в 1924 году лотерея, устроенная библиотекой, дала 5.000 латв. руб), развитие ее идет успешно: в 1925 г. основано научно-педагогическое отделение. Труды по заведыванию библиотекой несет один из членов союза безвозмездно.

Союз с 1921—22 уч. года имеет *психологическую лабораторию,* которая производит обследования дефективных учащихся русских школ и предоставляет свои приборы для демонстрирования на уроках психологии в старших классах средних учебных заведений.

Следует также подчеркнуть, что *организация дня русской культуры* в 1925 году была выполнена трудами особого комитета, образованного при учительском союзе.

«День русской культуры» послужил толчком к возникновению в Риге и в провинции ряда *культурно-просветительных обществ,* уже успевших проявить себя. Повидимому, в Латвии, так же как и в Эстонии, этим обществам суждено будет жить и развиваться, теснейшим образом связывая школу и ее деятелей с широкими народными массами. По крайней мере рижское просветительное общество, руководимое неутомимым Е. М. Тихоницким, уже успело организовать воскресники в рабочих кварталах города, проводит ряд художественных чтений для широких кругов населения при русских библиотеках, разрабатывает вопрос об открытии курсов грамотности для взрослых. Поднят, между прочим, вопрос об учреждении союза русских культурно-просветительных организаций в Латвии. Уже выработан устав объединения, предприняты шаги к установлению связи с провинцией и к открытию целой сети просветительных обществ на местах.

Очень симпатична *идея устройства чайных вечеров* (доклады, музыкально-вокальные номера), которая проводится комитетом союза. Довольно часто союзом устраиваются лекции научного и педагогическо-методического характера (напр., в 1924 г. были прочитаны две лекции проф. Р. Ю. Виппером: «Кто мы такие» (к вопросу о выяснении национального самосознания) и «О преподавании истории»; д-ром Трофимовым — «Об условных рефлексах»).

Союз неуклонно стремится поддерживать *теснейшие связи с другими русскими общественными организациями в Латвии*, стараясь откликаться по возможности на каждое явление общественного характера, имеющее то или другое значение для русского населения. В 1924 году союз принял горячее участие в работах совещания, созванного по инициативе русских депутатов государственного сейма для обсуждения законопроекта о русской национально-культурной автономии*).

Союз работает в полном контакте *с русским национальным объединением;* последнее связывает в одно целое около 20-ти различных русских общественных организаций и стремится защищать исключительно национально-культурные интересы русского меньшинства. В это объединение входят такие русские организации, как общество

*) Комиссия из членов союза внесла в законопроект ряд поправок, которые касались, главным образом, организации школьного дела. Здесь союз старался, с одной стороны, установить тесную связь между русским отделом министерства просвещения, ведающим всеми культурно-просветительными учреждениями и центральным органом, стоящим во главе всего русского национального объединения, а с другой стороны, добиться возможно бо́льшей самостоятельности и независимости русского отдела в решении всех вопросов педагогического и административного характера. Особенно энергично ратовали представители союза за восстановление упраздненного административным распоряжением института собственных русских школьных инспекторов, за расширение компетенции совета отдела в деле назначения и увольнения учителей, за включение в число русских просветительных учреждений, содержимых за счет государственного казначейства, помимо основных школ и общеобразовательных средне-учебных заведений, и школ профессиональных, специально-педагогических, детских садов, библиотек, вечер-

врачей, театральное общество, общество русских студентов, советы православных приходов и т. д. Учительский союз принимает самое деятельное участие во всех наиболее ответственных выступлениях русского национального объединения.

В конце 1924 года союз участвовал в выборах нового состава рижской городской думы, а в начале текущего года—в выборах в сейм. К моменту выборов в рижское городское самоуправление и в сейм союз стал на сторону тех общественных группировок, которые боролись против господства произвола в русском отделе. Активность союза проявилась не только в ассигновании средств на пропаганду, но и в энергичной деятельности членов союза, устраивавших многочисленные собрания не только в Риге, но и в глухих провинциальных городах и местечках. Как известно, работа союза увенчалась полным успехом: в городскую думу и в сейм избраны почти исключительно новые люди, отражающие взгляды русского населения и считающиеся с ним. Значение достигнутого успеха усугубляется еще тем, что союз, решаясь принять участие в выборных кампаниях, не питал больших надежд на благоприятные результаты: раздробленность русского общества, пассивность и малая культурность широких масс населения создавали условия, при которой порой казалось

них курсов для взрослых и т. д. В части законопроекта, трактующей об устройстве центрального и местных органов национального объединения, внимание представителей союза, членов совещания, привлекали два пункта, касавшиеся: 1) обязательного внесения в особый кадастр всех лиц, желающих быть членами русского национального объединения, и 2) права обязательного самообложения членов объединения особым налогом. Представители союза считали, что при общем низком уровне культурного и политического развития русского населения *обязательное* занесение всех, считающих себя русскими, в списки членов русского национального объединения является мерой совершенно необходимой; без этого все объединение могло-бы превратиться в частное культурно-просветительное общество. Настаивали также представители союза на предоставлении национальному объединению права облагать своих членов особым налогом.

невозможным провести кандидатов союза. Настойчивость, умелая агитация и дружная поддержка сельского учительства сделали свое дело.

Союз сотрудничает также и с *русским больничным внепартийным обществом* (организовал сбор пожертвований на устройство русской лечебницы); свою связь с *русской народной библиотекой* союз подчеркивает тем, что ежегодно ассигнует ей значительные суммы на приобретение новых книг.

Союз *имеет своих представителей* в просветительной комиссии рижской городской управы и в совете русского отдела.

Финансовое положение союза довольно благоприятно; в 1925 году, несмотря на экстраординарные расходы, бюджет сведен с остатком около 50.000 лат. руб.

Неудачи, постигшие рижский учительский союз в ряде его выступлений в защиту интересов русской школы и прав русского учителя в Латвии, лишний раз подчеркнули ту неоспоримую истину, что только объединив в своих рядах всех русских учителей Латвии, союз сможет стать действительной силой и не будет терпеть поражений.

К сожалению, вопрос об образовании вселатвийского русского учительского союза, поднятый уже несколько лет тому назад и принципиально разрешенный в положительном смысле еще на режицком учительском съезде в январе 1923 года, до сих пор не может вылиться в определенные формы.

В 1924 году правление рижского союза сделало попытку сдвинуть этот вопрос с мертвой точки, поставив его, как известно, в программу вселатвийского съезда русских учителей. Съезд еще лишний раз подтвердил необходимость самого тесного единения между всеми русскими учителями Латвии и признал желательным, чтобы

все уже существующие русские учительские организации и те группы учителей, которые могут на местах сорганизоваться, слились в единый русский союз. Съезд избрал и особую комиссию из представителей рижского, двинского, режицкого и люцинского учительства, который и поручил разработать устав общего союза и принять меры к скорейшему проведению в жизнь принятого съездом решения.

К сожалению, совсем, казалось, решенный вопрос опять затормозился: в русском отделе засел г. Серков, при котором создалась обстановка, совершенно не благоприятствовавшая широким начинаниям общественного характера.

В конце 1925 года наметилась сильная тяга к широкому объединению среди низового провинциального учительства; так, например, яунльтгальские учителя единогласно (в уезде русских учителей около 100 чел.) постановили войти, в качестве автономного отделения, в рижский союз. Постановление это не могло быть осуществлено сразу, так как устав рижского союза не предусматривал образования в его составе таких автономных групп, но с весны текущего года устав союза спешно перерабатывается в этом отношении, что, по всей вероятности, облегчит воссоединение с рижским союзом других русских учительских организаций.

В конце февраля текущего года общее собрание рижского союза приняло постановление, которое, повидимому, осуществит, наконец, долгожданное объединение русских учителей во вселатвийском масштабе еще в нынешнем, 1926 году.

Образование единой национальной учительской организации увеличит значение и роль русского учительства в Латвии.

Уже теперь, будучи разрозненным, русское учительство сумело, как мы видим, занять весьма значительное место в общественной и политической жизни страны, проводя от русского меньшинства гласных в органы местного самоуправления и даже депутатов в государственный сейм. Сплотившись же в единый союз, оно, несомненно, скоро приобретет исключительное значение в жизни русского меньшинства в Латвии, как наиболее организованная, однородная и интеллигентная сила.

Н. Новожилов.

ЛИТВА*)

Русская школа в Литве не является беженской школой в чистом виде, так как она вмещает в себе, как детей беженцев, так и детей местного русского меньшинства и поэтому не связана тесно с заграничными эмигрантскими организациями, подобно беженской школе во Франции, Германии, Греции и т. д. С другой стороны, она, хотя и значится меньшинственной, но не имеет преимуществ этой школы, не ограждена никакими местными специальными законами для меньшинств, короче говоря, предоставлена частной инициативе. Несмотря на наличие в конституции Литвы статей, устанавливающих права равенства перед законом независимо от национальности, языка и вероисповедания. граждан Литовской демократической республики, до сих пор нет закона сколько-нибудь обеспечивающего меньшинствам их культурные права. Затем, официально ни один язык, кроме государственного-литовского, на Литве не признан. Все эти условия, в особенности, если принять во внимание, что молодое Литовское государство находится в периоде строительства, в периоде укрепления устоев государственных и национальных, предъявляют русским культурным кругам и в первую очередь русскому учительству в Литве ответственную и трудную задачу по охране родного языка,

---

*) *Источники:* Информация Ковенской группы русских учителей.

родного искусства, литературы, по охране вообще русской культуры.

А между тем, по данным переписи 17 сентября 1923 года русское население в Литве, при общей численности населения в 2.028.971 чел., насчитывает свыше 55 тысяч, в число которых по официальной статистике входит около 2.000 иностранцев (эмигрантов). Без преувеличения можно считать, что число русских детей школьного возраста составляет цифру больше 8.000, однако, из них всего лишь только две тысячи обучаются в школах. По данным июня месяца 1925 года число обучающихся на родном языке и того меньше, а именно, 212 в единственной русской гимназии и около 700 в русских начальных школах. Всего русских начальных школ одиннадцать.

Общаяя картина по официальной школьной статистике (по данным инспекторов начальных школ) такова:

Годы	Всего начальных школ в Литве	Число учащихся	В том числе русских детей	Русских учителей в нач. шк.
1920 янв.	1.173	75 тыс.	388	3
1921 март.	1.425	94 „	576	18
1922 янв.	1.723	120 „	1.145	24
1923 „	1.880	116,8 „	1.409	34
1924 февр.	2.020	117,6 „	1.575	34
1925 „	2.089	122,6 „	1.760	37

В русской школе:

Годы	Число школ.	Число учащихся	Число учителей
1920 янв.	3.	160.	3.
1921 март.	4.	244.	3.
1922 янв.	6.	567.	8.
1923 „	11.	694.	16.
1924 „	12.	761.	15.
1925 „	12.	772.	17.

Правительственная статистика показывает, что % русских и белорусских детей*), обучающихся в родной

*) На 1 января 1925 года существовала всего одна белорусская школа с 34 учащимися.

школе все время падает, а число тех же детей, обучающихся в чужой школе все время растет.

Для русского и белорусского населения процент необучающихся в школе равен 84%.

В Ковенской русской гимназии Общества Преподавателей обучались:

Годы	Всего учащихся	В том числе русских	Из них детей беженцев
1920 сент.	191	86	12
1921 „	425	129	21
1922 „	462	153	23
1923 „	478	188	37
1924 „	431	204	46
1924 июнь	385	212	51

Хотя общее число учащихся в гимназии падает, но зато возрастает в ней число учащихся русской национальности, что упрочивает положение школы с русским языком преподавания и постепенно создает основы существования меньшинственной школы.

Но вышеприведенные цифры указывают нам и на то, что русское школьное дело в Литве развито не в такой степени, в какой имеется нужда, а именно, для 1922 года около 55% русских детей за недостатком русских школ обучалось в школах других национальностей, преимущественно литовской.

На всю Литву имеется всего 1 средняя русская школа в городе Ковно, содержимая «Ковенским обществом преподавателей для поддержки русской школы». Предоставленная с материальной стороны всецело ее Попечительному Совету, эта школа с программой 8-миклассной гимназии в вопросах административно-учебных подчиняется Министерству Народного Просвещения.

Общее количество русских учителей в Литве по данным начала декабря 1925 года составляло 71 человек. Из

них состояло на педагогической службе — 57, безработных — 14.

Более подробные сведения дают следующие таблицы:

Общее число русских учителей

	Русских	Литовских	Безработных
1. В гимназиях:	14	5	6
2. В нач. школ.:	12	26	8
Итого . .	26	31	14

Распределение по месту жительства

1. *В Ковно:*

	Русских	Литовских	Безработных
Учител. гимназ.:	14	2	3
» нач. шк.:	5	—	2
Итого . .	19	2	5

2. *В провинции:*

Учител. гимназ.:	—	3	3
» нач. шк.:	7	26	6
Итого . .	7	29	9

Образовательный ценз

	Русских	Литовских	Безработных
1. С высшим образ.:	9	5	2
2. Со сред. образ.:	17	26	12
Итого . .	26	31	14

Профессиональной организации русских учителей в Литве нет. Наиболее организованной группой является учительство, входящее в состав педагогического Совета русской гимназии в г. Ковно. Преобразованное в ноябре месяце 1924 г. из «Ковенского товарищества преподавателей» общество, носящее название «Ковенское общество

преподавателей для поддержки русской школы», имело в своем составе в конце 1925 года 17 членов.

Общество изыскало средства для постройки собственного обширного здания гимназии, каковое и было в торжественной обстановке освящено минувшей зимою.

При обществе имеется Касса взаимопомощи с членским взносом 2 лита (1 лит равен $^1/_{10}$ доллара, около 20 коп.) ежегодно и 5% от жалованья в месяц.

Отдельные учителя, преимущественно преподающие в литовских школах, входят в Профессиональный Союз Учителей Литвы, где предвидится организация русской секции. Взаимные отношения между русским учительством и прочим учительством, в частности с учительством, входящим в профессиональные союзы, вполне добропорядочные, хотя не приходится говорить о постоянном и близком сотрудничестве тех и других на педагогической или общекультурной ниве.

Заработная плата по своей абсолютной величине довольно значительна. За один недельный урок в месяц учитель гимназии с высшим образованием получает до 20 лит, со средним — около 15 лит, что составляет приблизительно в среднем оклад в 400—600 лит.

Учителя начальных школ получают в месяц 250—350 лит в городах и не свыше 300 лит в деревенских школах, считая и плату за заведывание школой. В деревнях обыкновенно дается квартира и отопление, что сокращает расходы, приблизительно, на 200 лит; съестные продукты значительно дешевле, почти наполовину. Однако, эта довольно высокая расценка педагогического труда далеко не соответствует уровню прожиточного минимума. Сравнительно еще сносно положение учителя сельской начальной школы, где прожиточный минимум 250—300 лит; положение же учителей городских школ оставляет желать многого, так как не достигает прожи-

точного минимума, как это видно из нижеследующей таблицы:

	Жизнь в деревне	Жизнь в городе		
		Холост	Жанат или семейн. 3ч:	Многосем.
Квартира	—	150	250	300
Обед	50—60	75	200	250
Чай и завтрак . . .	40—50	60	90	150
Освещение	15	10	20	20
Отопление	30	30	75	100
Белье и одежда . . .	45—90	30	65	100
Член. взнос в кассу взаим.	15	20	20	20
Прочие расходы . .	25	25	30	60
Итого . . .	220—285			
Оклад	250—300	400	600	700
Недостает	—	—	*150*	*300*

Откуда пополняет этот недостаток учитель в Литве? Временно он может позаимствовать из кассы взаимопомощи учителей. Но это не выход. Приходится искать источник дополнительного заработка. Прежде этим источником служили частные уроки, но после запрещения директором гимназии частных уроков учителям пришлось искать дополнительный заработок в самых различных отраслях деятельности: есть служащие в конторах и банках, есть страховые агенты, есть переводчики, корреспонденты, эксперты в суде, артисты-любители, художники, музыканты и т. д. На случай болезни помогает Касса взаимопомощи.

В общем приходится признать, что если материальное положение русского учителя в Литве нельзя признать удовлетворительным, то оно и не близко того порога бедности, у которого стоит русский учитель в некоторых других странах. В Литве русский учитель имеет почти все необходимое для скромной жизни, правда, путем большой нагрузки уроками и добавочными заработ-

ками. В последний год ощущается стеснительное положение не только многосемейных учителей, но и вообще семейных. Прожиточный минимум за последнее время обнаружил явную тенденцию к повышению и увеличился по сравнению с прошлым годом на 15—20%. При сохранении прежних ставок педагогического труда экономическое положение учителя станет довольно тяжелым.

Надлежит отметить, что все учителя начальной школы, а также 3 русских учителя, преподающие в литовской средней школе, состоят на казенной службе.

В. Грабовый.

ПОЛЬША

1)

До 1918 года, года восстановления независимой Польши, на той части ее территории, которая входила в состав Российской империи, находилась не одна сотня разного типа низших и средних русских школ и несколько высших, в которых преподавало несколько тысяч русских учителей.

Во время войны часть их, сравнительно небольшая, главным образом, высших и средних школ, была эвакуирована в глубь России. Большинство же школ и учителей остались на местах.

После Рижского мира с большевиками, определившего теперешние восточные границы Польши, в пределах ее оказалась, безусловно, большая часть русского зарубежного учительства, которое должно исчисляться не менее как несколькими тысячами человек.

Вся эта масса русского учительства была выбита из колеи нормальной профессиональной жизни уже войной и последующей внутренней смутой. Целый ряд школ перестал нормально функционировать и совершенно закрылся, что естественно лишило многих учителей их нормального профессионального заработка и заставило искать его в других отраслях труда, подчас просто физического.

Единая прежде русская школа и единое русское учительство в результате переживаемого всем русским народом тяжкого лихолетия разбилось на школы и учительство нескольких «национальных меньшинств» — украинского, белорусского и великорусского («российского» по местной официальной терминологии), при чем последнее официально не только правительством, но и всеми без исключения политическими партиями считается не коренным населением края, а пришлым, в значительной степени случайным элементом, — «наследием царской России».

Поэтому, говоря теперь о русском учительстве в Польше, приходится иметь в виду не все, а только часть довоенного русского учительства, и именно ту его часть, которая работает в русских школах (так наз. «школах с российским языком обучения»), пока еще существующих, а также весьма значительное число учащих, считающих себя просто русскими (не украинцами и не белоруссами). И такого русского учительства наберется в Польше много. во всяком случае не менее тысячи человек, в подавляющей своей части ныне безработного, в виду быстрой, принудительной ликвидации русской школы, в результате которой в настоящее время осталось всего не более 14 средних и трех низших школ *), дающих заработок не более чем 250 учителям и учительницам.

Остальная масса русского учительства, не находя заработка на привычном ему педагогическом поприще труда, или покинула край (в самой незначительной части) или же вышла и притом, вероятно, навсегда из рядов учительства. Ничтожный процент русских учащих работает в школах польских (с польским языком обучения).

---

*) Это число русских школ в Польше было представлено на съезде в Варшаве весной 1925 г.

Как же живет и работает и как себя чувствует русское учительство в Польше?

Общий ответ на этот вопрос дать очень легко и заключается он в одном слове — *плохо.*

Детализировать же ответ, нарисовать полную рельефную картину положения здесь русского учительства очень трудно. Прежде всего потому, что не было и нет, да и не предвидится никакого обследования положения русского учительства. Мы поэтому не знаем точно, ни сколько учителей всего, ни сколько в их числе безработных, ни сколько отдельно учителей и учительниц, ни деления их по типам школ, по профессии, заработку и т. д. Ничего этого мы точно не знаем.

Для того, чтобы хоть несколько разобраться в вопросе, иметь хоть некоторый фактический материал по вопросу о положении русской школы и русского учительства в Польше, автор этих строк еще перед первым Педагогическим Съездом в Праге организовал в Варшаве небольшой Съезд русского учительства в Польше в целях избрания делегатов на Пражский съезд, а равно и в целях информационных.

Весьма кратковременный, небольшой по составу Съезд, скорее совещание собравшихся с разных сторон Польши немногих представителей русской школы и русского учительства, все же дал некоторый материал по интересующему нас вопросу. Гораздо несравнимо большее значение имел и по сейчас имеет в этом отношении созванный, также по инициативе пишущего эти строки, весною истекшего года в Варшаве «Первый Съезд Русских Деятелей по Народному Образованию в Польше».

На этот Съезд прибыло, в числе других участников, более 35 русских учителей, официально представлявших

более чем 350 русских учителей в Польше, как работающих по своей специальности, так и безработных.

Утвержденная правительством программа Съезда заключала в себе параграфы, касающиеся специально учительства, а именно:

I. В «Положении о Съезде» было сказано:

ст. 2. «Задачи Съезда — нижеследующие: в) выяснение условий существования русских учителей в Польше, г) организация профессионального союза русских учителей и профессоров в Польше, с кассой взаимопомощи при названном союзе».

II. В связи с этим в программе Съезда стояло:

ст. 2. Сообщения с мест о положении русских учителей, работающих и безработных.

ст. 4. Обсуждение вопроса об ебъединении русских учителей в Польше в профессиональный союз, а также его организация.

ст. 5. Организация кассы взаимопомощи русских учителей в Польше».

Перед Съездом во все школы были разосланы организационным комитетом специальные учительские анкеты. В бюро Съезда поступило 143 заполненных анкет.

На Съезде работала учительская секция. Съезд вынес по вопросу о положении учительства ряд резолюций.

К изучению собранного Съездом материала, вернее к результатам, вытекающим из этого изучения, мы теперь и перейдем.

3

Уже доклады с мест нарисовали достаточно безотрадную картину того материального, правового и, соединенного с ними духовного и морального положения, в котором находится русское учительство в Польше. Прения по докладам и изучение анкетного материала не только не

ослабили полученного впечатления, а скорее его усилили.

Положение русского учительства тесно связано с положением русской школы в Польше, а оно в официальном обращении Съезда к польской власти названо «*трагическим*». Этим словом только и мог начать Съезд («Трагическое положение русской школы в Польше...» и т. д.) свой знаменитый меморандум, при котором были представлены министром народного просвещения, внутренних дел, вице-премьер-министру г. Туггуту и др. так непонравившиеся многим (и при том больше неполякам, чем полякам) резолюции Съезда.

И действительно, массовое закрытие школ массами же выбрасывало русского учителя на улицу, выбрасывало навсегда. Раз лишенный своего педагогического труда, русский учитель, за самыми редчайшими исключениями, уже больше никогда не возвращался к своей профессии, несмотря часто на высокую свою квалифицированность.

Тяжелое материальное положение русской школы, не получающей ниоткуда никакой материальной поддержки и существующей лишь на сравнительно незначительную и с большим трудом поступающую плату за учение, естественно всею своею тяжестью бьет в первую очередь по учителю.

Анкетный материал рисует нам такую картину материального положения русского учителя в Польше.

Из 143 анкет — 105 заполнено учителями и учительницами, состоящими на педагогической службе, и 38 безработными.

О положении учителя, занятого по своей специальности, можно судить только на основании материала, заключающегося в первых 105 анкетах.

По величине заработка учителя распределяются:

Таблица 1

Величина заработка			Число лиц, его имеющих	% общего числа
До	50 злотых	получает	5	4,75%
»	75 »	»	8	7,61 »
»	100 »	»	13	12,4 »
»	150 »	»	23	21,9 »
»	200 »	»	19	18,1 »
»	250 »	»	8	7,62 »
»	300 »	»	18	17,15 »
»	400 »	»	7	6,66 »
»	500 »	»	3	2,86 »
Свыше	500 »	»	1	0,96 »
		Всего	105	100%

Из этого видно, что главная масса учительства 77% зарабатывает от 100 до 300 злотых в месяц*). Средний учительский заработок в этих пределах получается в *197 злотых*.

Сравним теперь учительские заработки с показанным в анкетах прожиточным минимумом.

Прожиточный минимум показан не всеми. Некоторые ответили просто «не хватает», или «проживаем все, что получаем».

Вообще понятие о прожиточном минимуме очень неопределенное и зависит не только от местности и состава семьи, но и от предъявляемых к жизни требований.

В ниже приводимой таблице лица, написавшие, что «живут на заработок», показаны, как зарабатывающие свой прожиточный минимум, что, конечно, не всегда правильно и большинство из них должно быть отнесено к лицам, зарабатывающим меньше необходимого.

---

*) Во время анкеты за доллар платили 5,2 злотых, сейчас (февраль 1926 г.) за доллар платят 8—8,30 злотых, т. е. больше чем в 1½ раза; но заработок, как правило, остался тот же, в некоторых случаях даже уменьшился.

Таблица 2

Зарабатывающих	Число лиц, имеющих такой заработок	% общего числа учителей, давших сведения	
До 50% прожит. мин. . . .	31	37,8%	78%
» 75% » » . . .	22	26,8 »	
» 100% » » . . .	11	13,4 »	
100% » » . . .	10	12,3 »	22%
Свыше 100% » » . . .	8	9,7 »	
Всего	82	100%	

Итак, громадное большинство, 78% русских учителей в Польше, живущих на свой учительский заработок, не зарабатывает даже на необходимый прожиточный минимум. Если даже к общему числу показавших свой прожиточный минимум прибавить и тех 23 человек, которые его совершенно не показали (не показали же по преимуществу как раз те, кто зарабатывает ничтожно мало, менее 100 злотых в месяц, т. е. значительно меньше прожиточного минимума), то и тогда придется сделать весьма плачевный вывод, что три четверти русских учителей в Польше не вырабатывает своим учительским трудом минимально необходимых средств к существованию. А так как громадное большинство из них никакого добавочного заработка не имеет, то значит, что все они со своими семьями живут буквально впроголодь, не имея возможности тратить даже ничтожных сумм на удовлетворение каких бы то ни было культурных потребностей.

Картина станет еще печальнее, если мы познакомимся с семейным положением русского учителя в Польше, которое рисует нижеследующая таблица (стр. 150).

В этой таблице в числе членов семьи показан и сам учитель (учительница), зарабатывающий средства к жизни, а также не только малолетние дети, но и другие члены семьи, старики и взрослые безработные, которые состоят на иждивении главы семьи.

Из этой таблицы видно, что 80% учителей (учитель-

Таблица 3

Число членов семьи		Число семей	% общего числа	
1	. . . .	21	20,00%	67,55%
2	. . . .	19	18,15 »	
3	. . . .	20	19,00 »	
4	. . . .	20	19,00 »	
5	. . . .	12	11,40 »	
6	. . . .	6	5,80 »	42,85%
7	. . . .	3	2,85 »	
8	. . . .	2	1,90 »	
9	. . . .	1	0,95 »	
10	. . . .	—	— —	
11	. . . .	1	0,95 »	
Итого . .		105	100%	

ниц) семейных, из них почти половина, 43%, многосемейных, семья которых состоит из 4 и более человек.

Интересным является также распределение учительства по полу, что показано в таблице 4-й:

Таблица 4

	Число лиц	Из них: Одиноких	Семейных
Мужчины . . .	69	11	58
Женщины . . .	36	10	26
Итого	105	21	84

Из этой таблицы видно, что учительницы составляют почти треть общего числа учащих, и четверть всех учительских семей содержится учительницами.

Чтобы читатель имел представление об оплате учительского руда, укажем, что в среднем недельный (месячный) час оплачивается от 5 до 8 злотых в месяц, в зависимости от города. При этом никаких надбавок на семью, за высшее образование и за прослуженные пятилетки русский учитель не получает. В среднем русский

учитель в Польше получает от 2½ до 3-х раз меньше своего коллеги польского учителя.

Для полноты картины приведем еще некоторые данные, характеризующие ценз и стаж русских учителей в Польше:

Таблица 5

Образование	Число учителей	В том числе со специальным педагогическим образован.	
		учителей	% общего числа
Высшее . . .	50	25	50%
Среднее . . .	55	29	53%
Всего . .	105	54	[51,5%]

Почти половина учителей имеет высшее образование, а из лиц со средним образованием большая половина получила еще специальное педагогическое образование.

Таким образом, высокая квалифицированность русского учительства в Польше стоит вне всякого сомнения.

Добавим к данным ценза и данные стажа:

Таблица 6

Число лет педагогической службы	Число лиц	%
До 5 лет	13	12,4%
» 10 »	18	17,1 »
» 15 »	21	20,0 »
» 20 »	15	14,3 »
» 25 »	6	5,7 »
свыше 25 »	32	30,5 »
Итого . .	105	100%

Из этой тиблицы видно, что главная масса учительства имеет солидный педагогический стаж — от 5 до 25 лет (57%). Бросается в глаза сравнительно большой процент «стариков», состоящих более 25 лет на педагогической

службе и при нормальных условиях уже выслуживших бы обеспечивающую их старость пенсию. Теперь же они должны тяжким трудом добывать кусок хлеба для поддержания обычно многочисленной семьи.

Возрастной состав русского учительства в Польше виден из следующей таблицы:

Таблица 7

Возраст			Число учителей	% общего числа
До	30 лет	. . . . .	4	3,8 %
»	35 лет	. . . . .	18	17,15 »
»	40 »	. . . . .	21	20,00 »
»	45 »	. . . . .	14	13,35 »
»	50 »	. . . . .	14	13,35 »
»	55 »	. . . . .	15	14,25 »
свыше	55 »	. . . . .	19	18,10 »
		Итого . .	105	100%

Из этой таблицы видно, что главная масса учительства находится в наиболее работоспособном возрасте 35—55 лет (61%), по обе стороны от которого находится примерно по равному числу учителей.

4

Обрисовав выше материальное положение русского учительства в Польше, перейдем теперь к его правовому положению. Тут картина оказывается еще более печальной.

Центр тяжести вопроса лежит здесь в наличии у данного учителя прав польского гражданства («обывательства» по местной терминологии). Согласно закону или во всяком случае установившемуся определенному требованию властей, для того, чтобы быть утвержденным в должности учителя, т. е. более или менее быть спокойным за свою судьбу, требуется быть польским гражданином.

Отсутствие польск. гражданства, рано или поздно, почти неминуемо ведет к устранению данного учителя от преподавания, независимо от каких угодно высоких квалификаций. Требование это относится не только к школам правительственным, но и к частным, как имеющим, так и неимеющим права. Особенно неуклонно это требование проводится на «кресах». Понятно, что целый ряд русских учителей подают прошения об утверждении их в правах гражданства. Громадное большинство из них имеют все права на это, так как не только сами всю жизнь прожили в данной местности, но часто и их отцы и деды уже входили в состав местного населения. Казалось бы, все такие лица автоматически должны были переходить в подданство того государства, к которому отошла территория, на которой они постоянно живут. Но по установившейся практике, все русские, особенно живущие в городах и лица интеллигентных профессий, должны подавать через местные власти прошения о признании их польскими гражданами, приводя доводы своего на то права. Дела такие «рассматриваются» годами. В анкетах есть, напр., такие заявления: «педагогическую службу потерял, так как не имею польского гражданства; дело о признании гражданства «w toku» (в рассмотрении) уже 4 года». В большинстве случаев такого рода дела заканчивались отказом в просьбе, со всеми последствиями этого отказа.

На столь ненормальное положение вещей обратил внимание и Русский съезд по народному образованию, перед которым по докладам с мест и в прениях вопрос этот встал со всей своей не терпящей отлагательства остротой, что зафиксировано, между прочим, в XI резолюции съезда, которая гласит:

«Так как одним из существенных тормазов к нормальному функционированию и даже самому существованию русских учебных заведений является слишком

медленное рассмотрение возбуждаемых преподавательским персоналом ходатайств о польском гражданстве, съезд находит необходимым просить правительство о скорейшем и возможно благожелательном рассмотрении и удовлетворении таких ходатайств».

В том меморандуме, при котором были поданы членам правительства резолюции съезда, съезд еще раз возвращается к этому большому для русского учительства вопросу и пишет:

«Весьма большие затруднения испытывают школы также и в подыскании надлежащего педагогического персонала в виду того, что от него требуется обладание правами польского гражданства; между тем, подавляющее большинство русских учителей, даже имеющее все законные на то права, не могут получить польского гражданства, несмотря на возбуждаемые ходатайства и хлопоты».

Тот же меморандум, перечисляя главнейшие нужды русской школы и учительства, — «скорейшего удовлетворения которых русское национальное меньшинство в Польше с нетерпением ждет», к их числу относит и вопрос о правах гражданства для русских учителей.

В результате такого положения вещей, которое со времени вынесенных съездом резолюций нисколько не изменилось к лучшему, русский учитель в значительной своей части не обеспечен и тем, далеко, как мы видели выше, недостаточным куском хлеба, который он теперь временно имеет. С началом каждого года ему грозит «неутверждение», во второй половине года — «извещение» об освобождении его от учительских обязанностей в данной школе.

Директор гимназии (нечего и говорить, что «обывательство» от директора требуется уже безусловно), представляя ежегодно свой персонал на утверждение школьных властей, относительно польских граждан должен представить только их квалификации, доказывающие их право

на преподавание (здесь в отношении «русских» квалификаций тоже много затруднений), что же касается непольских граждан, то о них он должен представлять специальные ходатайства, мотивируя свое «представление» об оставлении их преподавателями «на текущий год» полной невозможностью заменить их лицами, имеющими польское гражданство.

5

Не защищены надлежащим образом также и профессиональные интересы русского учительства в Польше, в виду отсутствия соответствующей профессиональной организации.

Необходимость организации профессионального союза русских учителей в Польше чувствовалась и чувствуется русским учительством, как обладающим «обывательством», так и необладающим им, а равно и учителями эмигрантами, весьма настоятельно. В Варшаве была даже сделана попытка в этом направлении, и образовалось «Общество Русских Учителей», но весьма малочисленное, состоявшее, главным образом, если не ошибаюсь, из безработных учителей; оно не сумело развить своей деятельности и совершенно заглохло.

Весьма серьезно отнесся к этому вопросу съезд. В «положение о съезде» и в программу его работ пишущим эти строки были введены пункты об «организации профессионального союза русских учителей и профессоров в Польше, с кассой взаимопомощи при названном союзе». На самом съезде, в учительской комиссии, вопрос этот рассматривался весьма подробно, и соображения комиссии были доложены пленуму. Предполагалось даже тут же на съезде заложить ядро и профессионального союза и кассы взаимопомощи. Образовались инициативные, довольно многочисленные, группы... Съезд, по надлежащем

ознакомлении с делом, выразил свое к нему отношение в следующей резолюции:

«Съезд признает необходимым организацию Русского учительского профессионального союза в Польше с кассой взаимопомощи при нем и поручает культурно-просветительному отделу Русск. Благотворительного Общества в Польше предпринять необходимые для того организационные действия».

В исполнение такого постановления съезда, автор этих строк, как председатель культ.-просвет. отдела, разработал в сотрудничестве секретаря отдела, безработного учителя г. Петрова, полные положения и о союзе и о кассе взаимопомощи. В основание того и другого были положены, согласно указаний съезда, соответствующие положения, принятые русским учительством в Праге, но строго согласованные с польскими законами и с уставом проф. союза польских учителей.

Уставы эти представленные еще осенью на утверждение и дальнейшее направление, к сожалению, лежат пока не введенными в жизнь*), и русское учительство все еще остается без столь необходимого для защиты его интересов профессионального объединения.

В последнее время вопрос этот снова поднят, но уже со стороны галицко-русского учительства. На страницах львовской газеты «Русский Голос» появился ряд писем галицко-русских учителей **) по этому вопросу. Выяснилось, что в Галицкой Руси имеется несколько сот старых русских учителей, что до войны там существовал профессиональный учительский союз, под названием «Русский Учительский Союз». Нашелся, конечно, и устав

*) Слишком медленное движение этого дела и было одной из причин сложения с себя пишущим эти строки обязанностей председателя культурно-просветительного отдела Русского Благотворительного Общества.

**) См., напр., № 137 от 10 декабря 1925 г. и другие, «К делу организации учительства».

союза, и вопрос, в конце концов, сводится не столько к созданию нового, сколько к возобновлению деятельности уже жившего и в сущности юридически не перестававшего существовать союза.

Дай Бог, чтобы хоть с этой стороны вопрос этот был сдвинут с места и русское учительство в Польше получило бы, наконец, свою профессиональную организацию, при которой, как пишет один из авторов письма, «не так страшны будут и всякие «редукции», т. е. уменьшение персонала, в первую голову бьющие, конечно, русских. «Без своего союза пропадают наши люди, и никто никогда не знает и не узнает, кто и где потерпел, а самому (одному) сегодня очень трудно защищаться».

Пока что, небольшая часть русского учительства, преподающая в польских школах, может состоять, и вероятно состоит, членом проф. союза польских учителей.

Отсутствие союза сказывается между прочим и на отсутствии у русского учительства своего печатного органа, в котором освещались бы как его профессиональные нужды, так и вообще вопросы русской школы и общепедагогические. Такой чисто местный орган, посвященный, главным образом, местным делам был бы крайне необходим, независимо от существующих в зарубежной Руси педагогических журналов.

Д. М. Сокольцов.

Варшава.

ГЕРМАНИЯ

Те же общие причины привели в Германию, преимущественно в Берлин, многочисленных русских педагогов, что и остальную огромную беженскую массу. Разрозненные первоначально, с 1920 г. русские педагоги объединяются, с целью продолжать в Германии ту свою работу по воспитанию и образованию русского юношества, которую они были вынуждены прервать в России. Необходимо отметить, что все три русские средне-учебные заведения, функционирующие в пределах Германии (2 в Берлине и одно в вольном городе Данциге), основаны именно по личной инициативе самих преподавателей. Автору настоящих строк хорошо известны русские школы в Берлине и он может засвидетельствовать, что педагоги этих школ чрезвычайно стойко сохраняют и берегут именно *общественный* характер своих учебных заведений. Позволительно утверждать, что только участием именно *всех* преподавателей в организации, направлении и сохранении своей школы, наличные школы продолжают существовать, несмотря на все время меняющуюся обстановку и условия работы и жизни.

В Германии в наиболее трудных и тяжелых условиях протекала жизнь педагогов и шла их работа в местах скопления *неимущих* беженцев, так, например, в лагере Шойен, вблизи г. Целле (провинция Ганновер). С 1920 г. для нужд детей, проживающих в лагере русских семей

была открыта прогимназия из 4-х классов и при ней общежитие для девочек с отдельной заведующей. Как школа, так и общежитие и сами преподаватели размещались в деревянных бараках, типа летних досчатых построек; при этом на отдельного преподавателя с семьей приходилось по одной комнате. Благодаря отдаленности от центра русской эмиграции в Германии (Берлина) неизбежны бывали задержки в получении субсидий; а в период девальвации таковая задержка обрекала сразу не на полуголодное, а на прямо-таки *голодное* существование. Оплата труда преподавателей почерпалась из благотворительных источников, в виду того, что все дети были или сиротами, или неимущих и неимеющих заработка родителей. К голоду зимой присоединялся холод и можно было ежедневно наблюдать учащихся, направлявшихся, под предводительством педагогов, в лес для сбора еловых шишек и сучьев для отопления помещения. Труд педагога в этих условиях, невозможных с чисто физической стороны, был в годы 1920—23 истинным подвижничеством. Лучшее положение наблюдалось в эти же годы в Берлине. Большое количество беженцев (особый наплыв русских эмигрантов в Берлин имел место в 1922 г.) обусловило достаточный контигент русских детей школьного возраста. При этом в Берлин съехались в частности те эмигранты, которые имели в своем распоряжении некоторые суммы в той или иной валюте, что в годы инфляции обеспечивало в Германии дешевую жизнь. Не обосновываясь особенно прочно, такие беженцы охотно отдавали своих детей в русскую школу, школу привычную и не требовавшую знания местного языка. При постоянно менявшейся стоимости бумажных денег в Германии, школы естественным образом перешли на оплату в твердой валюте, считая 45-минутный урок в 10 приблизительно центов. За частный же урок хороший преподаватель получал до 1 доллара. Если иметь в виду

низкую валюту Германии до стабилизации, то такая оплата обеспечивала педагогу сытую жизнь и возможность нормальной работы. Наплыв в те годы русских беженцев обеспечивал достаточным количеством учащихся обе существующие в Берлине русские школы и в то же время давал каждому хорошему преподавателю известное количество частных уроков, особенно по математике, латинскому и русскому языкам. В качестве примера заработка и трат приведу следующий. В то время, когда можно было получить частный урок с оплатой в 1 американский доллар, комната стоила в месяц около 6 долларов в переводе на германские деньги. Относительная доходность работы преподавателя вызвала в 1921—23 гг. появление особого типа преподавателя-репетитора, преподавателя непрофессионала, не входившего в местный союз преподавателей, так сказать «присоседившегося».

С установлением твердой валюты в начале 1924 г. положение и условия труда русских педагогов в Германии резко меняются. Изменяются как условия обще-германской хозяйственной жизни, так и положение русской колонии.

Если говорить об обще-германских условиях, то надо отметить, что установление твердой валюты привело очень скоро к выравниванию цен и к удорожанию жизни — по сравнению с временем инфляции приблизительно в 6 раз. Такое удорожание резко ухудшило положение русских педагогов, заработок которых отнюдь не увеличился. Последнее обстоятельство объясняется отъездом из Берлина значительной части русской колонии и сокращением числа учащихся в школах. Частные уроки почти полностью прекратились в виду: 1) уменьшения русской беженской колонии, 2) отъезда именно более зажиточных, предпочитавших расходовать имеющиеся у них капиталы во Франции, стране низкой валюты, 3) отсутствием свободных средств у оставшихся в Берлине

русских. Меняются и планы и расчеты родителей относительно их детей. Вместо желания удержать детей в родной русской школе, родители считаются с возможностью долголетнего пребывания в Германии, зачастую предпочитают отдавать детей в германские ср.-учебные заведения, гарантирующие знание немецкого языка и беспрепятственное поступление в высшие германские учебные заведения. Все сказанное до нельзя ухудшает условия заработка и положение русского преподавателя в Германии. Вот пример тяжелой жизни преподавателей в Берлине зимой 1925—26 гг.

Известный педагог, математик, старый труженник русской средней школы, частных уроков имел этой зимой очень мало и непостоянно; главный источник существования — оплата его труда из местной русской школы; единственные траты — плата за комнату и еду; обедает два раза в неделю (остальные дни питается кашей, которую сам варит на спиртовке), человек очень интеллигентный, имеет возможность покупать новые газеты не чаще двух раз в неделю.

Преподаватель другой школы вынужден держать свою семью вне Берлина, в барачном помещении (бесплатном) лагеря Вюнсдорф, живя в Берлине один.

В таких тяжелых условиях работают русские преподаватели в Берлине.

Все находящиеся в Берлине русские педагоги объединены в Союз, насчитывающий 35 человек. Большинство членов Союза — преподаватели той или другой школы.

Задачей каждого из них является борьба за русскую школу. Борьба, протекающая в очень тяжелых условиях конкуренции с высоко стоящей немецкой школой. Ни германская общественность, ни власти ни в какой мере не преследуют национально-русскую школу в Германии. Напротив, отношение и тех и других неизменно корректное,

доброжелательное и внимательное. Однако, самый факт жизни среди народа, веками вырабатывавшего свою высокую культуру и образованность, факт этот делает возможность существования в таких условиях национальной школе чрезвычайно трудным и требующим от педагогов особенно усиленной работы. Приходится все время следить за развитием преподавания отдельных дисциплин у немецких коллег, особенно тщательно относиться к работе в школе и пр.

Состав учащихся тоже требует особо тщательного отношения. Две группы учащихся нуждаются в особенном внимании: 1) подвергшиеся онемечению в германских средних школах, 2) приезжающие из России питомцы советской школы.

Трудные условия эмигрантской жизни почти лишают школу той поддержки, которую в нормальных условиях дает семья. И без того требующие сугубо-внимательного отношения педагога учащиеся, без воздействия семьи, предъявляют к школе еще дополнительные требования.

С целью воздействия на учащихся устраиваются экскурсии, чтения, вечеринки, летние общежития; всеми этими мерами педагоги стремятся, как к физической поддержке русских детей на чужбине, так и к воздействию на их этическую природу и на их национальное чувство любви к родине, к русской культуре и прошлому. Именно с этой последней целью русская школа при Академическом Союзе сохраняет во всех классах (8 + приготов.) преподавание всех предметов на русском языке.

Если иметь в виду указанные трудные условия жизни русских преподавателей в Германии и ту повышенно-сложную работу, которую они исполняют в своих русских школах в Берлине, то позволительно, думается, назвать деятельность русских педагогов в Германии героической.

2-IV-1926 г. Берлин. *И. Пузино.*

*

* *

Нижеприведенные сведения дополняют общую характеристику положения русского учителя в Германии, данную г. И. Пузино.

Оклады в русских гимназиях чрезвычайно низкие и составляют, примерно, $^1/_3$ оклада немецкого преподавателя. Преподаватель, имеющий академический стаж, при 24 уроках получает всего около 120—150 марок в месяц.

Прожиточный минимум в Берлине для одинокого человека около 200 герм. марок (50 долларов). Комната для одного стоит около 50 марок.

Материальное положение некоторых учителей до того тяжело, что на вопрос о причине невхождения в Союз Преподавателей не раз получался ответ — «нет средств для уплаты ежемесячного взноса в 50 пфенигов.

Из всего количества, приблизительно 60—70, русских учителей, проживающих в Германии (исключая г. Данциг), свыше 20 человек имеют посторонний заработок, не по специальности. Столько же приблизительно не имеют вовсе никакой работы.

Анкетный материал о 20 членах Союза Русских Преподавателей в Германии говорит, что для большинства из них педагогическая работа является главным средством существования и что почти все из них имеют дополнительный заработок (лекции, частные уроки, черчение, различный практический труд), составляющий от $^1/_5$ до $^1/_3$ части месячного их бюджета.

Из этих 20-ти: 7 женщин и 13 мужчин.

Все имеют свыше 30 лет: 6 свыше 40 лет, 6 свыше 55 лет.

Семейное положение: 16 семейных, 4 одиноких.

Образовательный ценз:

С высшим образованием .	17 (85%),
„ средним „ .	1 (5%),
„ специальн. педагогич. .	2 (10%).

Число лет педагогической службы:

До 5 лет . . .	4 чел.	— 20%
„ 10 „ . . .	4 „	— 20%
„ 15 „ . . .	2 „	— 10%
„ 20 „ . . .	5 „	— 25%
свыше 25 „ . . .	5 „	— 25%

В. Г.

ФРАНЦИЯ

1

Русские беженцы, в массе, появились во Франции лишь в 1922—23 годах. До этого времени паспортные затруднения были настолько велики, что во Францию имели возможность проникнуть весьма немногие беженцы, обладавшие необходимыми связями и располагавшие достаточными материальными средствами.

В 1922 г., испытывая большую нужду в рабочих руках, Франция допускает более свободный въезд в свои пределы русских беженцев, и они массами начинают прибывать из Греции, Болгарии, Польши, Сербии, Германии, Эстонии и других стран. К концу 1925 г. общее число их во Франции, по некоторым «статистическим» данным, успело перевалить уже за 400.000.

Судя по данным Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам заграницей (парижского «Земгора»), по прежнему своему социальному положению состав беженской массы во Франции крайне разнообразен: большинство ее в прошлом принадлежало к лицам свободных профессий, офицерству, чиновничеству; наряду с этим имеются значительные группы казаков, бывших солдат, ремесленников. В настоящее время все эти былые различия постепенно стираются, ибо с течением времени все меньше становится та доля эми-

грации, которая еще перебивается кое-как изо дня в день случайными заработками интеллигентного характера, все растет число тех, кто окончательно перешел на положение наемного рабочего физического труда — положение, единственно обеспечивающее русскому беженцу кусок насущного хлеба. Главную массу свободных беженских рук поглотила промышленность: есть заводы, на которых число этих новых пролетариев из русской интеллигенции насчитывается многими сотнями; меньшая часть занята в сельском хозяйстве, в торговле, работает по восстановлению разрушенных областей, состоит на военной службе в иностранных легионах и т. п. *). За последнее время состав русского беженства обогащается новым элементом — во Францию потянулась из Чехословакии русская молодежь, окончившая здесь высшие учебные заведения; она устраивается так же, как и все — на заводах, в ремесленных мастерских, на сельско-хозяйственных работах...

При таком огромном количестве русских беженцев, разбросанных по всем департаментам Франции, на всю массу русских детей имеется лишь самое незначительное число русских школ — всего две средних школы, несколько начальных школ и приютов.

Столь незначительное развитие школьной сети обусловливается прежде всего тем, что в период особенно усиленного строительства русской беженской школы — в 1919—22 гг. — во Франции не ощущалось сколько-нибудь острой потребности в открытии русских учебных заведений, так как немногочисленное тогда и сравнительно обеспеченное беженство самостоятельно удовлетворяло свои школьные нужды. Когда же во Франции появился массовый беженец, то для открытия достаточного числа школ уже не нашлось свободных средств: все источники— и русские, и иностранные оказались уже исчерпанными.

---

*) «Зарубежная русская школа». Париж. 1924.

Затем, для объяснения этого факта необходимо принять во внимание еще и влияние французской школы: весьма многие беженские семьи стремятся обучать своих детей в туземной школе, видя в этом не только средство приобщения детей к старой европейской культуре, всегда владевшей умами известной части русского интеллигентного общества, но и большие практические выгоды — школа эта дает права, сообщает такие знания и умения, которые не могут не пригодиться по возвращении на родину и, что всего важнее, — облегчают нахождение заработка в эмиграции. Немалое значение имеет и то обстоятельство, что обучение в хорошо поставленной начальной французской школе, бесплатное и обязательное для всех французских граждан, доступно на равных основаниях и для детей беженцев. Средняя французская школа, платная и не являющаяся обязательной, все же более доступна по размеру платы за учение, нежели русская, не пользующаяся правительственной поддержкой (плата во французской средней школе колеблется между 30 и 60 франками в месяц за одного учащегося, в русской парижской гимназии — от 70 фр. в I классе до 125 фр. в VIII классе).

К началу 1925 года определилось, что главная масса русских детей учится во французской начальной школе; очень значительная часть их обучается и в французских средних школах; в одном Париже таких детей насчитывается свыше 1000. Значение последней цифры еще более вырастет, если мы примем во внимание, что в русской парижской гимназии число учащихся не превышает 200—250 (около 140 мальчиков, 60 девочек).

Возможности, предоставляемые французской школой детям русских беженцев, весьма широки. Для самых маленьких детей, в возрасте от 2 до 7 лет, во Франции существуют общедоступные *детские сады* (Ecole matèrnelle); они бесплатны не только для французов, но и для иностранцев. В детских садах дети проводят время от 9 до

11 и от 2 до 5 часов дня, а при оплате родителями завтрака ребенка, — и сплошь все время от 9 ч. утра до 5 ч. дня. Это освобождает родителей для работы на фабрике или на дому. Русские же дети в садах быстрее осваиваются практически с французским языком и приобретают начатки знаний, облегчающие дальнейшее обучение в начальной школе. Французская *обязательная начальная школа*, имеющаяся в каждой коммуне, с семилетним курсом для детей от 7 до 13 лет, обязательна и бесплатна для всех, в том числе и для детей иностранцев. Кроме годичного подготовительного класса, она имеет три отделения (Cours élementaire, moyen et supérieur), с двухлетним курсом каждое. Из этой школы естественный переход в *высшую начальную школу* (Ecole primaire supérieure) с 2—3 летним курсом для подростков от 13 до 15—16 лет; школа эта также общедоступна и бесплатна, но в нее принимаются лишь успешно окончившие низшую начальную школу. Кроме общеобразовательного отделения в высшей начальной школе имеются специальные отделения — сельскохозяйственное, промышленное, коммерческое, а для девочек, кроме того, курсы домоводства. *Средняя школа* во Франции (Lycée et Collège) расчитана на 7 лет: окончившие высшую начальную школу принимаются в первый класс и, таким образом, оканчивают ее в два года; окончившие полный курс в обязательной начальной школе поступают в пятый класс и заканчивают среднее образование в течение шести лет. Плата за обучение вдвое дешевле, нежели в русской средней школе в Париже; наиболее способные дети часто освобождаются в лицеях от платы за учение; для детей русских беженцев учрежден ряд стипендий, иногда с полным содержанием в общежитиях *).

В официальных программах французских прави-

---

*) «Зарубежн. русск. школа», Париж, 1924; «Русская Школа за рубежом» 1926 г., № 19-20, статья Н. А. Парманина, «Начальное образование во Франции».

тельственных лицеев указаны пять новых языков: немецкий, английский, испанский, итальянский и русский, и теоретически каждая школа обязывается, таким образом, иметь и соответствующий штат преподавателей иностранных языков. До сих пор, однако, штатных преподавателей русского языка, за редкими исключениями, в лицеях не было, но с наплывом русских беженцев, средние школы стали организовывать преподавание русского языка, приглашая русских учащих.

Указанными программами определяются довольно благоприятные условия для изучения русского языка: в первом цикле, обнимающем 6, 5, 4 и 3 классы, на занятия каждым из новых языков отводится от 3 до 5 часов в неделю, во 2, 1 классах и в классе философском — по два часа.

Но даже правильная постановка преподавания русского языка, достигаемая далеко не во всех средних школах, обслуживающих русских детей, только отчасти может смягчить чрезвычайно сильную опасность денационализации русской молодежи. Вот почему все русские организации, имеющие то или иное отношение к культурно-просветительной работе среди русского беженства во Франции, большое внимание уделяют организации *дополнительных курсов по национальным русским предметам,* стремясь охватить и учащихся в начальных французских школах, в которых русские дети испытывают наиболее сильное влияние французской культуры.

Организация этих дополнительных курсов настолько интересна, что мы считаем необходимым несколько дольше остановиться на их описании, пользуясь материалами, помещенными в № 8 «Бюллетеня Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы заграницей».

Дополнительные курсы или русские отделения при лицеях и других французских школах возникли в 1920 году. К этому времени выяснилось, что в одних только

парижских лицеях было свыше 200 русских детей. По инициативе русской академической группы министерство иностранных дел отпустило средства на устройство занятий русскими предметами в четырех лицеях Парижа, а Главный комитет о беженцах — на организацию таких же отделений с расширенной программой в Ницце при двух казенных лицеях и одной частной средней школе. Через год было добавлено казенное отделение при лицее в Версале, позднее при правительственных коллежах в Fontainebleau, Melun et Besans и в католической средней школе в Neuilly. В состав преподавателей были привлечены окончившие высшие учебные заведения в России и получившие там известный педагогический стаж. Учебными предметами на дополнительных курсах являются: русский язык (чтение и разговорный язык, грамматика, теория словесности), русская литература, география России (родиноведение) и история России. Распределение часов, которые удается получить в каждом из отделений, делается в такой пропорции, что половина времени идет на русский язык, а другая половина — на остальные предметы. Прохождение какой-либо программы, соответствующей определенным классам, оказалось невозможным, и учащихся приходилось распределять на три основные группы: младшую, среднюю и старшую, по их общему развитию и наличию знаний. В тех случаях, когда были дети, не говорящие по-русски или говорящие очень плохо и не могущие поэтому следить за уроком, приходилось формировать четвертую подготовительную группу, в которой центр тяжести падал на практическое усвоение языка. Были и обратные случаи: учащиеся старших классов, попадая в старшую группу, не находили в ней для себя подходящего материала, так как средний состав группы не соответствовал их познаниям; приходилось поэтому заниматься с ними индивидуально, иногда на дому, без добавочного вознаграждения преподавателя за

этот дополнительный труд. Отсутствие в первое время учебников, необходимость вырабатывать новые методы преподавания и выяснять каждый год объем учебного материала, который могут усвоить учащиеся, очень затрудняли работу.

В виде общего правила, занятия русскими предметами в лицеях Парижа, Версаля и других были назначены в четверг, день, теоретически свободный от французских уроков. В действительности в французских учебных заведениях бывают и по четвергам занятия второстепенными и дополнительными предметами. Утомленные очень напряженной работой в остальные дни, учащиеся и по четвергам не всегда посещали русские уроки аккуратно: это были предметы необязательные, и их можно было, значит, пропускать безнаказанно. Так рассуждали, к сожалению, некоторые родители, а между тем такие пропуски вызывали новое затруднение для педагогов — сменный состав в каждой данной группе в зависимости от прихода или отсутствия тех или иных учащихся на уроках. С указанным явлением пришлось бороться прежде всего улучшением постановки преподавания, стремлением добиваться, чтобы каждый урок вызывал живой интерес среди учащихся, а частично — включением отметок по русским предметам в общую ученическую книжечку (carnet), наравне с французскими предметами; помогло делу и то, что французская учебная администрация стала принимать во внимание такие отметки при выдаче годичных наград (prix), имеющих, как известно, весьма большое значение в французской школьной практике. Недостаток свободного времени у учащихся и часто умственное переутомление их при прохождении нормального французского курса в большинстве случаев делали невозможным задавание детям уроков и исполнение письменных работ. Приходи-

лось все сведения сообщать на уроках, иногда даже без соответствующих учебников.

Из сказанного видно, какие необычайные трудности представлялись преподавателям «русских предметов», но они с честью вышли из положения. Благодаря любви к делу и находчивости, знанию и упорному труду, все эти трудности преодолевались, и в общем учащиеся, пользовавшиеся этими уроками около 4-х, 5-ти лет, получили довольно систематические знания, закрепили то, что могли забыть и, главное, находились все время в кругу русских культурных интересов.

Русскими уроками пользовались и с практическими целями те учащиеся, которые, держа экзамены на бакалавра (аттестат зрелости), избирали своим вторым иностранным языком русский (это допускается французскими экзаменационными правилами).

Обучение в русских отделениях бесплатно, при чем заниматься в них могут не только учащиеся данного лицея, но и других лицеев, а также допускаются учащиеся различных средних учебных заведений (частных).

В учебном отношении русские отделения в Париже и Версале находились в ведении Русской академической группы, при которой организован особый отдел средней школы, а в Ницце — учебного комитета; в административном отношении те отделения, которые получали отпуски средств из французского кредита, состояли в заведывании особого франко-русск. комитета при славянском институте. Из состава этого комитета была выделена подкомиссия из трех членов (окружной инспектор М. Рустан, професс. Патуйэ и Е. П. Ковалевский), которая специально занималась вопросами, связанными с организацией русских отделений и распределением кредитов.

В помещаемой ниже таблице мы собрали данные о

тех французских средних учебных заведениях, в которых дополнительные курсы по русским предметам функционируют более или менее регулярно в течение ряда лет; сведения о числе учащихся и учащих относятся к началу 1925 года и к концу августа 1926 года.

№ по поряд.	Название учеб. завед., при котор. организованы русские отделения	Число:	
		учащихся	учащих
1	Мужской лицей Бюффона в Париже	32	3
2	« « Жансона «	50	5
3	Женский « Фенелона «	25	4
4	« « Мольера «	26	4
5	Мужской « Гоша в Версале	15	2
6	« Мишеле в Ванве	27	2
7	« коллеж в Мелене	30	2
8	« « « Мо	30	2
9	Женский « « Pontoise	20	2
10	« « « Нейи на Сене	32	1
11	« лицей « Ницце	27	3
12	Мужской « « «	29	2
13	Катол. ср. шк. Massena «	18	2*)
14	Курсы Moulins в «	15	2
15	Жен. институт « «	11	2
16	Детский дом « Марселе	30	4
17	Школа Лафайэта « з. Шаваньяк	38	2

Начальная церковно-приходская школа в Париже, открытая в 1921 году в помещении русской гимназии,

---

*) Подробных сведений о русских детях, обучающихся в католических средних учебных заведениях, не публикуется; имеются только именные сведения об учениках и ученицах, принимаемых по рекомендации в отдельные учебные заведения. Таких учащихся в 1924 году имелось около 120 (70 девочек и 50 мальчиков). Дети обучаются в разных местах; девочки в средней школе в Амбуазе в районе Тура (12), в школе Сионской Божией Матери в Париже, Св. Креста, в пансионе св. Девы в Безоне (около Парижа); 10 девочек обучается в Шербурге, по несколько девочек в Вандоми, Анжантейле и т. д. В прекрасно поставленной школе в Понлевуа (деп. Лауры-и-Шер), расположившейся в старинном замке, окруженном садами (школа основана в 1034 году), обучается около десяти мальчиков. Кроме того, русские дети обучаются в католических учебных заведениях в Бресте, Шербурге и др. городах. Десять мальчиков содержались на средства «Бюро помощи русским студентам», возглавляемого аббатом Кене. (См. цитир. выше бюллетень № 8 «Пед. Бюро», стр. 27 и след.).

преследует те же цели, что и дополнительные курсы по русским предметам; задача ее — дать возможность детям, не обучающимся в лицеях в Париже пройти русскую подготовительную школу, а тем из них, которые находятся в французских средних учебных заведениях, — пройти курс Закона Божия. В настоящее время программа школы расширена — по некоторым предметам — до пределов низших классов средней школы. Учащих — 6, учащихся — 90; дети получают в школе горячие завтраки; содержится она, главным образом, на церковные сборы и частные пожертвования.

Ту же задачу — борьбы с денационализацией учащихся — преследуют и устраиваемые в Париже, Ницце и других городах *литературные утренники, рождественские елки и розговены*. Особенное развитие получили эти начинания в Ницце, где они приняли характер культурно-бытовых русских праздников, объединяющих всю беженскую колонию; так, например, в 1924 г. на елку здесь собралось около 700 человек.

Этому же большому делу способствуют и *ученические экскурсии*, устраиваемые в Ницце под руководством наших педагогов. Ему же призван служить и находящийся еще в периоде организации *детский клуб*.

Несомненно большое значение приобретают в описанных условиях и *летние детские колонии;* помимо укрепления физического здоровья детворы, они сильно способствуют развитию у учащихся национального сознания, помогают выработке правильной русской речи и сообщают «колонистам» основные сведения по родиноведению.

О существующих во Франции русских культурно-просветительных учреждениях дает представление следующая таблица:

№ по поряд.	Название учеждений	Число учащихся и содерж. в общежитиях	Число учащих и воспитателей
	I. Средние школы		
1	Гимназия и реал. учил. в Париже	250	22
2	Средн. шк. «Александрино» в Ницце	40	6
	II. Дет. сады и нач. школы		
1	Детский сад в Париже. . . .	36	2
2	,, ,, Марселе. . . .	25	2
3	,, ,, Каннах	10	2
4	Церк.-приход. нач. школа в Париже	90	6
5	Нач. катол. школа и приют в Ницце	20	3
6	Церк.-прих. школа в Монтаржи	10	1
7	« « Бельфоре	12	1
8	« « Крезо	15	2
9	« « Кнютанжи	11	1
	III. Приюты и общежития		
1	Общежитие для учеников в русск. гимн. в Париже	12	1
2	Общежитие для девочек арт. Анны Павловой в St. Cloud	15	3
3	Приют фр.-русск. к-та в Каннах	48	5
4	,, б. вл. кн. Елены Владимир. в Сен-Жермене	20	3
5	Приют в Брюнуа кн. Ирины Павл	30	5
6	,,Детский Дом'' в Марселе . .	50	2
7	Приют г-жи Митрофановой в Ливри	30	6

Не имея возможности, по недостатку места, подробно охарактеризовать деятельность всех указанных учреждений, мы ограничиваемся сообщением только основных данных *о русской парижской гимназии*, которая является единственной русской средней школой с законченной организацией не только в Париже, но и во всей Франции (морской кадетский корпус, находившийся в Бизерте (Тунис), расформирован в 1925 году; средняя школа в Ницце до сих пор находится в периоде организации и положение ее признается неустойчивым).

Русская средняя школа в Париже основана в 1920 г., в ней проходится полный курс восьмиклассной гимназии и семиклассного реального училища при восьмилетнем обучении. Программы — русских мужских гимназий и реальных училищ до 1917 года, с теми изменениями, которые диктовались условиями беженского существования и особыми требованиями французского министерства народного просвещения. Расширен курс преподавания французского языка, введено изучение французской литературы, географии и истории Франции; с 1923—24 учебного года преподавание этих предметов, равно как химии и математики в старших классах, ведется на французском языке. Разделение на классическое и реальное отделения проводится с шестого класса; для окончивших гимназию открыто дополнительное коммерческое отделение. Испытание на аттестат зрелости производится особой экзаменационной комиссией из членов русской академической группы с участием представителя французского министерства народного просвещения. Выдаваемые этой комиссией аттестаты дают окончившим курс в школе право поступления во все французские высшие учебные заведения. Гимназия помещается в наемном здании, не приспособленном для учебных целей (рекреационная зала — небольшой двор при доме, с деревянным бараком, в котором дети укрываются в ненастную погоду и где они завтракают (завтраки платные, по 2 фр. 25 сант., и потому, к сожалению, доступны не для всех). Специальными кабинетами и лабораториями школа не располагает; естественно-научных препаратов довольно много; ученическая библиотека небольшая. Бюджет гимназии — около 200.000 фр. в год. Около трети бюджета составляется из платы за учение; затем идут такие источники: пособие французского правительства — 2.500 фр. в месяц, пособие от парижского городского самоуправления — 500 фр. в месяц, от «Земгора» — около 3.000 фр. в месяц (в виде

платы за правоучение, за завтраки для неимущих, на покупку учебников); дефициты школы до сих пор покрывались частными пожертвованиями, а также сборами с концертов и вечеров. При случайном характере этих последних источников, составляющих между тем значительную часть школьного бюджета, финансовое положение гимназии бывает часто весьма тяжелым. В то же время неуклонно падает и роль в бюджете школы взимаемой ею платы за учение; если в 1920 году лишь 20% родителей не имели возможности вносить плату за учение их детей, то доля неимущих учащихся в 1921—22 учебном году достигает уже 60%, а в 1923—24 учебном году даже 70%. Совершенно очевидно, что не может быть самоокупающейся русская средняя школа во Франции, где большинство русской эмиграции добывает средства к жизни физическим трудом на фабриках и заводах, в различных мастерских и торговых заведениях*). Школа состоит в ведении «Общества просвещения беженцев из России».

Большинство других учреждений содержится на средства частной благотворительности; интересующиеся найдут более подробные сведения о них в цитированном уже издании Земско-Городского Комитета — «Зарубежная русская школа», Париж, 1924 г., и в № 8 «Бюллетеня Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы заграницей», Прага, 1925 г., стр. 21—38.

Здесь нельзя не отметить только, что за последние годы неуклонно растет расход на культурно-просветительную помощь русским беженцам во Франции парижского «Земгора»; с нескольких сот франков в месяц в 1921 г. расход этот в 1924 году дошел до 6.000 фр. в месяц.

Между прочим, «Земгор» обслуживает культурно-просветительные нужды и русских взрослых беженцев, оказывая поддержку нескольким библиотекам (в Марселе, Лионе, Деказвилле, Мондевилле, Монтаржи), открытым

*) «Зарубежная русская школа», стр. 129 и след.

русскими рабочими или студенческими организациями, снабжая прибывающих беженцев самоучителями французского языка и словарями, учреждая стипендии на курсах французского языка и пр. Особого внимания заслуживает *деятельность народного университета,* содержимого «Земгором», и с начала 1924 г. перешедшего, с сохранением внутренней автономии, полностью в ведение этой организации. Устраиваемые народным университетом курсы для взрослых отличаются по преимуществу практически-утилитарным характером, облегчая их слушателям возможность трудового устройства во Франции; так, при народном университете организованы курсы иностранных языков, электромонтажная школа; помимо этого при университете существуют: курсы по подготовке на аттестат зрелости (курсы имеют два отделения — классическое и реальное, 5-ть препод.; в 1925 г. состоялся 3-й выпуск — 12 чел.), небольшая библиотека; устраиваются эпизодические лекции на всевозможные научные, общественные или литературные темы.

Во всех русских школах обучается не более 700—750 человек: в русской гимназии в Париже 250 и не более 500 человек во всех остальных школах, приютах и им подобных учреждениях; в 16-ти французских лицеях и коллежах, в которых устроены дополнительные занятия по «русским» предметам, обучается около 400 человек; если сюда добавить учащихся во французских учебных заведениях без дополнительного русского отделения, но пользующихся стипендиями или пособиями, то окажется, что общее число русских детей, на которых распространяются заботы различных просветительных учреждений, достигает 1.200.

Если сравнить это число с общим числом русских беженцев во Франции, сразу станет ясным, что школы охватывают далеко не всех детей.

Перед русскими организациями встает вопрос о более широкой и планомерной постановке культурно-просветительного дела во Франции. Тот факт, что наличные учреждения не вполне использованы русским беженством, особенно русские отделения при французских средних учебных заведениях, которые могли бы легко вместить вчетверо или впятеро бо́льшее число детей, этого вывода не опровергает. Слабо наполняются русские отделения не вследствие злой воли родителей или отсутствия интереса к ним со стороны учащихся, а в силу общих условий беженской жизни и главным образом из за расселения учащихся по разным кварталам столицы, часто очень удаленным от учебных пунктов, из за проживания значительной части детей в сельских местностях, не связанных с центрами, в которых организованы занятия. Конечно, обусловливается это, по мнению некоторых, и организацией французской средней школы, терпящей русские отделения, как некоторый прирост к ней. По всей вероятности, надлежит теперь же пересмотреть вопрос в целом, более подробно и внимательно изучить создавшиеся условия, опираясь на опыт истекших лет; может быть, выработать новые основы русского школьного дела...

В общем как будто-бы наметились и необходимые меры — увеличение числа русских самостоятельных низших и средних школ, в частности разделение парижской гимназии на две — мужскую и женскую; устройство полной и вначале смешанной гимназии в Ницце; организация при этих трех гимназиях общежитий; увеличение числа национальных курсов при французских средних учебных заведениях и распределение их по местам нового массового расселения беженцев; организация передвижных школ или краткосрочных — двух-, трехмесячных курсов в тех местах, где русские колонии немногочисленны и т. д.

Расширение существующей сети школ и проведение наметившейся в таких чертах программы требует, конечно, увеличения — и очень серьезного увеличения — денежных средств. Между тем, финансовый кризис, переживаемый Францией, может вызвать прекращение отпуска и тех 700.000 франков, которые французское правительство выдавало на оплату русских лекторов, преподающих дополнительные национальные предметы, и русских профессоров, читающих при Сорбонне университетские курсы на русском языке, на поддержку русской средней школы в Париже, на 190 стипендий для русских студентов в высших французских школах.

Без этих кредитов положение многих русских культурных начинаний во Франции станет чрезвычайно тягостным, тем более, что и другие источники, питавшие культурно-просветительное беженское дело, почти иссякли...

Совсем особое положение среди беженских образовательных учреждений занимает русская православная духовная академия в Париже.

Открытая в 1925 году, она в настоящее время является единственным русским рассадником высшего православного богословского образования (в России, как известно, духовная школа совершенно уничтожена, в лимитрофных же государствах она, в виду различных обстоятельств, не могла развиться). Небольшая группа энергичных русских людей, во главе которой стоит митрополит Евлогий, правящий, с благословения покойного патриарха Тихона, русскою православною церковью заграницей, нашла на открытие академии необходимые средства, привлекла выдающихся профессоров и преподавателей и заинтересовала этим крайне важным делом известные иностранные круги, сочувствующие православной идее.

В данное время довольно трудно определить число русских учителей, проживающих во Франции.

Русский учительский союз основан здесь осенью 1925 года и пока успел объединить всего около 30-ти человек. Многотысячная беженская масса, осевшая во Франции, вероятно, заключает в своем составе не одну сотню лиц, имевших то или иное отношение к преподавательской работе в русской дореволюционной школе, но все они сейчас заняты у фабричных станков, в торгово-промышленных предприятиях, в сельско-хозяйственных экономиях, и тянут свою тяжелую лямку так же, как тянут ее все русские люди, лишенные отечества, обратившиеся в человеческую пыль. Чрезвычайно трудно вытянуть из безличной беженской массы педагога, но не легко втянуть его и в организацию, которая только что налаживается и потому еще не успела стать значимой, нужной для того, кто когда-то жил педагогическим трудом и кто сейчас, может быть, потерял всякую веру в то, что он когда-нибудь сможет оставить работу на заводе или в торговой конторе и вновь приняться за работу в школе...

Лица, близко стоящие к русскому культурно-просветительному делу во Франции и хорошо знакомые с составом здешних беженцев, полагают, что общее число русских учителей во Франции едва-ли превышает 80. В доказательство правильности своих исчислений они приводят, приблизительно, такие соображения.

Как известно, профессиональные педагоги эмигрировали из России почти всегда вместе со своими учебными заведениями, которые нашли себе приют по большей части в южных славянских землях и содержатся на средства местных правительств; во Франции обосновался всего лишь один морской кадетский корпус. Сюда не имело смысла приезжать отдельным учителям средней и особенно низшей школы, ибо каждый педагог должен хо-

рошо понимать, что во Франции ему трудно рассчитывать на получение профессионального заработка, так как здесь очень мало русских детей, нуждающихся в русских преподавателях.

Может быть, эти соображения вполне основательны, но мы знаем, что за последнее время отдельные учащие прибывали во Францию из Германии, вместе с общим отливом оттуда русских, начавшимся с конца 1923 года; прибывали отдельные учащие из Чехословакии и других стран. И, вообще, надо заметить, что какой-нибудь закономерности в передвижениях русского беженца трудно искать: подгоняемый нуждой, он перемещается по лицу земному иной раз по мотивам совершенно случайного характера...

Анкета, произведенная весною настоящего года русским учительским союзом, к сожалению, не разрешила спорного вопроса о численности русского учительства во Франции, но за то дала некоторые данные о его составе и материальном положении.

Ответов на анкету было получено всего 41 от 32 преподавателей и 9 преподавательниц.

Возрастной состав учащих определился в таком виде: от 25 до 30 лет имеют 5 чел., 30—40 — 8 чел., 40—50 — 18 чел., 50—60 — 4 чел., 60 и старше — 6 чел. (самому старшему — 72 года).

Из указанного числа учащих семейных 27 чел., одиноких — 14.

Образовательный ценз у большинства ответивших на анкету очень высок: 34 чел. получили высшее образование; из них 7 чел. окончили по нескольку высших учебных заведений.

Из общего числа 7 чел. раньше не занимались педагогической деятельностью (инженеры, юристы и т. д.).

Преподают в русских и французских учебных заведениях 32 чел.; не имеют заработка — 4 чел.; перебиваются случайными работами, занимаются физическим трудом — 5 чел.

В русском учительском союзе из числа ответивших состоят 25 чел.*).

В составе русских учащих при французских лицеях, преподающих так называемые дополнительные национальные предметы, имеется ряд профессоров высших учебных заведений, одновременно читающих университетские лекции в Сорбонне и других высших школах Парижа, а также военные педагоги.

Таких учителей, которые живут исключительно на свой профессиональный заработок и посвящают свои силы одному лишь педагогическому делу, во Франции очень немного — не более 10-ти, 15-ти человек.

Оклады русских учащих колеблются здесь между 200 и 1500 франками в месяц, при чем получающих последнюю сумму всего лишь несколько человек.

Прожиточный же минимум на одного человека в месяц в Париже принято определять в 500 франков. Чтобы прокормить семью, преподавателю неизбежно приходится состоять в двух, трех школах, набирать возможно больше частных уроков.

Оплата часового урока в частных, «домашних», занятиях колеблется между 5-ю и 25-ю франками; в среднем учителя получают во Франции за час 10—12 фр. За часовой урок в парижской русской гимназии платят 10 фр.,

---

*) Во Франции, в среде русских педагогов, намечается, кажется, течение, стоящее за обособление преподающих в высших учебных заведениях от работающих в средних и низших школах. Едва-ли это течение может быть поддержано теми, кому дорого объединение всех работников просвещения; во всяком случае, большего внимания заслуживают стремления к организации унитарных русских учительских союзов, охватывающих и профессоров и преподавателей высших учебных заведений, и преподающих в средних и низших школах.

в народном университете «Земгора» — 15 фр.; учителя-французы получают 24 фр.

В учительских семьях стремятся «зарабатывать» все члены семьи; даже дети школьного возраста дают уроки, занимаются рукоделием, прикладным искусством, физическим трудом.

Характеризуя материальное положение русских учителей во Франции, можно, не боясь погрешить против истины, сказать, что оно ничем не отличается от положения эмигрантов других категорий: заработок учителя мал, носит неопределенный и случайный характер, отмечается крайним непостоянством.

Анкета выяснила, что для многих педагогов преподавание «русских» предметов является одним из видов труда, которому они посвящают свои силы более или менее случайно. Обычно такие преподаватели состоят одновременно домашними учителями, занимаются литературной работой, журналистикой, живописью, служат в торговых предприятиях и т. п. По своей первоначальной профессии они действительно педагоги, занимавшиеся педагогическим делом в России; несомненно, они охотно бы занимались своим профессиональным делом и здесь, если бы к тому существовала хотя какая-нибудь возможность.

Анкета выяснила также, что во Франции нет почти русского профессионального учительства в точном значении этого слова, т. е. здесь почти отсутствуют лица, добывающие средства к жизни исключительно педагогическим трудом; в большинстве случаев, работа в средней и низшей школе дает только подсобный заработок; анкета определила, затем, что довольно значительная группа лиц занимается преподаванием в беженских школах, не имея соответствующей подготовки.

Н. Новожилов.

II

ЮГ ФРАНЦИИ

Русское учительство на Юге Франции не составляет однородной сплоченной массы, крайне малочисленно и пестро по своему составу: старые цензовые преподаватели (единицы), священнослужители, дающие уроки Закона Божия, а часто и русского языка, офицеры генерального штаба, б. воспитатели кадетских корпусов, наконец, лица, дающие частные уроки по нужде, не имея никакой педагогич. практики в прошлом.

Самая пестрота эта не располагает к объединению, а кроме того, нет здесь и крупного школьного дела, которое бы объединяло более или менее значительное число школьных работников.

Вот таблица русских школьных предприятий на юге Франции с их преподавателями и воспитателями:

	Преподав.	Детей
Русские отделения при франц. учебных заведениях г. Ниццы	5	90
Школа с пансионом А. П. Яхонтова в Ницце .	4	32
Занятия русскими предметами в Каннском приюте	—	48
Детский сад в Марселе при лагере	1	10
Всего . . .	10	180

Таким образом, в школьном деле занято преподавателями и воспитателями человек — 10; занято не по своей специальности столько же (так, один из выдающихся московских школьных работников работает как поденщик в огородах и садоводствах побережья); человек 5 совсем без работы. Разумеется, статистика эта самая приблизительная, так как ни профессионального союза работников школы, ни учета им на побережьи нет.

Как сказано, учительского союза на Ривьере нет; кроме крайней пестроты состава, причина этому — большая распыленность педагогов по всему побережью и нужда, не дающая ни времени ни сил на организационную работу.

Прожиточный минимум для одинокого можно считать в 600 фр., урок оплачивается от 5 до 10 фр., но дело в том, что уроки, несмотря на многочисленность русской колонии, очень редки, случайны и распределяются среди большого количества кандидатов.

А. Ельчанинов.

АНГЛИЯ*)

По сведениям Высшего Русского Генерального Консульства в Англии, ныне именуемого Управлением по делам русских беженцев, всех русских эмигрантов, проживающих в Англии не по советским паспортам, насчитывается приблизительно от 2000 до 2500 человек обоего пола, в числе коих имеется около 300 детей — школьного возраста и около 200 — дошкольного, сконцентрировавшихся преимущественно в Лондоне.

В Англии русских учебных заведений не существует, вследствие чего русские дети получают образование в английских школах. Первая ступень доступна всем, так как оно обязательно и совершается в, т. н., County Counsil Schools бесплатно.

Дети младшего учебного возраста, обучающиеся в этих школах, денационализируются с поразительной быстротой и значительная часть их почти совершенно забыла русский язык, а о России имеет представление не более того, какое дается в этих школах английским детям, т. е. весьма ограниченное, а вернее говоря, почти никакого.

Из числа мероприятий по борьбе с денационализацией детей младшего возраста надлежит указать на: 1) выездные уроки и 2) организацию летних краткосроч-

---

*) Статья составлена на основании информации Представителя Объединения в Англии *А. М. Бригера.*

ных детских колоний. Выездные уроки заключались в еженедельно совершавшихся по субботам и воскресеньям поездках русских учителей (к сожалению, не из состава местного профессионального учительского объединения) в не слишком отдаленные от Лондона города, где обучавшимся в английских школах русским детям давались уроки русского языка и других национальных предметов. Дороговизна таких командировок (оплата проезда и педагогического труда), а также не всегда благожелательное отношение начальства учебных заведений к этим занятиям, как отнимавшим у русских учеников время от обязательного в английских школах спорта, заставили Культурно-Просветительный Комитет при русской Академической Группе в Англии в 1921 г. отказаться от этой системы. Более продуктивной по результатам и материально осуществимой оказалась система летних детских колоний, организуемых в последние два года на средства, собираемые Красным Крестом. С 1922 года каждое лето группа русских детей младшего возраста числом до 30 выезжает с 3—5 наставниками-руководителями на 4—5 недель обычно на берег моря, где помимо задач поправления физического здоровья с детьми ведутся занятия по Закону Божию, русскому языку, русской истории и географии.

Переход русских детей по окончании ими курса первой образовательной ступени в средние учебные заведения совершается с большим трудом, так как плата за право учения в последних так высока, что доступна только немногим из русских беженцев. Вследствие этого к тревожному вопросу о денационализации присоединяется еще не менее тревожный вопрос о *деградации* детей русских беженцев в Англии в образовательном и культурном отношении. И если некоторая, впрочем весьма слабая, борьба и ведется русским беженством с первым из этих печальных явлений, то со вторым борьба для русского бежен-

ства, вообще говоря, представляется совершенно непосильною.

Группа русских учителей в Лондоне состоит почти исключительно из столь бедных людей, что она не может выделить из себя бесплатных работников для борьбы с этим злом, так как они должны снискивать себе хлеб насущный всякого рода подвертывающеюся работой, которую, кстати сказать, при существующих 1½ мил. безработных, достать чрезвычайно трудно.

Учительская группа в Лондоне, насчитывавшая в момент ее формирования около 20 человек, теперь состоит всего из 10 человек, так как большинство, не имея педагогического поля деятельности, постаралось или выбраться из Англии в другие государства, или нашло себе другой труд здесь же; двое из членов учительской группы призреваются в т. наз. русском доме, остальные перебиваются кое-как. Одна из учительниц, пожилая особа, не может даже искать себе частных уроков, так как обносилась до такой степени, что уже стесняется показываться в люди.

В 1923 году, вследствие предложения Правления Объединения Русских Учительских Организаций заграницей, секретарь Русской Академической Группы в Англии Н. А. Ганс обратился к проживавшим в Лондоне русским профессиональным учителям с призывом образовать учительское объединение. На этот призыв откликнулись все наличные в Лондоне русские учителя и учительницы. На учредительном собрании был выработан и утвержден Устав Объединения и явилась надежда, что отныне педагогическая работа не будет миновать членов вновь организованного объединения.

К сожалению, эта надежда оказалась тщетною, так как Академическая Группа и Культурно-Просветительная Комиссия при ней, по отношению к которым Учительское Объединение является как бы зависящим, в некотором от-

ношении, от них органом, оказались совершенно бессильными. в смысле направления появляющейся по временам педагогической работы к членам Учительского Ообъединения.

Следует различать две категории педагогического труда, возможного в обстановке беженства, а именно: 1) приватная педагогическая работа, являющаяся в результате частного соглашения между учеником и учителем и 2) педагогическая работа общественного характера, возникающая в результате организационных усилий существующих беженских благотворительных обществ.

Педагогическая работа первой категории сводится к преподаванию русского языка; спрос на труд этого рода чрезвычайно ограниченный и дается он скорее всего тем, кто имеет обширный круг знакомств в английской и русской, обеспеченной средствами, общественной среде. В огромном большинстве случаев такие знакомства могут поддерживать те лица, кто, помимо педагогического труда, в некоторой хотя бы степени, поддерживает свое существование еще каким-нибудь другим способом, имеет возможность прилично одеваться, чтобы посещать английские круги, или, наконец, состоит в дружеских, иногда старинных, отношениях с лицами, возглавляющими русские благотворительные или прежние представительные учреждения, в свою очередь обладающие некоторым кругом знакомств в английском обществе и к которым, как к осведомительным и справочным центрам, обращаются со спросами на разного рода трудящихся русских людей. К сожалению, спрос на педагогический труд совершенно ничтожен, а если иногда таковой и случается, то рекомендации чрезвычайно редко падают на долю профессиональных учителей и чаще всего достаются тем, кто в дореволюционное время не имел ни малейшего соприкосновения с практической педагогией.

Что касается второй категории педагогического труда, то спрос на него появляется так редко и в таком мизерном масштабе, что не играет никакой роли, как фактор обеспечения существования профессиональных учителей; да и этот труд, в силу тех же упомянутых выше причин, проходит мимо членов русского учительского объединения.

В поисках труда по специальности своих членов, Объединение неоднократно давало публикации в газетах, обращалось в разные английские учительские организации с предложением своего труда по преподаванию русского языка, но все эти и подобные им меры никакого результата не дали.

В силу этих условий большинство членов объединения влачит жалкое существование, преисполненное чаще всего заботами об удовлетворении самых элементарных жизненных потребностей.

Состав учителей «Объединения» настолько беден, что не может вносить членских взносов с самого начала существования Объединения и, следовательно, канцелярия последнего не имеет ни фартинга на канцелярские расходы, корреспонденцию, разъезды по справкам на многочисленные запросы центра, иногда статистического, иногда информационного характера.

Хотя и установлен размер членского месячного взноса в 1 шиллинг в «Объединение» русских учителей в Англии, но в силу тяжелых условий существования его членов поступление взносов чрезвычайно ничтожно. Так, напр., за 1925 год внесло всего 3 человека по одному разу по 1 шиллингу, т. е. всего 3 шиллинга.

Нечего и говорить, что «Объединение» при таких условиях не может поддерживать никаких сношений с английскими педагогическими учреждениями, клубами и Союзом Учителей элементарной и средней школы, следить за эволюцией педагогического дела в Англии, приобре-

тать учебники и книги, трактующие современные педагогические вопросы и т. д.

Несмотря на попытки со стороны некоторых членов «Объединения» установить связь с профессиональными организациями туземного учительства, таковых не образовалось.

В 1921 году, в год ужасов на почве голода в России, лондонская учительская группа обратилась к Учительским Союзам в Англии с призывом помочь голодающим коллегам в России. Из поступивших пожертвований группа послала в Россию 75 фунтов стерлингов деньгами и посылками голодающим учителям.

Зарегистрированных преподавателей в «Объединении» нет. Общее число квалифицированных русских учителей не превышает 14 человек. Если же принять на учет всех учительствующих, т. е. дающих уроки русского языка частным лицам, то придется к указанным 14-ти прибавить человек 5—7, но они не входят в контингент «Объединения». На педагогической службе в Англии членов «Объединения» не имеется, так как они не имеют соответственных прав на преподавание в английских учебных заведениях; таковые имеются только из числа профессоров, здесь проживающих, которые преподают русский язык в университете английским офицерам. Учителей-эмигрантов, имеющих посторонний заработок, не по специальности, насчитывается всего лишь 1—2.

Безработных или имеющих по временам кратковременную педагогическую работу учителей можно насчитать человек 4—5.

Если принять во внимание, что прожиточный минимум безработного рабочего, получающего государственную помощь, зависит от числа безработных членов его семьи и в среднем колеблется от 2,15 (двух фунтов и 15-ти шиллингов) до 4 фунтов стерлингов в неделю, и что, в действительности, один человек может, хотя и очень плохо, су-

ществовать на 2 или 2,10 фунтов в неделю, то ни в какое сравнение с положением такого английского безработного — русского учителя-эмигранта нельзя поставить.

Средний же размер жалованья английского учителя весьма различен, что зависит от продолжительности его службы, семейного положения (квартирный вопрос), но этот размер надо считать не ниже 25 фунтов в месяц. Для русских учителей «Объединения» нельзя установить среднего размера заработка, т. к. они случайны и ничтожны.

В. Грабовый.

ИТАЛИЯ*).

В поисках пристанища и заработка небольшое количество русских беженцев, спасаясь от революционной бури в двадцатых годах, осело на *временное* жительство в нескольких крупных городах Италии, ибо общая политическая конъюнктура и отсутствие экономических перспектив в 1919—21 году, когда Италия переживала глубокий социально-политический кризис, не давали надежд на возможность получения там русским беженцам постоянной службы или постоянного заработка. В дореволюционные годы Италия не имела по отдельным городам сколько-нибудь значительных групп русских эмигрантов старой дореволюционной формации. Не существовало также организаций и учреждений, объединяющих русских людей в Италии, если не считать русского посольства в Риме. Новая эмиграция, малочисленная и социально неоднородная, оказалась беспомощной создать какое-нибудь объединение профессионального, бытового, культурно-просветительного характера. Фашистский политический режим еще в большей степени явился препятствием для зарождения какой-нибудь общественной организации.

Русских школ в Италии не существовало до последнего времени. По инициативе настоятелей православных церквей, при некоторых из них организовались кратко-

---

*) *Источники:* информации архимандрита о. Симеона (Рим).

срочные курсы грамотности, но постоянных регламентированных программ и систематического прохождения определенного курса не было. Почти все русские дети обучаются в итальянских школах. По приблизительным данным конца 1925 года количество русских детей обучающихся в итальянских школах следующее:

В Риме:	
в итальянских школах	12
во французском лицее Шатобриана	8
В Неаполе	5
Во Флоренции	5
Детей дошкольного возраста, обучающихся дома	7

Для облегчения возможности поступления русских учащихся в высшие учебные заведения существовала до 1925 года при бывшем русском посольстве в Риме экзаменационная комиссия, выдавшая за 4 года своего существования 9 свидетельств зрелости.

В виду отсутствия русской школы не появилось объективных условий для какого-нибудь учительского объединения. Посему педагогических русских организаций в Италии не имеется.

Проживающая преимущественно в крупных городах: — Риме, Неаполе, Милане, Флоренции, Венеции—русская эмиграция включает в себя, как и везде во всех странах, где имеется русская эмиграция, некоторое количество педагогов, частью являющимися квалифицированными учителями с большим стажем, частью же ставшими таковыми лишь в эмиграции. На основании обследования, произведенного в конце 1925 года, в Италии проживало 32 русских учащих, из них 23 приходится на г. Рим, 5 — на Неапель, 3 — на Флоренцию и 1 — на Венецию.

Из этого количества 19 являются кадровыми учителями, преподававшими еще в России.

Об образовательном цензе 32-х учителей дают представление следующие данные:

Образование	Число
Высшее	20
Среднее	10
Домашнее	2

По полу учащие распределяются:

Мужчин	12
Женщин	20

За невозможностью применения педагогической деятельности в несуществующих русских школах рус. учителя, по крайней мере, указанные выше 32 человека, все, за единичными исключениями, заняты даванием уроков русского и иностранных языков, как частным лицам, так и в итальянских школах и во французских лицеях. Большинство из них дает частные уроки, как в русских, так и в итальянских семьях. Часть из них не имеет вовсе педагогической работы и иного вида труда. Таких безработных педагогов к концу 1925 года было 6 человек.

Имеющие педагогическую работу, зарабатывают в месяц в среднем до 250 лир.

Прожиточный минимум в крупных городах Италии составляют 500—600 лир в мес. Сопоставляя эту цифру с средним заработком русских учителей, в большинстве семейных, приходится подчеркнуть, что материальное положение их стоит на грани резко выраженной материальной необеспеченности.

В. Грабовый.

ГРЕЦИЯ*).

Эмиграционные волны после падения Крыма в своем беге докатились до южного побережья Балканского полуострова. Немалое количество, как участников белого движения и их семейств, так и вообще разнообразного по социальному составу рядового беженства осело на первых порах во многих приморских городах Балканских государств. Салоники и Афины оказались одними из первых приемников значительной группы беженцев.

С первых же дней для семейных беженцев встал тревожный и трудно разрешимый в новых необычных условиях жизни вопрос — что делать с детьми? Какими средствами и путями преодолеть почти непреодолимые препятствия, чтобы воспитать их в русском национальном духе и дать им необходимые понятия и знания об общекультурных ценностях? Как создать школу, где искать средств для нее? Но вера двигает и горы. Тревога родителей встретила сочувствие и помощь со стороны наиболее интеллигентной части беженства, принявшего проблему воспитания и образования русских детей на чужбине, как первоочередной ее долг перед родиной и русской культурой.

По инициативе группы родителей и нескольких пе-

---

*) *Источники:* информация Союза Русских Преподавателей в Греции.

дагогов-профессионалов в Салониках уже в первых числах февраля месяца 1921 года состоялось совещание, посвященное вопросу об открытии русской школы для детей беженцев. Совещанию прежде всего пришлось решить вопрос о реальных возможностях для осуществления замысла открытия такой школы, т. к. ни денежных средств, ни школьного инвентаря, ни учебников, наконец, ни самого помещения под школу не было. Условия же размещения большой части беженцев по баракам, оставшегося после мировой войны французского госпитального городка в Салониках, давали лишь слабую надежду на возможность приспособления таких полужилых помещений под школу. Но тем не менее, осознание всеми участниками совещания угрозы одичания русских детей и глубокая уверенность, что общими усилиями и поддержкой со стороны удастся преодолеть многие трудности, были настолько сильны, что решено было открыть школу с программой первых четырех классов русских гимназий дореволюционного времени, а также детский сад при ней. Произведенный в ближайшие после совещания дни кружечный сбор в городе дал около 5-ти с половиной тысяч драхм, что позволило приобрести некоторые самые необходимые учебные пособия и предметы школьного инвентаря. Наконец, 8/21 марта 1921 года состоялось открытие школы в составе I-го, II-го и IV-го классов и детского сада, сообразно возрасту и подготовке учащихся. Классы помещались в деревянном бараке, бывшей ранее операционной французского военного госпиталя. Зияющие оконные просветы были заклеены бумагой, вместо ученических парт появились грубо сколоченные столы и скамьи, не было печей, и дети, так же, как и учителя занимались закутанные в неприглядные беженские теплые одеяния. Было неуютно и холодно. Но зажженный любовной рукой педагога огонек просвещения даже в этих суровых для школьной работы условиях не угасал, школа стала

жить и продолжает существовать до настоящих дней. Средства для ее существования слагались главным образом из взносов платы за правоучение и из пожертвований благотворительных учреждений и частных лиц. С 1923 года школа стала получать ежемесячные ассигнования в размере 1.500 французских франков от Земско-Городского Комитета в Париже. Наличие в Салониках детей беженцев старшего возраста, прервавших свое образование вследствие событий в России, побудило Педагогический Совет школы открыть в первый же год ее существования отдельные вечерние курсы для подготовки к экзаменам на аттестат зрелости. На эти курсы в конце 1921 г. поступило 11 учащихся. Но необходимость зарабатывать для себя и для своих родителей пропитание, а отчасти вследствие пережитых моральных потрясений, нарушивших у некоторых из этих юношей нравственные и волевые устои, заставили 6 человек из группы прекратить занятия. Остальные 5 человек осенью 1923 года блестяще сдали экзамен на аттестат зрелости.

Школа в учебной деятельности руководствовалась в первые годы существования программами российских мужских гимназий дореволюционного времени. В соответствии с требованиями жизни программа гимназии представляет в данный момент комбинированную программу российских классических и реальных гимназий с некоторыми изменениями и дополнениями в сторону расширения физико-математических предметов.

В первый год существования гимназии состояло в ней 78 учащихся при 11 преподавателях. Но нездоровый, малярийный климат Салоник, унесший не малое число беженцев в могилу, поиски заработка и др. причины заставили беженцев стремиться уехать из Салоник в другие страны вследствие чего, как число жителей в лагере, так и число учеников в гимназии стало заметно уменьшаться.

К маю м. 1926 г. в гимназии было 8 преподавателей.

Из них с высшим образованием — 3, со средним специальным образованием — 3 и без специального образования — 2. По полу: 6 мужчин и 2 женщины.

Вскоре после открытия Салоникской гимназии возникло при ней педагогическое общество, поставившее задачи педагогически-профессионального характера. К этой группе присоединились впоследствии и другие педагоги. Принятием устава общество открыло первую страницу в истории профессионального движения русского учительства в Греции. Общество имеет официальное наименование — «Союз русских педагогов в Греции» и насчитывает в данное время в своем составе 18 человек действительных членов, из которых 16 проживают в Салониках и в ближайших к Салоникам местах Македонии. Кроме этой организованной группы, имеется в Афинах и в южной Греции еще неорганизованная и распыленная группа русских эмигрантов, причастных к педагогической и школьной деятельности, числом, приблизительно, в 8—10 человек, не вошедших еще в Союз русских педагогов в Греции по причинам технического характера.

Работа по объединению этой группы с Салоникской группой близка к завершению и можно быть почти уверенным, что к началу 1926—27 учебн. года она завершится вхождением афинской группы в «Союз русских педагогов в Греции». В Афинах существует русская школа, по своей программе приближающаяся к русским классическим гимназиям, с преподавательским персоналом в 6—8 человек, при учащихся, смешанное число которых — мальчиков и девочек — колеблется от 20 до 35 человек.

Так же, как и Салоникская гимназия, гимназия в Афинах средства черпает из ежемесячной субсидии в 1.500 французских франков от Земско-Городского Комитета в Париже, от вносимой родителями платы за правоучение и пожертвований частных лиц и учреждений.

Прожиточный минимум в данное время, как для Афин, так и для Салоник почти один и тот же и колеблется он, в качестве заработной платы рабочего, в зависимости от политической и экономической ситуации Греции, от 75 до 90 драхм в день. Труд же квалифицированного рабочего оплачивается значительно выше — от 100 до 200 драхм в день.

Педагогический труд в Салоникской русской гимназии оплачивается в зависимости от количества недельных часо-уроков из расчета 40 др. за недельный урок в месяц. Средний заработок преподавателя-беженца составляет, приблизительно, 600 драхм в месяц или 20 др. в день, т. е. приблизительно равен ¼ прожиточного минимума и заработка рабочего. При существующем валютном коэфициенте греческой драхмы к американскому доллару, 1 доллар равен 75,5—76 драхмам, к французскому франку — 1 фр. фр. равен 2,57 др. и к английскому фунту — 1 англ. фун. равен 373,5 др. — ничтожность получаемого преподавателем гимназии вознаграждения за свой труд приобретает полную очевидность.

Не имея возможности существовать на такой заработок, получаемый от гимназии, педагог вынужден брать или лучше оплачиваемую работу, или совмещать работу в гимназии с заработками на стороне, выступая то в роли пианистов в кинематографах и танцклассах, то чертежников и топографов, то живописцев-маляров и даже в роли ночного дежурного у постели больного. Педагогическая деятельность, конечно, не может ограничиваться одним выполнением расписания уроков, а требует и домашней работы от преподавателей (подготовка к урокам, исправление тетрадей и т. п.). Поэтому преподаватели, занятые помимо учебной еще и административно-хозяйственной работой при гимназии, поставлены в особо тяжелые условия. Принужденные отдавать все свое время, включая даже и ночные часы, работе для гимназии, они в

буквальном смысле этого слова терпят нужду без видимой надежды на улучшение своего положения в будущем. Надлежит подчеркнуть случаи отказа некоторых преподавателей от выгодных условий дополнительной работы на стороне из побуждений высокого, этического порядка, т. к. ощущение ими нравственной обязанности и сознание своего долга общерусскому делу—сохранения подрастающего поколения, настолько доминирует над их личными материальными интересами, что работу в гимназии они считают главной, незаменимой, а ту другую, оплачиваемую значительно выше, побочной и второстепенной. Такие выгодные предложения принимались, но лишь постольку, поскольку их можно было совместить с исполнением главнейшей, хотя и ничтожно оплачиваемой педагогической работой в гимназии.

Едва ли в другой стране Европы приходится русскому преподавателю работать в таких трудных условиях, как в Греции.

В. Грабовый.

БЕССАРАБИЯ

Бессарабия стала нераздельной частью России с 1812 года (бухарестский трактат). До того, начиная с прутского похода Петра Великого, русские войска занимали Бессарабию при всех войнах с Турцией, так как через нее шла сухопутная дорога из России в Оттоманскую империю.

Тревожная история Бессарабии мало способствовала заселению края; когда он отошел к России, в нем насчитывалось всего около 250.000 жителей. С присоединением к России, Бессарабия начала быстро богатеть (табаководство, виноделие, соляные промыслы), что прежде всего сказалось на росте ее населения: уже к 1860 году население Бессарабии возросло почти в четыре раза и составляло 988.431 чел., несмотря на то, что территория ее значительно уменьшилась против 1812 года: по парижскому договору от Бессарабии отошло к Турции измаильское градоначальство и бо́льшая часть кагульского уезда. Ко времени вторичного и окончательного воссоединения Бессарабии с Россией (в 1878 году) в ней насчитывалось 1.300.000 жителей. К 1877 году население увеличилось более, чем на 600 тысяч и достигло 1.935.412 чел.; к 1905 году определился прирост свыше 300 тыс.; к началу 1911 года было уже 2.441.200 жителей, из них в городах

357.800 чел., в уездах 2.083.400; к началу мировой войны в Бессарабии, вероятно, было не менее 2.600.000 жителей*).

Такое увеличение населения исследователи приписывают естественному приросту его, так как искусственный прирост и убыль населения в Бессарабии не достигали крупных размеров (напр., с 1885 г. по 1907 г. из Бессарабии выселилось всего 14.000 душ обоего пола).

Племенной состав населения Бессарабии весьма разнообразен. По данным переписи 1897 г., из 1.935.412 общего числа жителей губернии было: молдаван — 921 тыс. (48%), русских — 538 тыс. (28%), евреев — 228 тыс. (12%), болгар — 103 тыс. (5%), немцев — 60 тыс. (3%), турок — 56 тыс. (около 3%). и т. д.; бессарабская губерния являлась центром русских цыган, которых здесь было более, чем в какой-либо другой губернии России: по переписи 1897 г. из 44.582 цыган, живших в России, 8.636 человек насчитано в Бессарабии. Главная масса населения (молдаване, русские и болгары) принадлежат к православию и единоверию (84% всего населения), затем идут исповедающие иудейство (12%), протестанты (немцы и швейцарцы), католики, прочие христиане и незначительное число магометан (0,03%).

Рост просвещения в Бессарабии характеризуется такими данными:

В 1861 году учебных заведений было 44; из них — 1 гимназия, 6 частных пансионов, 5 воскресных школ, 2 женских и 8 мужских уездных училищ; учащих было 456, учащихся 5.028, в том числе 4.484 мужского пола, 544 женского пола**).

В 1891 г. имелось уже 662 учил. с 41.715 учащимися,

*) Площадь Бессарабии — 40,096,6 кв. вер. (45.629,9 кв. km.), а без внутренних водных пространств — 39.014 кв. верст. (См. энц. слов. Брокгауз-Ефр., нов. издание).

**) См. «Географическо-статистический словарь Российской империи», составленный по поручению Импер. Русск. Географич. О-ва П. Семеновым. Спб. 1861., т. I. стр. 253.

в том числе в Кишиневе 2 классич. гимназии, реальное училище, фельдшерская школа, духовная семинария и училище, в м. Болграде — гимназия, в городах Аккермане и Измаиле 4-хклассные мужская и женская прогимназии, в мест. Камрате реальное училище, в мест. Байрамче учительская семинария; сельских школ ведомства мин. нар. просв. 470, церк.-прих. православных — 76; на все сельские начальные школы расходовалось до 300.000 руб., на средн.-учебн. заведения до 200.000 руб.*).

К 1897 году число начальных школ больше, чем удвоилось: школ ведомства министерства нар. образов. насчитывалось 577, школ, находящихся в ведении св. синода — 446, а всего 1023 школы, с 61.797 учащимися (из них 49.248 мальчиков, 12.513 девочек); на 1000 населения приходилось 154 грамотных (мужчин — 220, женщин — 88); не считая детей до 9 лет, грамотных — 20%.

Революция 1905 года, вызвавшая сильный рост просвещения в России, оказала благотворное влияние и на развитие сети просветительных учреждений в Бессарабии: в 1908 году в ней числится 1.720 учебных заведений, с 119.315 учащимися, на содержание которых расходуется уже 2.752.000 р. В ведении духовн. ведомства состояли: одна духовная семинария, одно женское епархиальное и три духовных мужских училища, всего 5 заведений, с 1.750 учащимися; гражданского ведомства: 7 мужских и 13 женских гимназий, 4 реальных училища, 1 мужская и 4 женских прогимназий, всего 19 учебн. заведений, с 7.512 учащимися; специальных и профессиональных учебных заведений 14, с 1.337 учен.; народных школ 1.672, с 108.716 учащимися (79.655 мальчиков и 29.061 девочка), в тем числе 1.066 школ подведомственных дирекции народных училищ и 606 церковно-приход-

*) Энциклоп. словарь Брокгауз-Ефрон., т. IIIа, стр. 608.

ских; детей школьного возраста насчитывалось до 350 тыс., так что школою пользовалось около 40% населения *).

Для характеристики культурного состояния края этого периода должно указать, что в Бессарабии работали 4 научных общества (арх. ком., церковно-археологическое, естеств. и медицинское), с 359 членами, существовал богато обставленный земский музей; число библиотек достигало 84 (113 тыс. томов), 25 читален; выходило восемь периодических изданий.

К сожалению, у нас под руками не имеется данных о положении народного образования в Бессарабии в пору наибольшего развития школьного строительства в России — между 1910—1915 годами; мы можем только сказать, что на 1 января 1915 года в Бессарабии из числа детей школьного возраста (от 8 до 11 лет) в школах обучалось уже 44,6%, т. е., другими словами, эта русская окраина была обеспечена школой лучше, нежели некоторые коренные русские губернии; в губернии уже был открыт учительский институт, число частных средне-учебных заведений достигло 57...

В январе 1918 года Румыния захватила Бессарабию. Захват был прикрыт пышным заявлением румынского правительства о том, что оккупация носит временный характер и вызывается необходимостью поддерживать порядок в области, являющейся ближайшим тылом румынской армии.

В конце марта 1918 года Сфатул Церия, орган «революционной демократии», пестрого и случайного состава, незначительным большинством голосов, высказался за присоединение Бессарабии к Румынии.

Едва ли кто-нибудь теперь станет утверждать, что в этом постановлении Сфатул Церии выразилась его сво-

*) «Новый энциклопедич. словарь» Брокгауз-Ефрона, т. 6.

бодная воля: румынские штыки предварительно очень хорошо поработали в стране, а многие видные члены Сфатул Церия — молдаване и русские, являвшиеся противниками присоединения, были казнены...

Страна ненавидит румынскую оккупацию, и только исключительно террором удерживает Румыния свою власть над Бессарабией, отторгнутой от России против воли местного населения, тесно связанного с Россией единством высокой культуры и общностью хозяйственных интересов.

Несмотря на то, что в разноплеменной Бессарабии русские составляют меньшинство*), — обаяние русской культуры и чувство политической связи с Россиею являются господствующими среди всего населения Бессарабии.

Во время выборов во всероссийское учредительное собрание, зимою 1917 года, когда население Бессарабии могло совершенно свободно высказывать свои чувства и желания, Бессарабия показала, что она думает об ориентации на Румынию, отдав кандидату румынофильской партии из 623.000 голосов всего лишь 14.000 или 2,2% **).

В 1917—18 уч. году среди родителей учащихся тринадцати средних школ Кишинева производилась анкета о желательном языке проподавания; несмотря на пестроту национального состава учащихся в этих школах (из 4.553 учащихся молдаван было 679 (14,9%), русских (великорос.) — 1093 (24%), русских (украинцев) — 377 (8,3%), евреев — 1.958 (43%), болгар — 57 (1,3%), прочих —

*) Характерно, что и данные 1923 г. (статистика Эбергардта) целиком подтверждают приведенные выше сведения о племенном составе населения Бессарабии; судя по этим данным, в 1923 г. в Бессарабии из 2.670.000 жителей, молдаван насчитывалось — 1.270.400 или 47,5%, русских (великороссы и украинцы) — 742.200 (27,8%), евреев — 314.800 (11,7%), прочих национальностей — 342.600 (13,0%). Румынские источники, разумеется, дают другие показания; так, напр., карта Ноура, составленная для мирной конференции, число молдаван определяет в 66% русских (обоих ветвей) 12,3%. (Русская школа за рубежом», № 8, стр. 93.).

**) «Зарубежная русская школа». Париж, 1924 г., стр. 255.

389 (8,6%), 3240 чел. или 84,1% всех ответивших на анкету высказались за *русский язык**).

Русская школа в Бессарабии, как главный оплот русской культуры, навлекла на себя наиболее жестокие удары оккупационной власти, которая самыми варварскими методами проводит насильственную румынизацию несчастной страны.

В 1918 к русским учителям румынскими властями было предъявлено требование принести присягу на верность королю. Присягу принесли наименее устойчивые элементы и то в крайне незначительном числе, наиболее же стойкая морально и наиболее национально-крепкая часть учительства присягнуть отказалась и была немедленно выброшена из школ. Вакантные места были замещены буквально людьми с улицы: унтер-офицерами и фельдфебелями из молдавских полков, всяким сбродом из Румынии, как известно, весьма бедной интеллектуальными силами**).

В правительственной русской начальной и средней школе вводится преподавание на румынском языке; русский же язык сначала получает права *иностранного* языка, а затем и вовсе изгоняется. Все русские школьные библиотеки запечатываются; последняя мера лишила школу русских учебников: их нет в Бессарабии, и ввоз их запрещен***).

Такими средствами оккупационные власти в течение 1920 года окончательно уничтожают русскую среднюю правительственную школу, а в 1922 году заканчивают

---

*) «Русская школа за рубежом», № 8, стр. 93.

**) В одном уезде школьным ревизором (инспектором народн. училищ) был назначен дорожный техник; в Кишиневе лектором на летних курсах для учителей состоял малограмотный лакей из Ясс. Для получения учительского места достаточно было принести присягу и уметь говорить по-румынски.

***) Равным образом запрещен ввоз в Бессарабию руских — зарубежных и советских — периодических изданий.

румынизацию начальной — земской и городской — школы.

С 1921 года румынские власти принимаются за частную среднюю школу. Началось с посылки на экзамены официальных делегатов; учащимся, выдержавшим испытания, были выданы аттестаты, скрепленные директориатом народного образования и признанные достаточными для зачисления в румынские университеты. Затем, без каких бы то ни было объяснений, указанные экзамены были объявлены незаконными, выданные аттестаты недействительными, а уже зачисленным в высш. учебн. заведения студентам предложено вторично экзаменоваться; отказавшихся исключили из учебн. завед. В мае 1922 года описанный порядок производства экзаменов в присутствии депутатов был подтвержден, но уже в декабре того же года вышло новое распоряжение, по которому всякие экзамены должны производиться исключительно на румынском языке.

Вскоре после этого власть делает частную среднюю русскую школу совершенно бесправной: окончившие ее не имеют возможности ни поступать в румынские высшие учебн. заведения, ни учиться в заграничных высших школах, ибо бессарабцам, достигшим 18 лет, заграничные паспорта не выдаются.

Приблизительно в это же время румынские представители заграницей получают предписание добиваться, чтобы питомцев бессарабских частных школ не принимали в заграничные университеты.

Программы средней школы коверкаются, перегружаются «румынскими» предметами; по примеру Польши и по тем же мотивам предъявляется требование, чтобы в русскую школу принимались только русские*)...

*) За последнее время «Великая Румыния» совсем зарвалась: надо всем тяготеет националистический гнет. Все фиговые листочки сорваны: по недавно внесенному законопроекту во всех школах королевства, без всякого исключения, преподавание должно впредь вестись по-румынски, даже если учащиеся

Автор интереснейшей статьи о русской школе в Бессарабии*) сообщает, что румынские власти, всеми способами искореняя русскую культуру, делают это, между прочим, и под лозунгом своеобразной «борьбы с большевизмом». Достаточно неосторожно высказать свою привязанность к России, чтобы быть обвиненным в большевизме, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, Аккерманское коммерческое училище было закрыто в 1924 году за «большевицкое настроение». В другом случае, по подобному же обвинению, гимназия в Байраме была закрыта, многие преподаватели и ученики подвергнуты тюремному заключению и истязаниям, один ученик расстрелян. Позже суд оправдал всех, признав обвинение вздорным...

Беженской русской школы в Бессарабии, разумеется, нет. Дети тех 20.000 русских беженцев, которые оказались волею судеб в румынизованной Бессарабии, несомненно осуждены на неизбежную денационализацию, разделяя в этом отношении судьбу детей и коренного русского населения края. Да и трудно было бы ожидать, чтобы румыны стали заботиться о культурных интересах русских беженцев, допустили бы на «румынской территории» существование национальной русской школы. Нет, румыны последовательны... Они добились того, что коренные русские люди, доведенные издевательствами до отчаяния, «спасаются» бегством «за Днестр». За Днестр уходили не

совершенно не знают этого языка. Положение школы и учителя убийственно плохо; едва ли в какой-либо иной стране материальное положение учителя более ужасно: месячная средняя заработная плата сельского учителя 1.600 лей (около 12 р.), городского — 3.000 лей (около 25 р.); пенсия выдается в размере 300 лей в месяц (2 р.), а в Бессарабии — 150 лей (1р.). А в городах одна комната с отоплением и освещением стоит около 900 лей в месяц, т. е. 30% заработка учителя. Несмотря на всю тяжесть положения, румынское учительство еще не создало организаций, способных бороться за его права. Последний учительский съезд, состоявшийся в октябре прошлого года в Кишиневе, обнаружил нерешительность и бессилие союза.

*) Г. Крымский, «Бессарабская школа после 1917 года». («Русская школа за рубежом», № 8.)

только одиночки, но и значительные группы (белецкая гимназия), и целые классы (сорокское ремесленное училище)...

Истребительный поход на русскую школу увенчался полным успехом: русская школа в Бессарабии больше не существует.

Русская школа в Бессарабии не существует, хотя в Бессарабии насчитывается окол 750 тыс. русского населения, в составе которого имеется не менее 85.000 детей школьного возраста, права которых на школу с родным языком преподавания «защищает» Лига Наций, «охраняют» все «великие державы», ведшие мировую войну, между прочим, и за права всех народов на самоопределение...

Русская школа в Бессарабии уничтожена, хотя до сих пор существует королевский декрет от 17 августа 1918 г., который провозглашает: «Каждая национальность, проживающая в Бессарабии, имеет право обучать своих детей на родном языке»...

Русская школа в Бессарабии убита, хотя регламент частных школ, изданный в декабре 1920 г., заявляет, что для учеников частных школ, родным языком которых не является румынский язык, преподавание может вестись на всяком ином языке...

Русская школа в Бессарабии истреблена, хотя имеются международные обязательства, принятые на себя Румынией пред державами согласия об охране прав национальных меньшинств (договор 9 дек. 1919), скрепленные таким «авторитетным» учреждением, как Лига Наций (30 августа 1921 года)..

Русской школы в Бессарабии нет, хотя жив парижский трактат (от 26 октября 1920 г.), по которому великие державы обязали Румынию «обеспечить Бессарабии вер-

ховную власть, отвечающую стремлениям ее населения и гарантирующую меньшинствам по расе, религии или языку покровительство, на которое они имеют право»...

Русская школа в Бессарабии умерла, но она воскреснет и воскреснет скоро, ибо —

> На святой Руси петухи поют —
> Скоро будет день на святой Руси!..

Н. Новожилов.

МАНЬЧЖУРИЯ

(Пять лет борьбы русского учительства за школу в Сев. Маньчжурии)

Полоса Отчуждения Китайской Восточной жел. дороги, ныне китайцами переименованная в ОРТВП — Особый Район Трех Восточных Провинций С. Маньчжурии, представляет собою в Китае русский Sprach-Insel, как выражаются немцы. — Протяжение линии с Запада на Восток — 1388 верст и на Юг — 225. Русское население Полосы или Района — не меньше 200,000. Этот русский языковой остров с 1919 г. живет совершенно оторванной от России, собственной жизнью, и волны всероссийской бури его не захлестнули, а только снесли тот мост, который соединял его раньше с русским материком: 5 лет советской власти не было доступа на К. В. ж. д., и, созданная для соединения прямым путем Сибири с Приморьем, Дорога, вместо того, целых 5 лет их разъединяла, и только в октябре 1924 г., в результате унизительных переговоров и дорого-стоющих уступок, совласть была допущена Мукденским генерал-губернатором к соуправлению Дорогой. Однако, и с появлением большевиков на К. В. ж. д., их влияние ограничивается лишь участием в администрировании этого предприятия, — что, конечно, далеко еще не означает, что они так вот и удовлетворились этой скромной и менее всего им интересной ролью. Распростра-

нить же свое влияние (как им этого хотелось бы) и на все русское население Особого Района, на Дороге не служащее, не дает Китай, законам которого подчинены теперь все русские резиденты.

По отчетным данным Учебного Отдела КВжд, в 1924 г., до прихода большевиков, на Дороге числилось 65 жел.-дорожных училищ I и II ступени и 6 профессиональных, с общим числом учащихся свыше 9000, при 400 преподавателях. Смета Учебн. Отдела в отчетном году достигла внушительной цифры 800,000 даянов, что на кроны чешские составит больше 13 миллионов. — Кроме этой низшей школы, в самом Харбине имеются два жел.-дорожн. громадных средних учебных заведения: Коммерческое училище и Гимназия имени ген.-лейт. Хорвата, где число учеников еще недавно превышало 3000, при 100 преподавателях.

На ряду с жел.-дорожной школой, в Харбине функционируют городские низшие и высшие начальные училища, а в поселках на линии — гимназии, — и тех и другиих больше 10, с числом обучающихся до 2000 и около 100 преподавателей.

Наконец, в самом Харбине имеется до 20 частных и общественных средних учебных заведений (классические гимназии, реальные училища и коммерческие училища), в которых обучается до 5000 детей при 300, если не больше, учителях.

Итого, следовательно, в Оособом Районе трех восточных провинций С. Маньчжурии в 100 с лишним учебных заведениях всех типов обучается, по меньшей мере, 17,000 русских детей под руководством не менее чем 700 учителей.

Таким образом по масштабу осуществляемой там национально-образовательной работы, КВжд до октября 1924 г. (фактически, до апреля 1925 г.) представляла собой один из самых крупных и счастливых русских язы-

ковых островов в ряду других, возникших теперь во всех странах нашего рассеяния. — Однако, с апреля 1925 г. жел.-дорожная школа подверглась советизации, и число учебн. заведений, в которых русские дети могут ныне получить национальное образование и воспитание, сократилось до 30 с лишним, при 6000 учащихся и 400 учителях (обе последние цифры, несомненно, выше, т. к. советизация жел.-дорожных школ вызвала переход учащихся из высших начальных и коммерческих училищ в несоветские гимназии, куда пристроились также и многие из 150 уволенных большевиками жел.-дорожных учителей.

В то время как зарубежная русская школа почти всюду субсидируется в том или ином виде и масштабе той страной, которая ей дала у себя приют, русская национальная школа в Северной Маньчжурии предоставлена исключительно самой себе, и ей не откуда ждать поддержки, потому что, с одной стороны, СССР ума не приложит, как бы скорее и вернее додушить эту всюду у себя уже задушенную, ненавистную русскую национальную школу, с другой, — и у Китая на уме совсем не поддержание русского влияния на своей (хотя и сданной в аренду) территории, а, напротив, возвращение ее себе раньше, чем в России настанет порядок.

Этим и объясняется та жестокая борьба за существование — свое и школы, — которая характеризует и жизнь и работу русского учительства в Северной Маньчжурии — для частной средней школы — и то исключительно благоприятное положение, в котором, до 1925 г., находилась железно-дорожная — низшая — школа и ее работники.

В 1920 г. Харбин, буквально, наводняется беженцами из Сибири и Восточной России. Иркутск пал, от Читы отпугивал атаман Семенов, от Владивостока — неустойчивая областная власть, и человеческий поток не-

прерывной струей лился в Харбин, так что огромнейший железно-дорожный парк его в конце концов представлял собой какой-то лагерь, забитый эшелонами эвакуировавшихся, которые и по прибытии продолжали еще оставаться в теплушках. В этой, воистину, смеси одежд и лиц, племен, наречий, состояний значительный % составляли учителя (почти исключительно средней школы).

Организация Всероссийского Союза Городов открыла Педагогическую Секцию для регистрации прибывших и прибывавших в Харбин учителей-беженцев, для оказания им необходимой помощи и приискания заработка. Зато местное учительство в лице «Учительского Союза» встретило беглецов прямо-таки враждебно, — как представителей реакции, контрреволюционеров, «колчаковцев», «семеновцев», «калмыковцев» (впоследствии прибавилось еще две клички — «борзовцев» и «дьяковцев»).

В марте месяце 1920 г., при ближайшем участии Учительского Союза, разразилась в Харбине всеобщая забастовка, результатом которой была ликвидация русской власти в Полосе Отчуждения, потеря экстерриториальности, подсудность русских граждан китайскому суду и т. д., и т. д. — По окончании этой безумной забастовки возник конфликт между учительством К. В. ж. д. и Учебн. Отделом Дороги. Учительский Союз предписал своим членам-учителям ж.-д. и городских начальных училищ — прекратить сношения с Учебн. Отделом в лице его представителей — начальника, Н. Борзова, и его помощника, Д. Дьякова: не принимать от них пакетов, не сноситься с ними, не исполнять распоряжений, не допускать их в школы, агитируя против Учебного Отдела и в школе, среди учащихся, и вне ее, среди родителей, в Харбине и на линии. Тем не менее Учебный Отдел одержал победу над забывшими долг и обязанности педагогами: около 20 было уволено, от остальных же потребовано и получено за-

явление о признании ими авторитета Уч. Отдела и подчинении его распоряжениям.

Учебный Отдел своевременно использовал изобилие прибывших из России квалифицированных преподавателей средней школы, не распропагандированных, ищущих заработка, — и приглашает к себе на службу в низшие и высшие начальные училища, замещая и в дальнейшем ими же все открывающиеся или освобождающиеся вакансии.

По примеру Уч. Отдела, и содержатели средних учебных заведений тоже обновляют преподавателями-беженцами свой, на ¾ из случайных лиц состоящий, педагогический персонал.

Харбин, как засохшая от длительного бездождия земля, поглощал и жадно впитывал все приливавшие к нему свежие рабочие силы. Но этот прилив грозил никогда не прекратиться, и почва уже скоро напиталась до полного насыщения, — и, в частности, тем учителям, которые попадали в Харбин с опозданием, становилось все труднее и тяжелее найти себе заработок и устроиться. Постепенно и должности школьных сторожей, истопников начинают замещаться из безработных учителей. Дело дошло до того, что на освободившееся место рассыльного при Учебн. Отделе набралось несколько сот кандидатов всех званий и чинов, так что вопрос о выборе счастливца решал уже не начальник Уч. Отдела, а сам управляющий Кит. Вост. ж. д.!

Сколько ни принимала Дорога учителей-беженцев к себе на службу, сколько ни устроилось их в частных средн. уч. заведениях или на других местах, — всех прибывших и прибывающих, все равно, не представлялось возможным устроить. На первых порах учителя сами находят выход: они объединяются в группы, кружки и открывают репетиторские курсы, подготовительные (к экзаменам) школки. Одна такая ячейка, при поддержке Союза

Городов и при содействии Учебн. Отдела, развертывает открытую ею Летнюю Подготовительную школу в постоянную Новую Смешанную Гимназию, — «беженскую», как ее именовали в общежитии.

Глядя на почин этого первого «общества» и на увенчавший его успех, возникает целый ряд учительских объединений, открывающих в Харбине серию средних учебн. заведений. Достаточно сказать, что, если до 1920 г. в городе было 6 гимназий, то после него их насчитывалось уже около 20 (интересующихся более подробными сведениями о харбинских школах отсылаю к своей статье в № 18 «Русск. школы за рубежом»). Открывались эти гимназии, в большинстве случаев, на последние гроши, в надежде на поступления платы за учение, и затем влачили жалкое существование, никогда не достигая благополучия сами и лишь подрывая существование других таких же.

Суровый закон борьбы за существование, которого, казалось, не знал благополучный до-военный Харбин, теперь придавил всех, даже «обросшие» прежние учебные заведения. Результатом размножения новых заведений явилось их хроническое малокровие. Вот несколько цифровых иллюстраций по первой, основанной учителями-беженцами — и наиболее благополучной — Новой Смешанной Гимназии. В первом году ее существования (1920—21) поступило взносов за правоучение 24,790 руб. (иен); во втором — 18.670 руб., в третьем — 19,630; в четвертом менее 15.000. А количество учеников, между тем, за эти же годы возрастает: 263, 282, 285, 289. — Оплата годового преподавательского урока из году в год безудержно падает: первый год — 104 р.; второй — 75; третий — 52,12; четвертый — 45. Цифры эти будут еще ниже, если учесть, что только первый год существования Н. См. Гимназии преподавателям выплачивалось содержание в течение всех 12 месяцев, — начиная же со вто-

рого, летние месяцы уже не оплачиваются, а в последнее время не оплаченными оставались и два месяца учебных. — Как результат нездоровой, но неизбежной между борющимися за свое существование уч. заведениями конкуренции, плата за учение ежегодно понижается, фатально доходя до ставок, при которых бездефицитно дело вестись уже не может. В той же гимназии за те же 4 года средняя плата за ученика падает так: 150 р.; 120,46; 110,37; 100. А одна гимназия, понизив плату за ученье осенью, перед началом учебного года, — объявила в январе, перед вторым полугодием, новое понижение. Плата, взимавшаяся вначале по полугодиям, стала, под влиянием все той же конкуренции, рассрочиваться по третям, по четвертям и, наконец, по месяцам. В результате, учеников, как-будто, в уч. заведении численно достаточно, чтобы сводить концы с концами, а смета трещит; сколько ее коллектив ежегодно ни сокращает, никак не угонишься за жизненным минимумом. Поэтому перестали уже определять финансовые возможности гимназии количеством обучающихся в ней учеников, а перешли на счет платежных единиц, принимая за таковую ученика, вносящего полную годовую плату за учение. А так как, чтобы не растерять недостаточных учеников, им делаются скидки на $^1/_4$, $^1/_3$, на половину и даже больше, то такие плательщики являются уже дробным числом. И тогда оказывается, что 280 учеников — это меньше 150 платежных единиц.

Чтобы как-нибудь увеличить число платежных единиц, нужно каким-то способом отвлечь учащихся из тех чужих учебных заведений, где они сейчас обучаются. И вот, перед началом каждого учебного года, педагоги изощряются в изобретении аттракционов: одна гимназия объявляет при двух платящих братьях или сестрах, третий обучается бесплатно; другая — скидку железнодорожникам; третья открывает безэкзаменный прием в свой

V класс окончивших ж.-д. Высш. Нач. Училище; четвертая особенно усиливает постановку английского языка; пятая из последних крох тратится на награды переведенным в следующий класс с отличием, козыряя этим на годовом публичнм акте; шестая без экзамена принимает к себе на класс выше всех перебежчиков из других учебн. заведений, — факт, хоть и невероятно! — но все эти приманки и соблазны совершенно не достигают цели, так как и другие школы немедленно заводят у себя те же скидки, льготы, преимущества (кроме, впрочем, тех рискованных, как прием классом выше), и гимназия-зачинщица, ослабляя соперниц, в той же мере, ничем от этого не выигрывая, ослабляет и себя.

За то все это отлично уловил и усвоил родитель. Появляется неизвестный дотоле тип родителя-злостного неплательщика, годами обучающего свое чадо в учебн. заведении вдаровщинку, т. е., либо за счет его же учителей, которые потом уже с апреля не получают жалованья, либо за счет родительского комитета или какой-нибудь благотворительной организации, но чаще всего за счет обещаний. — И когда, наконец, потеряв всякую надежду что-нибудь с него получить, педагогический совет такого ученика уволит, родитель немедленно определяет его — по свидетельству — в другое уч. заведение, куда его примут с распростертыми объятиями, чая обрести в нем новую платежную единицу. — Борьба с этим явлением возможна только судом, но в Китае к этому средству защиты своих прав и интересов прибегают лишь в самых крайних случаях: и дорого, и канительно и отнюдь не надежно. Впрочем, если учительские коллективы-содержатели учебн. заведений избегают и стесняются заводить тяжбы с родителями-неплательщиками, то, к сожалению, зарегистрированы отдельные случаи, когда учителя не постеснялись взыскать со своей тоже недополучающей коллегии судом невыплаченное содержание за несколько

месяцев, так что, во избежание повторения подобных случаев, в некоторых гимназиях педагоги обязались взаимной подпиской не возбуждать денежных претензий, если год окажется плохим!

Так или иначе, а в результате конкуренции и игры на ней родителя, одна из старейших харбинских гимназий, помещающаяся в великолепном собственном здании, пользовавшаяся от Дороги субсидиями по ремонту этого здания, обучавшая в своих стенах детей чиновной и денежной знати, оказалась однажды перед дефицитом в 60,000 иен (свыше полумиллиона к. ч.!) и перед вопросом о продаже здания с торгов за долги. — Учителям Нов. Смеш. Гимназии по тем же причинам за два года (1921—22 и 1922—23) недоплачено 18,273 иены (свыше 200.000 к. ч.!). Аналогичная картина наблюдается и во всех других учебн. заведениях Харбина.

Итак, всё, что учительские товарищества предпринимали для поднятия доходности каждое своего учебн. заведения в пику другим, имело следствием только общее ухудшение дел. Однако, к чести учительства, оно не смотрело на свои школы, как на торговые предприятия, которые, раз они не приносят дохода, выгоднее ликвидировать. Педагогические советы и общие собрания изощряются в изыскании новых ресурсов для поддержания своих худосочных, но дорогих детищ.

Так как во всех учительских гимназиях, вследствие размеров помещения, занятия ведутся в две смены, то почти все поголовно преподаватели работают в нескольких учебных заведениях: утром — в жел.-дор. училище, вечером у себя (а то и днем еще забежит); утром — в частной гимназии, вечером у себя; утром где-нибудь служит, вечером у себя преподавательствует. Основной заработок переместился куда-то на сторону, у себя же только подрабатывают. Некоторые ухитряются работать в трех, даже в четырех местах в течение дня, — и, как трудо-

любивые пчелы, перелетая с цветка на цветок, собирают с каждого — пыльцу, не больше! — Бегают вдешевку по частным урокам, секретарствуют за гроши в разных организациях. А дома супруги почти у всех прирабатывают своим личным трудом — кройкой, вышивкой, выделкой искусственных цветов.

Чтобы облегчить бремя недоимок, давящее школу, гимназии устраивают ежегодно, стараясь упредить одна другую, благотворительные, под аншлагом: «в пользу недостаточных учеников», вечера, лотереи, кинематографические сеансы, рождественские и вербные базары, уличные сборы, летние гулянья в общественном саду и т. п., где первый сбор взыскивается, конечно, прежде всего с самих же учителей. Иногда, под тем же аншлагом, в обществе распространяются подписные листы за подписью какого-нибудь популярного общественного деятеля. Наконец, просто — уже без аншлага — обращаются к крупным торговым фирмам и богатым купцам с просьбой о помощи, — и нужно отдать должное отзывчивости некоторых фирм (напр., Т. г. И. Я. Чурин и К°) и некоторых русских людей. Так, известный на Дальнем Востоке промышленник, И. В. Кулаев в течение 5 лет поддерживает из своих средств несколько вновь возникших гимназий.

Делаются много сулящие попытки завязать связи, найти сперва вход, а затем покровительство у высшей железно-дорожной администрации или среди высоко-поставленных и влиятельных китайцев (они же все богачи). — Педагогический Совет одной гимназии остроумно использовал в этом направлении торжественное открытие в Харбине буддийского храма: главноначальствующий, генерал Чжу, он же и главный храмоздатель, особой делегацией от гимназии был поставлен в известность о постановлении Педагогического Совета данной гимназии учредить, в ознаменование этого события, 4 стипендии имени генерала для китайских детей, с предоставлением генералу Чжу

самому назначать стипендиатов. — Учителя другой гимназии «парировали» этот шаг своих конкурентов приглашением того же генерала Чжу посетить их гимназию и поднесением ему звания почетного президента Общества этой гимназии. А генерал Чжу пробыл после этого месяца 2 на своем посту и покинул Харбин, так ничего и не сделав столь высоко его почтившим двум русским гимназиям и только поставив их перед необходимостью искать нового (более устойчивого) покровителя и патрона.

На ряду с этими весьма проблематическими, чтобы не сказать фантастическими способами поправить денежные обстоятельства своих учебн. заведений, заслуживает упоминания геройская *практическая* попытка одной гимназии застраховать себя от хронического недобора участием в коммерческом предприятии. Ведь и самая честная газета держится не подпиской, а только объявлениями: и наша гимназия приобрела от К. В. ж. д. монопольное право на развеску объявлений местных торговых фирм на участках, принадлежащих Дороге. Гимназия и Контора объявлений — сочетание новое и непривычное. Но кончилась эта затея печально: сами педагоги, конечно, не стали заниматься этим делом и поручили его, как Обломов, «надежному человеку». А дальше пошло тоже пообломовски, и так как своего Штольца у них не оказалось, ликвидировали контору с убытком.

Но сколько ни придумывалось хитрых планов и спасительных проэктов, а уже с апреля месяца выплата жалованья обыкновенно прекращалась, — получал только технический персонал да домовладелец свою арендную плату, а учителя должны были изворачиваться и обораниваться, как умеют, чтобы дотянуть как-нибудь до начала нового учебного года.

Чтобы выйти из этого положения все харбинские средние учебные заведения — и старые и новые — ви-

дели перед собою только один путь: так называемые, летние подготовительные школы.

Уже через неделю после заключительного весеннего акта, начинали функционировать в гимназических помещениях, но независимо от гимназии, школки, организованные преподавателями, которые выразили желание работать, и управляемые своим выборным директором. Еще задолго до открытия такой школки вырабатывалась, в связи с имеющимися данными о ставках у конкурентов, минимальная плата, вернее, прейс-курант: за подготовку по одному предмету — 6 иен, по двум — 10. В старших классах дороже. На аттестат зрелости — еще дороже. По английски опять другая плата. — Школки эти пользовались успехом у родителей, т. к., под вывеской подготовки ученика, ему, в сущности, предрешался благоприятный исход осенних экзаменов и испытаний. Родитель понимал также, что здесь-то уж платить надо, — а, впрочем, некоторые ухитрялись все-таки откупиться одними обещаниями. Но под влиянием конкуренции учительский заработок очень скоро и здесь стал выражаться в жалких грошах. Размножение этих школок неуклонно сокращало число подготовлявшихся в них учеников, так что, если в какой-нибудь их насчитывалось человек 25—30, то учителя уже говорили, что нынче, слава Богу, дела идут хорошо. Большинство же работало при 15—20 учениках, с количественным перевесом учителей над учениками. Вознаграждение распределялось по числу фактически данных уроков, от 30 до 60 коп. за урок. В лучшем случае это составляло иен 40—45 в месяц, тогда как прожиточный минимум (для одинокого преподавателя) был не меньше 90 иен.

Идея летней подготовительной школы, как узаконенной невыплаты летнего содержания преподавателям, была оригинально усвоена одной частной гимназией, где и в году-то жалованье учителям выплачивалось туго — с

задержками и частично: содержатель этой гимназии предоставил работающим у него преподавателям открыть в его гимназии свою вечернюю подготовительную — перманентную — гимназию же, гимназию в гимназии, где учителя стали теперь вполне регулярно собирать небольшое вознаграждение за работу в *своей* вечерней гимназии, так же регулярно недополучая жалованья, или дополучая лишь разницу — за утреннюю работу в гимназии *его*, владельца. Ибо, как гласит распространенная местная пословица: в Харбине самый дорогой товар — деньги. А дороговизна денег влечет дешевизну труда и его эксплоатацию.

Такова может быть детализированная, сравнительно с размерами статьи, и всё-таки далеко не охватывающая всей действительности печальная картина жестокой борьбы за существование или борьбы всех против всех среди учительства средней школы, сумевшего обогатить Харбин 15-ью новыми школами, превратив этот захолустный окраиный город с 80.000 жителей в какой-то кипучий академический центр, — и только одного не сумевшего: — уж не то, что обогатиться самим, а хоть устроиться, столковаться друг с другом, сорганизоваться...

Впрочем, в отношении той части учителей-беженцев, которая попала на Дорогу, нужна оговорка: здесь очень скоро созрело сознание необходимости объединения учителей в организацию, и уже в октябре того же 1920 г., вместо скомпрометированного мартовской забастовкой, а затем бойкотом Уч. Отдела «Учительского Союза Полосы Отчуждения», возникает «Союз Учителей К. В. ж. д.». В отличие от прежнего, новый Союз совершенно исключил политику из своей программы, поставив перед собою только педагогические и профессиональные задачи:

«1) содействие развитию дела народного образования на чисто педагогических основаниях, 2) защиту экономических и правовых интересов учащих и 3) защиту чести и достоинства учителей, как корпорации».

И первое, на что новый Союз направил свою энергию, и было учебное дело, совершенно расшатанное за время революции и разрухи. Не только программы Высших и Низших начальных училищ Дороги не были согласованы между собой, но оказалось, что и между отдельными школами одного типа не было единства, и каждая руководствовалась своей: не было даже общей таблицы недельных часов, и в одной школе оказалось, напр., уроков гимнастики больше, чем русск. яз. В одном Высш. нач. училище, в самом Харбине, не проходили средней и новой истории — вовсе. Ученики не могли ответить на простейшие вопросы. В другой — Спарты «не проходили», о Солоне, Ликурге не слыхали. А когда новые учителя заглянули в классные журналы, доставшиеся им от предшественников, они нашли многие совершенно нетронутыми и незаполненными, так что не представлялось даже возможности удостовериться, происходили ли и вообще занятия.

Союз при дружной поддержке со стороны Учебного Отдела, в свою очередь, имевшего теперь опору в Союзе, проделал за 5 лет своего существования сложную серьезную работу, в результате которой постановка учебного дела на Китайской дороге достигла высоты, на которой она никогда прежде, даже в лучшие времена, не стояла. Правда, таким успехом жел.-дор. школа обязана и тому, что в ней теперь работали, в массе, преподаватели средней школы.

Союз, в первую очередь, добился прекращения совместительства в одном лице двух ответственных административных должностей — начальника Учебного Отдела К.В.ж.д. и директора двух Коммерческих Училищ,

очень вредно отражавшегося именно на железнодорожной школе и выгодного для коммерческих училищ (напр., при защите в Правлении К. В. ж. д.*) сметы, особенно, когда, под влиянием уменьшения доходности Дороги, начались сокращения). После настойчивых и многих шагов со стороны Союза, необходимая мера эта была наконец проведена Правлением Дороги.

Союз разрабатывает проект Положения о новом Комитете Образовательных Учреждений, взамен прежнего, вызывавшего нарекания, как со стороны Управления Дороги, так и со стороны родителей и общественности. И хотя не совсем в том виде, как за него высказалось учительство на делегатском съезде, Положение было принято, и К. О. У. утвержден. Члены правления Союза, в качестве представителей от учащих, за все время деятельности Ком. Обр. Учр. согласовали свою работу с пожеланиями учительских съездов и Правления Союза.

Союз в лице своего делегатского съезда одобрил новые — согласованные — программы Низших и Высших нач. училищ, переработанные особыми программными комиссиями. В результате этого пересмотра и согласования программ, с проведением трудового начала, низшие и высшие нач. училища Дороги преобразовались в школы I и II ступени. — Союз, однако, не считал этим свою работу законченной и, пока удастся убедить Дорогу открыть

*) К.-В. ж. д. в период 1920—1924 гг. управлялась, можно сказать, совершенно автономно, не подчиняясь ни СССР ни Китаю, своим уставом и своим высшим органом - Правлением и его усполнительным аппаратом — Управлением, с Управляющим дорогой во главе. Члены Правления избирались на собраниях акционеров Русско-Азиатекого банка. Китай объявил себя лишь опекуном предприятия до появления в России признанной власти. — Конец этому совершенно исключительному внеподданному состоянию по меньшей мере 200,000 русских людей, продолжавших жить в условиях прежней бытовой обстановки, положило октябрьское соглашение 1924 г., когда советская власть Мукденским генерал-губернатором была квалифицирована наконец, как русская национальная власть, и допущена к Кит.-Вост. жел. дороге, но уже не на правах полноправного хозяина, а на паритетных с Китаем началах (цена соглашения!).

школу III ступени (Правление КВжд и школы второй-то ступени считало лишними), вносит на делегатский съезд проект создания своей школы III ступени, каковая в 1921 г., в составе пятого класса гимназии, и открывается. Впрочем, опыт не увенчался успехом, и гимназия, просуществовав год, закрылась. Но Союз по прежнему продолжал горячо отстаивать идею школы III ступени на Дороге, и в июне 1924 г. Комитет Образ. Учр. принимает наконец программы школ III ступени. Но теперь проведению в жизнь этого важного решения помешали политические перемены на К. В. ж. д.

В области внешкольного образования Союз, при поддержке Уч. Отдела, осуществляет целый ряд полезных мероприятий, каковы, напр.: оборудование подвижных библиотек (вагоны-библиотеки) для всех трех линий Китайской дороги, обслуживающих отныне свыше 15,000 линейных агентов; организация школьного кинематографа — в Харбине и на линии; устройство научно-популярных лекций на линии и в Харбине с участием местной профессуры, общественных деятелей и, наконец, самих членов Союза. К просветительной же деятельности Союза относится и его план создания Учительских Курсов, не осуществившихся, как постоянное учебн. заведение, но все-таки осуществленных, как ежегодные летние курсы для учителей.

В 1921 г. Союз открывает писче-бумажный и книжный магазин «Просвещение». Деятельность этого коммерческого предприятия Союза не ограничилась удовлетворением острого в те годы книжного голода в Харбине одной только выпиской и продажей изданий, имеющихся на книжном рынке, но расширяется и собственным издательством: было издано магазином «Просвещение» 29 учебников и пособий. — Но коммерческое дело — менее всего доступная до сих пор оторванному от практической жизни интеллигенту (особенно учителю!) область. И

здесь ведение дела было возложено на «верного человека». В результате, полезное начинание оказалось накануне краха, к счастью во время предотвращенного, но дорого оплаченного.

В 1924 г. Союз наконец осуществляет уже давно многими высказывавшееся пожелание об издании своего педагогического журнала. Исполнилось это пожелание в самую трудную и критическую минуту жизни, как Союза, так и вообще учительства К. В. ж. д., — когда большевики получили наконец доступ к Китайской дороге, когда во главе Учебного Отдела был поставлен человек, совершенно чуждый низшей (а пожалуй, и всякой) школе, — проф. Н. Устрялов, и началось гонение на «Союз Учителей К. В. ж. д.». Тем показательнее устойчивость народившегося в таких неблагоприятных обстоятельствах журнала: недавно вышел двойной № 4—5 «Вопросов Школьной Жизни», и есть все данные, что издание будет поддержано и дождется лучших дней, когда совершенно, до сих пор, безвозмездная работа редактора и сотрудников будет оплачиваться гонораром.

Такова, даже в схематическом изложении главнейших фактов, показательная картина деятельности молодого Союза учителей К. В. ж. д. в тесном сотрудничестве с Уч. Отделом — на пользу народного просвещения.

Но за подагогическими делами Союз не забывал и поставленных им задач профессионального характера. И в этой области — защиты экономических и правовых интересов учительства — Союзом сделано, если и не столько, сколько для учебного дела, то, во всяком случае, кажется все, что было в его силах. К тому же Союз там встречал могущественную поддержку своим планам и начинаниям со стороны единомыслящего с ним Уч. Отдела, тогда как здесь размах деятельности Союза ограничен

скудостью средств, которыми располагала касса Союза, слагавшаяся из взносов в размере 2% отчисления из жалования (из них 1% — в пользу безработных учителей).

Мысль о безработных товарищах была первой заботой только что возникшей организации. Надлежало хоть на первых порах приютить и пригреть десятки безработных учителей, часто многосемейных, без всяких средств к существованию очутившихся в чужой стране. Грандиозный концерт с участием лучших местных артистических сил, устроенный с этою целью, дал Союзу сразу довольно значительную сумму, что открыло возможность поставить дело помощи уже практически. Союзом было арендовано помещение, обставлено необходимой мебелью, устроено общежитие, выдавалось вспомоществование.

При Союзе было открыто бюро для регистрации вновь прибывающих из России педагогов и для приискания им заработка. Кипучая деятельность Учебного Отдела, открывавшего новые школы, расширявшего старые, благодаря чему открывались новые вакансии, с одной стороны, и взаимное доверие, существовавшее между Уч. Отделом и Союзом Учителей, с другой, позволили Союзу устроить на открывавшиеся места много безработных преподавателей. — Равно как и в случае увольнения Союз всегда имел возможность представить Уч. Отделу свои соображения в защиту учителей, подвергшихся увольнению.

Разрушенный транспорт с каждым годом все чувствительнее отражался на благополучии К. В. ж. д., предоставленной теперь своей собственной судьбе, — и Управление ежегодно сокращало кредиты, не имеющие непосредственного отношения к техническим нуждам Дороги. В 1921 г. в таком порядке должен был подвергнуться сильной урезке бюджет Учебн. Отдела, — было решено провести новые нормы (поурочную плату) вознаграждения в Высш. Нач. Училищах. Правление Союза особой делегацией доложило членам Правления Дороги,

Пом. Управляющего, Совету Управления и Контролю неприемлемость поурочной платы и добилось приостановки этого решения. — В 1923 г. вновь поднимается вопрос о сокращении штатов, и опять, в результате предпринятых Правлением Союза настойчивых шагов, удалось разрешить вопрос этот почти безболезненно — оставлением за штат вторых работников в семье и добровольным уходом лиц, выслуживших достаточные пенсионные. Уволенные за штат зачислялись первыми кандидатами на службу и вскоре были приняты вновь.

В 1923 г. разыгрался крупный конфликт между Управлением Дороги и Китайским Земельным Управлением из-за Земельного Отдела К. В. ж. д., вызвавший вмешательство консульского корпуса и наложение консульских печатей на архив зем. отдела в ограждение выемки оттуда необходимых китайцам актов. В поселках по линии и окрестностям Харбина возникали школы, открываемые поселковыми управлениями. Дорога отпускала кредиты на их содержание и оплачивала их педагогический персонал. Китайская гражданская и военная администрация, стоявшая на той точке зрения, что поселки, возникшие в Полосе Отчуждения, подчиняются не Дороге, в лице ее Земельного отд., а суверенному Китаю, в лице его Земельного Управления, добилась прекращения кредитов поселковым школам, а в своих отказала, и школы должны были закрыться. Союз горячо вступился за участь выброшенных за борт поселковых учителей: 14 удалось отстоять на службе Дороги, 15-же уволенным оказывалась ежемесячно материальная помощь (от 20 до 40 зол. рублей) с какою целью Союз произвел 2% вычет из жалованья членов Союза и исходатайствовал у Правления Дороги ссуду в 1500 з. р. В октябре 1924, хлопотами Союза, большинство уволенных учителей вновь устроилось на службу или Дороги или в Китайском Учебном Отделе.

При общей тенденции Управления, экономии ради, сокращать все сметы и нормы, заслуживает упоминания достигнутое Союзом увеличение квартирной нормы для семейных учителей школы I ступени — с 10 квадратов до 15.

Удалось также Союзу добиться в некоторых местных гимназиях освобождения от платы для детей членов Союза.

Для летнего отдыха, по представлению Союза, Учебный Отд. устраивает на линии 7 колоний для учителей в зданиях училищ: для семейных — отдельные классы, для одиноких — общежития, с оплаченными Союзом услугами сторожей и освещением. Летом 1922 г. Союзу было предоставлено — для отдыха учителей К. В. ж. д. — помещение в военном училище на Русском Острове вблизи Владивостока.

Было также возбуждено Союзом два ходатайства перед Владивостокским городск. самоуправлением и перед Приморским правительством — одно об отводе земельного участка на берегу моря для постройки учительской дачи, другое тоже о предоставлении участка — в заливе Посьета — с целью организации там колонии Союза для оставивших службу на Дороге безработных учителей. Оба ходатайства были уже близки к благоприятному решению, но произошедший в Приморье политический переворот заставил Союз отказаться от этой благой мысли.

В июле 1921 г. Союзом была организована для своих членов месячная экскурсия в Корею и Японию. Японское министерство путей сообщения любезно пошло навстречу Союзу, предоставив экскурсантам на всех японских дорогах Китая и Кореи и у себя — вагон II кл. и скидку от 50% до 75%. Месяц поездки обошелся каждому экскурсанту (не считая, конечно, его личных расходов) в 140 з. рубл., что составляет почти месячное же содержание учителя школы II ступени.

После страны Утреннего Безмолвия и страны Восходящего Солнца, очередная экскурсия была намечена Союзом вглубь Поднебесной республики, — предполагалось посетить Мукден, Пекин и Тяньцзинь. Однако, начавшаяся именно в этом районе гражданская война расстроила намеченную экскурсию.

А дальше... Эти погромыхиванья политических гроз над чужими местами, словно, предупреждали обывателя и учителя К. В. ж. д., безмятежно наслаждавшегося в Маньчжурии самой настоящей русской жизнью, в совершенно иррациональных условиях внеподданства, внесоветчины (буквально — Полоса Отчуждения!), — что погода когда н.-б. может измениться и на Кавежедэ, и что над головами кавежедэков может грянуть гром. — И в 1924 г. погода испортилась уже в мае, а в октябре загремел и гром...

Остается досказать еще тот драматический эпизод в жизни Союза и железно-дорожного учительства вообще, который заключил собою 5-летний период мирной, культурной, национальной работы русского учителя на Китайской Восточной ж. д.

1924 г. — роковая дата в жизни учительства К. В. ж. д. и, в частности, его Союза.

В мае месяце состоялось первое соглашение большевиков с Пекинским правительством, не признанное, однако, Мукденским генерал-губернатором. В октябре последовало второе соглашение — с Мукденом (в свою очередь не признанное в Пекине), открывшее наконец большевикам доступ к Китайской дороге. — Произошла смена высшей железно-дорожной администрации, — в частности, во главе Учебн. Отдела был поставлен достаточно уже известный проф. Н. Устрялов, с первых же слов и

шагов поведший борьбу с «желтым» (как его называли красные) Союзом.

Так и не успел Союз провести в жизнь свои два, еще в 1921 г. намеченные, задания: открытие ссудо-сберегательной кассы и постройку Учительского Дома: и то и другое было уже накануне осуществления, когда произошли перемены на Дороге, совершенно остановившие широкую культурно-профессиональную деятельность Союза*).

Перед Союзом стояла теперь только одна, но требовавшая напряжения всей энергии, задача — материальной помощи и поддержки, которую ему придется скоро оказывать своим членам в предстоявшем массовом увольнении учителей с Дороги. По Мукденскому соглашению, на К. В. ж. д. могли служить подданные только двух согласившихся властей, т. е. либо советские, либо китайские, — другим больше места здесь не было. — Приказ об этом еще не состоялся, но вопрос был предрешен.

Перед учителями-беженцами, таким образом, встал наконец лицом к лицу призрак советчины, от которого им до сих пор, до Харбина, было еще куда уходить, но теперь, за Харбином, путей уже больше не было. Можно было только эмигрировать. Однако за 4 мирно в Харбине проведенные года все подходящие для эмиграции моменты были упущены, и теперь над входом в любое консульство русский читал аншлаг: «Оставь надежду навсегда...» — Таким образом, первое, чисто инстинктивное беженское движение:» «Бежать!» сразу же парализовалось сознанием: «и рад бежать, да некуда». Единичные утечки (в С. Ш. С. Америки, в Канаду, в Бразилию, в Австралию

*) Интересующиеся более подробными данными о деятельности «Союза Учителей К. В. ж. д.» найдут их в чрезвычайно ценной и обстоятельной статье Г. И. Щербакова, одного из деятельнейших сперва членов, а потом председателя Союза: «Итоги деятельности Союза учителей К. В. ж. д.», напечатанной в журнале «Вопросы Школьной Жизни» №№ 1—5, Харбин, 1925, — откуда почерпнуты некоторые данные и для настоящих очерков. *В. П.*

и в Европу) в счет не идут: массе бежать из Харбина было уже некуда. Поэтому первоначальный вопрос — куда бежать? — приходилось формулировать теперь иначе: что теперь делать? Для всех железно-дорожников он мог быть решен трояко: принять советское подданство, принять китайское подданство, не принимать ни того ни другого.

Во всякой другой службе Китайской дороги вопрос о подданстве ни в какой мере не отражался на существе работы агента: конторщик, счетовод, бухгалтер, кассир, ревизор, контролер и др. и в советском подданстве продолжали делать то же, что делали и раньше. И только в ведомстве Уч. Отдела, в школе, дело обстояло иначе: здесь этот вопрос для всех немедленно ассоциировался со стенгазетой, политграмотой, изменой своему credo, — но зато лишь принятие советского подданства давало наибольшее вероятие остаться на службе.

И китайское подданство для тех же железно-дорожных врачей, фельдшеров, санитаров, сиделок, техников, инженеров и др. тоже ничего не меняло в их обычной профессиональной работе. Но *русский учитель — китайского* подданства — в *советской* школе — явление противоестественное. И его положение в школе было бы тем невыносимее, что он, все равно, должен был бы исполнять все веления и требования большевицкой педагогики, подвергаясь в то же время со всех сторон глумлению, ни в ком не имея себе защиты, — при более чем сомнительных гарантиях удержаться долго на службе.

«Внеподданный», как в Харбине были классифицированы не зарегистрировавшиеся ни в том ни в другом подданстве, чувствовали себя совсем легко: они и сами не шли в советскую школу, и их туда не подпускали. Конечно, это было преимущество, — только в роде того, о котором в песне говорит добрый молодец:

Житие мне Бог дал великое:
Ясти-кушати стало нечего!

И вот, в апреле месяце вышел наконец давно ожидавшийся приказ — № 94 — дававший всем агентам, не определившим еще своей политической физиогномии, месяц сроку, до 1 июня, на размышление и «самоопределение», после чего не взявших ни того ни другого подданства ждало увольнение со службы.

Приказ вызвал волнение среди железно-дорожников, никто не верил в возможность такого легкого, единоличным распоряжением управляющего, увольнения нескольких сот служащих, — ожидали каких-то выступлений со стороны китайцев тем более, что за 8 месяцев своего управления Дорогой советский администратор дал уже Китаю много поводов сожалеть о заключении соглашения. И действительно, за неделю до истечения срока, данного управляющим, последовала от Председателя Правления, из Мукдена, официальная отмена распоряжения тов. Иванова. Председатель, ген. Бао-Гуй-Цзин аннулировал приказ № 94 и, квалифицируя его, как превышение власти и как акт неправомочный, приказывал агентам, под страхом тюремного заключения, оставаться на службе (многие внеподданные собирались подать в отставку). Текст, на обоих языках, с большими красными печатями был расклеен чинами китайской полиции на улицах. Еще через несколько дней сомневающиеся могли воочию убедиться, что слова председателя скреплены не только приложением казенной печати: город наводнили прибывшие, под начальством сына маршала Чжан-Зо-Лина, пехотные части в сопровождении артиллерии. — Антибольшевики праздновали уже поражение Иванова, — взявшие советское подданство раскаивались, что маленько поторопились, неловко чувствовали себя и те, что, по злободневному выражению, нацепили косу. Управляющий же

ответил на все это новой, буквально на всех незанятых пространствах в Управлении, расклейкой своего приказа № 94. Несколько дней весь Харбин только и жил разъигравшимся острым конфликтом, и, право, не так ждали в 1921 г. того дня, когда наша планета должна была пройти через хвост кометы Галлея, как ожидалось в Харбине первое июня. Однако, как тогда, так и теперь ничего не случилось, но за то через четыре дня мирно вечерявшие на верандах своих казенных квартир железнодорожники вдруг услышали выкрики мальчишек, мчавшихся с экстренными выпусками газет. Сообщалось, что конфликт улажен, достигнуто соглашение между советским консулом и главноначальствующим Особого района трех восточных провинций по вопросу о внеподанных: в ближайшие дни они будут уволены «в два счета»: — сперва линейцы, потом харбинцы. Таким образом, посмеялся тот, кто смеялся последним, а Председатель Правления месяца через два тихо ушел в отставку.

По Учебному Отделу было уволено 62 учителя, из которых 38 — члены Союза. Еще раньше, как только пр. Н. Устрялов вступил в управление Уч. Отделом, начался среди членов Союза — под влиянием убеждений, запугиваний и угроз — выход из Союза и переход в появившийся тут как тут Сорапрос. Численность Союза сократилась значительно, что немедленно отразилось и на сумме членских поступлений; лишенный прежней поддержки со стороны Уч. Отдела, — теперь его непримиримого врага — Союз не имел даже возможности собраться, чтобы обсудить положение, — достаточно сказать, что Правление Союза не могло созвать своего обычного годового съезда для заслушания отчета и перевыборов, и выборы — впервые — пришлось произвести анкетным путем. Союз стоял перед трудностями неодолимыми, и увольнение со службы 38 его наиболее стойких членов

было ударом, от которого он, правда, не погиб, но и не оправился.

Тем не менее Правление проявляет энергичную деятельность по вопросу, как получить уволенным свои пенсионные взносы, как взыскать недоплаченное за месяц жалованье, приостановить выселение из казенных квартир, как домогаться медицинского пособия тем из уволенных, у кого медицинское освидетельствование установит известный % потери трудоспособности, — ведутся в этом смысле переговоры с адвокатурой. Предпринимается новая попытка создать свое учебное заведение, но и на этот раз попытка не удается за неполучением от Кит. Уч. Отд. разрешения на открытие в Харбине еще одного ср. уч. заведения.

В поисках, куда бы, вне Харбина и линии, которые сами нуждались в разгрузке, пристроить своих наиболее необеспеченных членов, Союз обратил взоры на Монголию и на те русские поселки, которые основали там казаки и другие беженцы, совершившие в свое время ледовый поход через Сибирь: выясняется их численность, количество дворов, степень нужды в школах и возможность открытия таковых.

После расправы с внеподанными учителями нужно было ожидать второго удара по Союзу — увольнения взявших китайское подданство учителей. В целях предотвращения этого удара Союз ведет переговоры с Китайским Союзом Учителей, с китайскими общественными деятелями, членами Правления Дороги, вносит в Правление Дороги проект выделить из общего числа жел.-дор. школ несколько для детей тех железнодорожников, которые приняли китайское подданство и не хотят, следовательно, чтобы дети их посещали советскую школу, — и в эти школы назначать и преподавателей китайского подданства.

Китайскому национальному самолюбию было очень

лестно, что русские, иначе не называвшие китайцев, как «ходями», теперь сами записывались в ходи и у ходей искали помощи и защиты. Ненавидя большевиков, они искренне давали обещания, выслушивали проекты, соглашались, но сделать что-нибудь были совершенно бессильны: вообще политика, а азиатская в особенности — делается за закрытыми дверями...

В августе прибыл в Харбин пекинский «полпред» Карахан, имевший перед этим свидание с Мукденским генерал-губернатором, и в начале сентября худшие ожидания Союза оправдались: после того как начались уже занятия в школах, после того как переведенные в другие места учителя, китайские поданные, явились на новые места службы, все они, таким же приказом (№ 213), были уволены со службы — 88 человек. Правда, чтобы не раздражать китайцев, уволенным педагогам было предоставлено поступить на Дорогу конторщиками, на другие службы, чем 68 из них и воспользовались.

Для уволенных учителей это был, конечно, выход и выход, пожалуй, наилучший, но для Союза, как союза «Учителей К. В. ж. д.», это было равносильно разгрому. И, по имеющимся сведениям, Союз производит новую регистрацию членов и, как слышно, реорганизуется на новых основаниях, уже как организация обще-учительская, с тенденцией сближения, если не объединения, с профессиональной организацией китайских учителей. — В сентябре 1924 г., накануне самых событий на К. В. ж. д., устав Союза уже подвергся раз пересмотру и изменениям в смысле расширения членского круга: было предоставлено оставаться в составе Союза лицам, состоящим членами его не менее года, и после оставления ими службы на Дороге, и допущено вступление педагогов, не состоящих на службе Дороги, в состав членов-соревнователей. — Теперь на очереди стоит новое и коренное изменение устава, а впереди трудная работа опять ab ovo.

Во всяком случае, первый период существования на К. В. ж. д. профессиональной учительской организации, ознаменовавшей собою возрождение железно-дорожной школы, нужно считать ныне закончившимся.

Как отразился переворот на положении учительства средней, частной школы? Его он пока не задел непосредственно, скорее даже, несчастье, обрушившееся на железно-дорожную школу, ему послужило на счастье, по пословице. Гимназии сразу ожили от притока новых — учащихся и платящих — единиц, ушедших из советизированных железно-дорожных коммерческих и высших начальных училищ. — Но и здесь уже пора учительству подумать об организованной совместной работе и дружном общем отпоре натиску большевиков, их попыткам разложить и разрушить эту столь им ненавистную, везде уже ими выведенную и только здесь неуловимую старорежимную школу, воспитывающую тысячи детей и юношей в любви к России, в уважении к ее историческому прошлому и в преданности православной церкви, — если все эти классические гимназии и реальные училища хотят существовать и впредь, потому что иначе они будут только поедать одна другую, «на радость соседей-врагов»...

Для учительства К. В. ж. д., не пошедшего в советскую кабалу, настали тяжелые времена. Из 320 жел.-дор. учителей 150 частью выброшены за борт (82), частью переведены на конторскую службу (68), откуда их в любой момент могут уволить (и уже увольняют — поодиночке). Будущее и тем и другим не сулит в Харбине ничего хорошего. Тем разче необходимо, на фоне этого безотрадного будущего, отметить и оттенить моральную стойкость, проявленную собравшимся в Харбине за 1920—1925 гг.

российским учительством. Из 320 — 150, т. е. почти половина, не приняли большевизма, хотя, идя на этот шаг, теряли материальные и бытовые условия существования, неповторимые не только в Харбине, но, вероятно, и нигде в мире. — Из всех служб К. В. ж. д. только один Учебн. Отдел дал такой высокий процент убежденных принципиальных противников советской власти. На других службах их, конечно было не меньше, а гораздо больше, и, однако, к 1 июня там остались единицы, а все остальные оказались в советском подданстве, — чтобы не покидать Харбина, чтобы сохранить свой прежний образ жизни, чтобы не остаться без заработка, без даровой квартиры, без пенсионных и т. п. благ, и только учитель и воспитатель русских детей отверг это искушение. А вызывающий сразу какое-то невольное чувство досады переход русских людей в китайское подданство, если взглянуть на этот факт вне расового или национального предубеждения, выражает собою, скорее, даже еще более сильную степень непримиримости этих людей к советской власти: лучше в китайцы пойти, чем в коммунисты записаться. Большевики это отношение к себе «китайских подданных» так и оценили и потому так особенно и ненавидят именно их.

Этот факт моральной устойчивости, эта преданность своему делу и уменье отдать ему

И силу и честь и дыханье,

вместе с другим, теперь после 5-летнего опыта Союза, тоже фактом умения организоваться — побуждает верить, что маньчжурское учительство — и бывшие учителя ж.-д. школы и преподаватели средней школы, на Дороге не служившие — в постигшей его тяжелой судьбе сумеет все-таки найти какие-то пути и способы организованной борьбы за существование и за родную школу.

Положение русских учителей в Маньчжурии отныне

может быть приравнено к положению осажденных защитников крепости, со всех сторон отрезанной неприятелем, как это, например, было (чтобы оставаться в пределах Маньчжурии), с Порт-Артуром, где месяц сидения в осаде зачитывался потом за год полевой службы. Учительство маньчжурское живет на территории, где уже начали хозяйничать большевики, но оно не только живет там, — оно продолжает там свою работу, начатую когда-то в России. И это его заслуга, которая должна смягчить оценку недочетов этой работы, протекающей ведь в условиях, которых оно не знало у себя в России (например, целая классическая гимназия с 200 учащихся, помещающаяся и работающая в 3 комнатках! — ст. Чаньчунь, Южно-Маньчжурской ж.-д.).

Но и к охваченной железным кольцом крепости делаются со стороны отрезанных от нее своих попытки оказания ей помощи, пока не начнется общее наступление. Эта случайная помощь не может быть, конечно, материально значительной и изменить реальную обстановку, но моральное ее значение колоссально: — не забыли, не брошены, помнят...

Мы, русские учителя в эмиграции, мы все считаем себя осажденными в какой-нибудь крепости и не всегда поэтому хорошо знаем, где осада более жестока, и где дух осажденных особенно нуждается в нравственной подмоге...

Настоящие очерки и имеют своей задачей обратить более пристальное внимание рассеянного по всему свету, но все же находящегося в тесном между собою общеньи и, как никак, в условиях только материальной необеспеченности учительства — на судьбу отрезанного от своих братьев десятками тысяч верст расстояния, окруженного отовсюду своим злейшим врагом, одиноко борющегося за свое существование и за нашу национальную школу Русского учительства в Маньчжурии.

В. Перемиловский.

Приложение

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ УЧИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАГРАНИЦЕЙ.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ УЧИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАГРАНИЦЕЙ С 1923 ПО 1926 ГОД

В апреле месяце с. г. исполнилось трехлетие существования «Объединения Русских Учительских Организаций заграницей». Идея объединения на профессиональных началах всего зарубежного русского учительства уже в первый год существования русских школ за пределами родины служила предметом неоднократных разговоров среди наиболее передовых и активных педагогов в эмиграции. Некоторые из них еще в предреволюционный период в России являлись частью свидетелями, частью творцами импозантного по количеству членов, импонирующего блестящими именами педагогов-организаторов, единого для всей России «Всероссийского Учительского Союза». Многотысячное русское учительство организовывалось в могучую корпорацию с задачами далеко выходящими за пределы только одних профессиональных интересов. Устав этого всероссийского учительского объединения, главным образом и прежде всего, предусматривал пути легальной борьбы за реформу обучения с самой низшей до высшей ступени, за свободу педагогической мысли, за предоставление русскому учителю возможностей при мощной поддержке учительских профессиональных организаций нести свет истинного научного знания в глубины темного родного народа. Эти задачи придавали профессиональной учительской организации значение организации надклас-

совой и подлинно общественной. Поэтому естественной и логической являлось перенесение прекрасных традиций профессионального движения российского учителя в новые необычные условия существования русской школы на чужбине.

Еще в 1922 году, т. е. в первый год начального существования нескольких эмигрантских школ в разных странах Европы, возникло 3—4 местных учительских объединения, построенных на основах культурной, правовой и экономической взаимопомощи и самозащиты. На 1-м всеэмигрантском педагогическом Съезде (Съезд деятелей средней и низшей русской школы заграницей) в г. Праге в апреле 1923 года идея общеэмигрантского учительского объединения уже настолько стала достоянием широких педагогических кругов, что многие из представителей организованных учительских корпораций привезли на Съезд пожелания своих доверителей заложить основы такого обединения. 6-го апреля на специально созванном организационном Собрании делегаты в числе 38 человек единогласно одобрили предложенный проект «Объединения», избрали первый состав Правления, а также утвердили основные положения, определявшие задачи и характер деятельности исполнительной инстанции «Объединения» — Правления.

Для сношений с учительством на местах и для более тесного контакта с ним Съезд избрал представителей Объединения для каждой страны.

1923—1924 ГОД

Первый год своего существования Правление посвятило, главным образом, вопросам организационного характера, установлению связей с отдельными неорганизованными группами учителей, с педагогическими советами школ и собиранию информационных и статистических сведений о положении русского учительства по от-

дельным странам. Временное Положение, которым руководствовалось Правление в своей деятельности, предоставляло ему широкие полномочия в изыскании путей и средств в основном вопросе — объединения учительства на местах.

Для осуществления этой задачи, кроме письменных сношений с видными педагогами на местах, Правление командировало для личных переговоров в Болгарию Председательницу Правления А. В. Жекулину и в Югославию заместителя Председателя В. Н. Светозарова и члена Правления А. П. Петрова. Предпринятые указанными лицами шаги, имевшие конечной целью организацию единой для каждой страны профессиональной учительской организации, значительно приблизили момент объединения местных учителей. Правда, сложные и неблагоприятные условия для целей консолидации, объединения эмигрантских общественных группировок в этих странах не давали надежд на объединение русского учительства, именно, в едином профессиональном Союзе, ибо идейные разногласия между отдельными группами учителей еще в то время были настолько острыми, что на вхождение всех учителей, даже при условии профессиональной заинтересованности каждого в отдельности, в единую организацию не приходилось рассчитывать. В Югославии, а также в Болгарии, почти одновременно возникли по 2 организации, между собою ничем не связанные.

В целях широкого оповещения русского учительства и вообще общественных кругов в эмиграции о существовании Объединения и о преследуемых им задачах, Правление опубликовало во всех крупных органах эмигрантской периодической печати воззвания, призывавшие все зарубежное учительство примкнуть к Объединению.

Одним из первых мероприятий первого состава Правления явилась рассылка по всем странам по особой форме составленных анкетных листов для учета и всестороннего

обследования условий жизни и педагогической работы русского учительства в эмиграции. Полученные ответы подверглись обработке и дополненные соответственной информацией из разных солидных источников явились материалом для составления первой статистической сводки о положении русского учителя в разных странах Европы.

Забота по устройству на педагогическую службу безработных учителей заставила Правление в первую очередь обследовать Подкарпатскую Русь. Для этой цели Правлением были командированы туда Председательница Правления А. В. Жекулина и пр.-доц. С. И. Карцевский. Хлопоты этих лиц конкретных положительных результатов не дали, но все же благодаря ним Правлением были установлены, как частные, так и официальные связи с рядом лиц и с ответственными представителями школьного ведомства, что давало уже некоторые надежды на удачу хлопот по устройству безработных в дальнейшем.

Правление предпринимало шаги и в сторону установления сношений и связей с иностранным учительством. Эта задача достигалась информированием центральных органов туземных учительских Союзов о существовании Объединения и рассылкой переведенных на английский и французский языки специальных обращений.

Как эмигрантская организация, Объединение оказалось лишенным прав на вхождение в качестве действительного члена в Международные Педагогические Организации. Но все же в состоявшемся в г. Праге в августе месяце 1923 г. Международном Педагогическом Конгрессе Правление в составе трех его членов принимало участие не только формальное, но и в качестве докладчиков.

В июле м. (17, 18 и 19) 1924 г. в Праге состоялся 1-й Делегатский Съезд представителей тех учительских организаций, которые вошли членами в Объединение. Заблаговременно разосланная на места специальная ин-

струкция предусматривала и обеспечивала полную свободу избрания делегатов от организованных учительских коллективов. Лица, исполнявшие функции представителей Объединения на местах, получали право решающего голоса на Съезде лишь в случае предоставления им местными союзами соответственных полномочий.

Ко времени 1-го Делегатского Съезда существовали автономные профессиональные учительские Союзы, входящие в Общеэмигрантское Учительское Объединение, в следующих странах: Англия — 1, Германия — 1, Польша — 1, Чехословакия — 2, Югославия — 2, Греция — 1, Болгария — 2.

Кроме того, по местным условиям политической жизни не входили полноправными членами в Объединение, но пребывали в тесном контакте и в сотрудничестве с Правлением отдельные учительские Союзы и группы следующих стран: Франции, Бельгии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы.

Съезд подвел итоги организационного периода в жизни Объединения, принял в окончательной форме устав Объединения и устав Кассы Взаимопомощи при нем и одобрил проект первоочередных задач деятельности будущего Правления. В числе намеченных заданий были следующие:

1) организация Кассы Взаимопомощи и изыскание средств для нее, 2) организация библиотеки педагогического характера, 3) выработка к будущему Всеэмигрантскому Педагогическому Съезду проектов:

а) положения об управлении школой,

б) положения о правах и обязанностях педагогических советов и администрации,

в) нормального устава союзов.

Закончился Съезд избранием Правления на 1924—25 г. и Представителей Объединения по отдельным странам.

Первый Делегатский Съезд принятием устава точно определил задачи и цели Объединения. После Съезда Правление главные усилия в своей деятельности направило на организацию русского учительства в тех странах, в коих оно или вовсе не было организовано, или же имевшаяся кое-где организованность не носила характера целостности и единства, в смысле невхождения в местное объединение всего русского учительства данной страны. Надо было в таких случаях обследовать вопрос о положении учительства данной страны, произвести учет его, установить количество и принять меры к его сплочению. С этой целью Правление в первую очередь приступило к установлению связей с отдельными лицами, по преимуществу, а также с учреждениями следующих стран: Венгрии, Австрии, Италии и вольного города Данцига. Полученный из этих стран после большого промежутка времени со дня начала переписки обследовательский материал показал, что только Италия и г. Данциг имеют относительно большое число проживающих там русских учителей. В Венгрии и Австрии русские учителя насчитываются единицами.

Затем Правление приняло меры к тому, чтобы существовавшие в некоторых странах мелкие, но не связанные друг с другом, отдельные учительские группы слить в единую профессиональную учительскую организацию. В создании таких профессиональных объединений по отдельным странам Правление видело не только самое действительное и рациональное средство к улучшению условий существования отдельных педагогов, но также видело в нем момент идейного характера и преследовало задачу — привить русскому учителю интерес и навыки к общественной работе.

В Болгарии в 1923 году существовало на всю страну всего 2 организованных группы русских учителей, с микроскопическим количеством входящих в них членов, да и к тому же еще эти две группы существовали бок-о-бок в стенах одного учебного заведения. Каждая группа имела свой устав, каждая жила своей обособленной и, надо сказать, чахлой жизнью. Остальная масса русского учительства, преподававшая, как в русских школах, так и в болгарских учебных заведениях, а также все безработные квалифицированные учителя ни к какой учительской организации не примыкали. Такое ненормальное положение дела побудило Правление особенно настойчиво стремиться к сплочению русского учительства в Болгарии.

В переговорах с делегатами от Болгарии на 1-м Съезде удалось наметить основные положения к сближению и слиянию существовавших независимо друг от друга и даже враждовавших между собою групп. С этими делегатами Правление пришло к решению настойчиво стараться сделать все возможное, чтобы созвать местный по Болгарии Съезд русских учителей, в программу занятий которого главным вопросом поставить вопрос об организации русского учительства. После ревностной работы и хлопот покойного уже представителя «Объединения» по Болгарии П. Н. Соковнина в ноябре м. 1924 г. с большим напряжением сил и средств состоялся Делегатский Съезд представителей педагогических советов всех русских учебных заведений Болгарии. Этот Съезд принял устав единого для всей Болгарии «Общества Русских Педагогов», избрал Вр. Правление этого Общества и этим положил начало процессу объединения всего русского учительства в Болгари.

Русское учительство в Финляндии до 1925 г. не имело своей профессиональной организации. Лишь в январе 1925 года дело объединения находящегося там русского учительства получило свое реальное осуществление.

На специально созванном организационном делегатском собрании было учреждено — «Объединение русских учителей в Финляндии» и принято постановление войти в общеэмигрантское учительское Объединение.

В Объединение также вошел членом Педагогический Совет русской гимназии в г. Данциге в количестве 12 человек.

Как исполнительный орган объединенных по отдельным странам учителей в эмиграции и как мондиальная организация, Правление «Объединения» в течение последнего года помимо содействия делу организации учителей и координирования деятельности Союзов на местах, предприняло ряд мер для информирования общественных кругов, культурно-просветительных учреждений и благотворительных организаций Западной Европы и Америки о положении русского учительства в эмиграции. Для пропаганды идеи помощи русской школе и русскому учительству в эмиграции уезжавшей в октябре месяце 1924 г. в Северо-Американские Соединенные Штаты Председательнице Правления А. В. Жекулиной были вручены на английском языке заготовленные специального характера воззвания, уставы «Объединения» и Кассы Взаимопомощи, а также отчет о деятельности «Объединения». Во время пребывания в Америке Председательницы Правление спорадически пересылало ей поступавшую из разных стран свежую информацию о положении русского учительства и этим давало ей возможность быть в курсе современного состояния этого вопроса. На призыв Председательницы «Американское Общество по образованию» предложило «Объединению» дать сведения о русском учительстве в эмиграции. От того же общества были получены опросные бланки на предмет включения русских учителей, желающих дать о себе сведения, в кандидатский список на учительские места в Северо-Американских Соединенных Штатах. Анкетные бланки были разосланы Со-

юзам, но Правление отправило в Америку всего лишь 9 заполненных анкет, т. к. больше с мест не поступило.

С отъездом в Америку Преседательницы Правления А. В. Жекулиной и в Югославию к месту постоянной службы члена Правления А. П. Петрова перед Правлением встал вопрос о реорганизации его состава для обеспечения предусмотренного уставом кворума при вынесении решений на его заседаниях. С этой целью был приглашен к участию в члены Правления В. А. Ригана, а также другой кандидат, представитель «Объединения» по Германии Н. В. Яковлев. Председательские полномочия перешли к заместителю Председателя В. Н. Светозарову, который каждые две недели приезжал по делам Правления из Моравской Тшебовы в Прагу.

Всего в истекшем году состоялось 25 заседаний, на которых было вынесено 151 решений. Главными вопросами, которыми было занято Правление, были:

1) вопрос об устройстве на учительские места безработных учителей и

2) разработка проекта «Положения» об управлении русской эмигрантской школы.

По первому вопросу Правление вошло в тесный контакт с Правлением Союза Русских Педагогов в Чехословацкой Республике и большинство своих шагов в этом направлении совершало совместно с ним. Для выяснения возможностей к получению безработными учителями учительских мест в Подкарпатской Руси и для установления связей с тамошней высшей школьной властью Правлением в августе мес. прошлого года был туда командирован В. Н. Светозаров, который совместно с командированными туда же от Педагогического Бюро кн. П. Д. Долгоруковым, детально выяснил общую обстановку и установил благожелательное со стороны местного школьного управления отношение к вопросу об устройстве на места безработных. Вы-

яснилось далее, что со стороны Школьного Отдела не встречается препятствий к назначению русских учителей на вакантные педагогические места и что разрешение этого вопроса надо искать в высшей правительственной инстанции, а, именно, в Министерстве Народного Просвещения. Тем не менее, В. Н. Светозаров оставил в Школьном Совете заготовленные списки кандидатов, желающих поступить на службу, с сообщением сведений об их образовательном цензе и педагогическом стаже. Кроме того, В. Н. Светозарову удалось завязать связь с большой учительской карпато-русской организацией, насчитывающей около 1.000 чел. членов. Эта организация благожелательно и очень сочувственно отнеслась к вопросу помощи братскому русскому учителю-эмигранту и изъявила свое желание оказывать в будущем посильную помощь «Объединению» и «Союзу Русских Педагогов в Ч. С. Р.» в профессиональных учительских и культурных вопросах.

После всестороннего обсуждения на заседании Правления доклада, вернувшегося из Подкарпатской Руси В. Н. Светозарова, решено было начать хлопоты по устройству безработных учителей в центре, в Праге, и был принят конкретный план дальнейших шагов в этом направлении. Правлением было посвящено этому вопросу несколько заседаний совместно с проживающими в г. Праге членами Правления «Союза Русских Педагогов в Ч. С. Р.». В первую очередь была командирована особая делегация в составе Председателя Совета Пражской группы В. Т. Гонтаря и члена Правления «Объединения» В. С. Грабового в Министерство Народного Просвещения и к референту по делам Подкарпатской Руси в Совете Министров. Когда выяснилось принципиально благоприятное отношение высших инстанций к возбужденному ходатайству, Правление «Объединения» и Правление местного Союза сообща разработали особый меморандум, который был представлен специальной делегацией Министерству На-

родного Просвещения Ч. С. Р. К меморандуму были приложены прошения квалифицированных педагогов в количестве 35.

К глубокому огорчению, вошедший в силу в декабре мес. 1924 года закон о сокращении штатов правительственных учреждений, оборвал столь благоприятно начатую работу Правления. Все же Правление в тесном взаимодействии с местным Союзом продолжает вести работу в этом направлении и надеется, что в конце концов оно добьется благоприятных результатов.

Правление также обратило серьезное внимание на судьбу оканчивающих в нынешнем году свыше 50 слушателей Русского Педагогического Института в Праге, являющихся в подавляющем большинстве квалифицированными педагогами и состоящими членами Союза Русских Педагогов в Ч. С. Р.

Своим представителям в Югославии и Болгарии Правление дало полномочия ходатайствовать перед соответствующими лицами и учреждениями об определении на вакантные места в русских школах этих безработных учителей.

Второй большой работой Правления в минувшем году явилась разработка проектов «Положения об управлении эмигрантской школы», «О правах и обязанностях педагогического персонала и школьной администрации и т. д.». Во исполнение наказа 1-го Делегатского Съезда по этому вопросу, Правление всесторонне и детально разработало 8 Положений и Инструкций. Не ограничиваясь личным составом своих членов, Правление привлекло к этим работам всех членов Правления Союза Русских Педагогов, проживающих в Праге. Этой работе Правление посвятило около 10 заседаний и все свои материалы передало на обсуждение 2-му Педагогическому Съезду. Также, исполняя поручение 1-го Делегатского Съезда, Правление раз-

работало проект нормального устава учительской организации.

В числе заданий, предложенных 1-м Съездом Правлению, был также вопрос об организации Кассы Взаимопомощи и изыскание средств для нее. В тяжелых материальных и вообще безотрадных условиях эмигрантского существования русское учительство оказалось пока не в состоянии пойти на призыв Правления — вносить в кассу Правления небольшие отчисления от членских взносов для организации при нем Кассы Взаимопомощи. К настоящему времени следующие учительские организации известили Правление о принципиальном их согласии вносить определенный, в разных странах особый, % отчислений в Кассу Взаимопомощи, при Правлении: 1) Союз Русских Педагогов в Ч. С. Р., 2) «Объединение русских учителей в Финляндии» и 3) «Ковенское товарищество русских учителей». Невыясненная позиция в этом вопросе некоторых учительских организаций, определенный отказ, полученный от 2-х представителей «Объединения» — в Англии и Франции, и, наконец, согласие только трех организаций вносить взносы, — все это побудило Правление до настоящего времени вопрос об организации Кассы Взаимопомощи оставить открытым.

Предложение 1-го Делегатского Съезда организовать при Правлении библиотеку педагогического характера для обслуживания учителей местных Союзов получило реальное осуществление лишь в ограниченном масштабе. Правлением в течение этого периода приобретено около 80-ти томов книг, преимущественно методического и учебного характера, которые и составляют собственно библиотечку Правления. Право пользования книгами из этой библиотечки распространялось не только на Союзы, входящие членами в «Объединение», но касалось и отдельных учителей, обращавшихся за той или другой книгой в библиотечку. Так, свыше 20 выдач было произведено слу-

шателям Русского Педагогического Института в Праге. Система пересылки книг библиотечки из одного Союза в другой оказалась практически невыгодной и не достигающей поставленной цели, и от нее Правление посему отказалось. В последнее время книги для библиотечки вовсе не покупались. Пожертвование «Объединению» от члена Российского Земско-Городского Комитета В. В. Руднева 5 комплектов по 13 №№ журнала «Современные Записки» за прошлые годы дало возможность переслать эти книги в некоторые крупные учительские организации и этим положить основание к существованию библиотек в местных Союзах.

Учитывая острую потребность Русского учительства в ознакомлении с новыми достижениями педагогической мысли, Правление в течение истекшего периода, в пределах фактической возможности, рассылало на адрес представителей «Объединения» в разные государства выходящие из печати очередные №№ журнала «Русская школа за рубежом». В каждую страну высылалось по 1—2 экземпляров. Всего за истекший год вышло 4 № этого журнала.

Также были разосланы в некоторые Союзы 6 экземп. книги, издание Парижского «Земгора» — «Зарубежная Русская Школа».

Поступившая, после организационного Съезда русского учительства в Болгарии, от нового члена «Объединения», просьба помочь делу организации учительства вызвала решение Правления оказать таковую в отпечатании устава этой организации. Всего было отпечатано и переслано по назначению 455 экземпл. этого устава.

Также была удовлетворена просьба годичного Общего Собрания Союза Русских Педагогов в Чехословацкой Республике об отпечатании за счет «Объединения» 150 экзем. отчета о деятельности Правления Союза за 1924 год. Отчет был помещен в № 7 Бюллетеня Педагогического Бюро.

В качестве информации сейчас же после закрытия

заседаний 1-го Делегатского Съезда был помещен в наиболее крупных органах зарубежной русской печати отчет о работах Съезда.

В последней № 13—14 книжке журнала «Русская школа за рубежем» Правление поместило небольшой отчет о годичной деятельности «Объединения» и там же приведена справка о положении русского учительства в разных государствах.

Утвержденные Делегатским Собранием Уставы «Объединения» и Кассы Взаимопомощи были отпечатаны в количестве 200 экз. и частью разосланы во все входящие в «Объединение» учительские организации. Работая в тесном и дружеском контакте, как с Союзом Русских Педагогов в Ч. С. Р., так и с Педагогическим Бюро, Правление приняло все меры к осведомлению местных Союзов о задачах и программе работ 2-го Педагогического Съезда. Были с этой целью разосланы гг. представителям циркулярные письма, печатные программы и наказ Съезду. Также были разосланы для обсуждения в местных педагогических Союзах и группах проекты «Положения об управлении школой», «Положения о правах и обязанностях педагогических советов и администрации».

Правление «Объединения» явилось одним из инициаторов по организации дня «Праздника Русской Культуры» за рубежем. Его представители В. С. Грабовый и Н. Ф. Новожилов принимали участие в работах, как в Комиссии четырех центральных организаций, так и в Исполнительном Комитете, который был сконструирован для технического осуществления поставленной задачи. Может быть, отчасти благодаря циркулярно разосланным на места для русских учителей воззваний от Правления — получились отрадные результаты этого праздника в разных странах.

В области общественных и культурно-просветительных вопросов Правление старалось всегда использовать

открывающиеся перспективы для пропаганды Объединения, его задач и целей, его идейных и жизненно практических ценностей. Каждое культурное публичное событие давало возможность Правлению не только напомнить о существовании «Объединения», как о центральном Союзе организованного по многим странам эмигрантского учительства, но и являлось свидетельствованием перед широкими кругами русской и иностранной общественности о том, что русским учителям дороги принципы профессиональной организации и что они способны не только понимать необходимость защищать свои интересы, но умеют с честью отстаивать их. Когда осенью 1923 г. в Латвии распоряжением правительственной власти были отстранены от педагогической работы в школах 65 русских учителей, Правление послало Министерству Народного Просвещения энергичную просьбу об изменении принятого решения и о возвращении их на места.

Также, когда в Болгарии был отстранен от должности директора русской гимназии в г. Софии, известный на юге России педагог А. П. Стефанов, полученная Правлением информация побудила его войти с просьбой в Министерство Народного Просвещения и в Русско-Болгарский Комитет, в ведении которого находилась гимназия, о расследовании всего дела и сообщении Правлению истинных мотивов, послуживших причиной столь репрессивной меры, как увольнение чуть ли не в 24 часа от должности директора А. П. Стефанова.

В лице своего представителя в Педагогическом Бюро, заместителя Председателя Правления В. Н. Светозарова, «Объединение» имело ревностного защитника законных прав русского учительства на его доминирующее представительство на 2-м Педагогическом Съезде. Правление дало В. Н. Светозарову директивы защищать в Педагогическом Бюро при обсуждении наказа 2-му Съезду установленное им количество членов Съезда от русского учи-

тельства. После закрытия 2-го Педагогического Съезда, состоявшегося 6—12 июля 1925 года с удовлетворением можно сказать, что учительство было представлено на нем в той желаемой пропорции, на какую оно вправе было рассчитывать.

Юбилейные празднества, посвященные крупным историческим событиям или дорогим русской душе по культурной ценности людям, всегда имели от Правления «Объединения» своих представителей. Правление принимало участие: в чествовании памяти Петра 1-го, в чествовании 80-ти летнего юбилея русского писателя В. И. Немировича-Данченко, в открытии русского исторического общества в Праге, в чествовании 75-тилетия со дня рождения г-на Президента Чехословацкой Респ. Т. Г. Масарика.

Кроме желания получить исчерпывающие сведения по всем вопросам, имеющим какое-либо отношение к общему положению русского учительства в определенной стране, Правление, между прочим, заинтересовалось размерами и характером культурно-просветительной работы различных ученических организаций, как-то: ученических кружков, изданием ученических журналов и т. п. Довольно много, а именно, свыше 25 №№ ученических журналов Правление получило, как непосредственно от самих юных издателей, так и через посредство своих представителей в различных странах. Всего же было получено свыше 40 №№ журналов. На одном из заседаний Правление вынесло решение обработать этот ценный материал и поручило члену Правления Н. Ф. Новожилову приготовить по этому вопросу специальную статью для помещения в журнале «Русская школа за рубежом».

1925—1926 г.

(Из отчета о деятельности Правления Объединения за 1925—1926 г.).

В своей деятельности в 1925—1926 году Правление руководствовалось прежде всего целями Объединения,

формулированными как Организационным Собранием, так и прошлыми двумя Делегатскими Собраниями. Свыше, чем трехлетний опыт и задачи, выдвигаемые жизнью, являлись руководящими моментами в реальной работе Правления. Неодинаковость, своеобразие условий, среди которых находится русское эмигрантское учительство в разных странах, заставляли Правление попрежнему придерживаться принципиального невмешательства в местные дела профессиональных учительских организаций и охранять начала общественной работы, подчеркивая в надлежащих случаях чисто профессиональный и апполитичный характер идеи русского учительского объединения заграницей.

Процесс организования и сплочения в крупные профессиональные коллективы русских зарубежных учителей еще не закончился в некоторых странах. Неблагоприятные условия правового, материального и политического характера для русских эмигрантов в некоторых странах оказались настолько тяжелыми, что самые энергичные попытки и настойчивые шаги к объединению русских учителей в профессиональный учительский союз оказались до последнего времени безрезультатными. К таким странам в первую очередь приходится отнести Польшу, Румынию и Литву. В большинстве же стран идея учительских профессиональных союзов и идея Всеэмигрантского Союза таких Союзов, т. е. Объединения, не только глубоко проникла в сознание учителей, но и реализировалось в конкретные формы. В истекшем году вновь возникли и вошли в Объединение учительские Союзы во Франции и в Эстонии. Существовавшие раньше в разных странах Союзы продолжали дело собирания учительских сил и укрепления своих общественно-профессиональных позиций. По последним, имеющимся у Правления, данным объединение учителей в Греции близко к осуществлению, и 2 существующие там группы в Са-

лониках и Афинах, надо полагать в ближайшее время сольются в единый для Греции Союз русских педагогов.

С целью пропаганды идеи Объединения и для ускорения организования профессионального Союза во Франции, Правление сочло необходимым в июле месяце 1925 г командировать в Париж заместителя Председателя Правления В. Н. Светозарова, который своей информацией о деятельности и задачах Объединения, а также официальными и частными переговорами в Париже значительно ускорил дело организации Союза.

В минувшем мае месяце Правление, для закрепления связей с русским учительством в Болгарии командировало в г. Софию секретаря Правления В. С. Грабового, который явился на Педагогическом Совещании и на Делегатском Собрании местного русского учительского Союза полномочным представителем двух центральных педагогических организаций заграницей, — Педагогического Бюро и Учительского Объединения. Трудно разрешимая проблема создания единого для всей Югославии Русского Учительского Союза все время являлась предметом особых забот Правления. Согласно указаний Правления, Представитель «Объединения» для Югославии А. П. Петров имел ряд совещаний с видными представителями русских учительских групп, преследуя указанную выше цель — объединения всего русского учительства в одном Союзе.

На обратном пути из Болгарии член Правления В. С. Грабовый также пытался в специально созванном совещании представителей 3-х учительских организаций добиться соглашения по основному вопросу — создания единого Союза или объединения этих организаций в смысле координирования их действий при условии вхождения в центральное общеэмигрантское Объединение. К глубокому сожалению, эта проблема и до сих пор осталась неразрешенной.

В целях установления новых и закрепления старых

деловых и личных связей с представителями учительских организаций и с деятелями на культурно-просветительном и общественном поприще в разных странах мира, Правление совместно с Педагогическим Бюро командировало в августе месяце 1925 г. в Женеву на Международный Съезд о ребенке А. В. Жекулину, которая, выполняя директивы Правления, вела переговоры с представителями Международного Бюро труда при Лиге Наций гг. Джонсоном и полковником Проктером о возможности устройства безработных учителей на физические и иные работы, об изыскании средств на поддержку материально нуждающимся русским школам в разных странах и т. д.

В конце июля месяца прошлого года бывший представитель Объединения для Англии Н. А. Ганс, по поручению Правления принимал участие во всемирном конгрессе Школьных Ассоциаций в. г. Эдинбурге в Шотландии, на коем явился единственным представителем русской школы и организованного русского учительства за рубежем. Не выступая с докладом на общем Собрании, г. Ганс в частных беседах с гг. делегатами конгресса информировал их о состоянии русской эмигрантской школы и об условиях жизни и работы русского учителя за рубежом.

Правление, как исполнительный и центральный аппарат организованного в Союзы русского учительства в эмиграции, в меру своих средств и возможностей откликалось на все начинания и явления культурно-общественного и благотворительного характера, если таковые преследовали цели моральной помощи и укрепления авторитета «Объединения», как профессиональной и общественной организации.

Прежде всего приходится отметить, что Правление еще в прошлом году явилось одним из инициаторов повсеместного устройства празднования «Дня Русской Куль-

туры». В числе 4-х центральных эмигрантских организаций Объединение старалось привить широким массам русских людей за рубежом и, прежде всего, учительству идею соучастия в общенациональном русском культурном празднике. Прошлогодний опыт блестяще оправдался и в этом году организованием праздника в разных странах. Правление принимало участие в составлении воззваний и вело пропаганду идеи праздника среди других общественных и просветительных организаций.

Преклоняясь перед светлой памятью жертв мировой и гражданской войны, Правление не осталось безучастным к судьбе свыше 5.000 русских инвалидов и посильной лептой оказало поддержку Союзу Русских Инвалидов в день устройства ими их праздника в Чехословакии.

Признавая исключительную пользу и жизненную необходимость местных, в отдельных странах, Съездах русских учителей для обмена мнениями по профессиональным и педагогическим вопросам, Правление оказало посильную помощь, как материально, так и в форме моральной поддержки упоминавшимся выше Педагогическому Совещанию и Делегатскому Съезду в Болгарии.

Выполняя волю 2-го Делегатского Съезда Объединения, Правление увеличило ассигнование на приобретение книг журнала «Русская школа за рубежом» и выходящие из печати №№ этого журнала, рассылало безвозмездно в Учительские Союзы в количестве до 35 экземпляров каждого номера. Также пересылались в Союзы случайно поступавшие в Правление книги, как педагогического, научного, так и беллетристического содержания.

Признавая большую художественную ценность издания журнала «Перезвоны», Правление взяло на себя посредничество в распространении по льготной подписной плате этого издания, как среди учительства, так и вообще в различных общественных группировках русской эмиграции.

Значительно увеличилась издательская деятельность Правления в истекшем году по сравнению с предыдущими годами, хотя, по независящим от Правления обстоятельствам, главным образом технического характера, к сожалению, печатные издания еще не вышли из типографии.

Всестороннее обследование условий существования русской школы и русского учителя во всех странах дало Правлению такой материал, который позволил приступить к составлению специальных письменных и по определенному плану составленных обзоров по отдельным странам. Обзоры почти всех стран, включая и Дальний Восток, рисующие жизнь и работу русского эмигрантского учителя, статический материал, составят содержание сданной в печать книги под заглавием: «Русский учитель в эмиграции». Книга рассчитана на 180—200 страниц и выйдет из печати через 1—1½ месяца.

Из других, намеченных Правлением, изданий надлежит указать на сборник, куда войдут статьи, рисующие положение туземного учителя, формы и размеры учительского профессионального движения по всем странам Европы и крупным государствам Америки и Азии. К этому изданию уже заготовлен ряд статей по отдельным странам. Уже получены статьи из Англии, Болгарии, Чехословакии. В ближайшее время поступят статьи из ряда других стран. К печатанию книги Правление предполагает приступить осенью сего года.

По соглашению с Педагогическим Бюро Правление взяло на себя обработку той части материала для издаваемого 2-х томного труда — «О просвещении в Чехословакии», которая касается положения чешского учителя в Чехословацкой Республике. По размеру отдел Объединения предположительно займет одну треть всего издания. Материальных расходов по этому изданию со стороны Объединения не предвидится.

Для объективного осведомления общественных кругов и прессы в разных странах Европы о современном состоянии просветительного дела в Советской России, Правление соучаствует в издаваемом Педагогическим Бюро информационном Бюллетене и рассылает таковой во все входящие в Объединение учительские Союзы, а также отдельным лицам, имеющим связи с местной общественностью.

Из числа печатных изданий Правления приходится указать еще на отпечатанный в № 9 Бюллетеня Педагогического Бюро «Отчет о 2-м Делегатском Съезде Объединения», каковой был своевременно разослан по отдельным Союзам. Кроме того, Правление вынесло решение отпечатать за средства Объединения оттиски о деятельности Союза Русских Педагогов средних и низших школ в Чехословацкой Республике.

Участие в международной книжной выставке, происходящей сейчас в Праге, вызвало со стороны Правления ряд предварительных шагов и переписки, как с отдельными русскими учебными заведениями, так и с учительскими Союзами с целью получить необходимые экспонаты. Отдел Объединения, представленный учебниками и ученическими журналами, декоративными украшениями учащихся, судя по отзывам некоторых посетителей выставки, вызывает большой интерес и даже восхищение.

Из имеющейся при Правлении небольшой библиотечки книг научно-педагогического содержания удовлетворялись запросы некоторых учительских Союзов и отдельных педагогов.

Вопрос об устройстве на педагогическую службу безработных учителей составлял всегда особую заботу Правления. Неоднократные хлопоты в этом направлении, к сожалению, не дали заметных положительных результатов. Хотя надлежит отметить, что все же Правлению удалось дать педагогическую работу 7 учителям, каковые

и в данное время продолжают исполнять свои педагогические обязанности.

В самое последнее время в связи с некоторыми признаками изменения в благоприятную сторону взглядов ответственных руководителей Министерства Народного Просвещения Чехословацкой Республики на вопрос о предоставлении русским учителям мест в Подкарпатской Руси, Правление надеется, что новому составу Правления к осени, к началу нового учебного года, удастся устроить хотя бы несколько безработных в Подкарпатской Руси.

Также Правление не оставляло без внимания и Югославию, где, по сведениям полуофициального и частного характера, в данное время имеется около 140 вакантных учительских мест в сербских школах. Надо полагать, что предпринятые Правлением шаги в Югославии дадут хотя бы небольшой положительный результат.

Постоянный и испытанный представитель нужд и интересов русской эмиграции перед Правительством Чехословацкой Республики, полномочный министр по делам русских беженцев, доктор Гирса, в день празднования своего пятидесятилетия был приветствуем Правлением поднесением адреса. Господин министр заверил делегацию, что судьба русской школы и русского учителя являются первоочередными его заботами.

Правление также чествовало уехавшего в Латвию бывшего консула по делам русских эмигрантов в Ч. С. Р. доктора Черношека поднесением адреса.

3-го июля с. г. под председательством проф. И. М. Малинина в г. Праге происходили занятия 3-го Делегатского Съезда Объединения.

После информационных докладов с мест, сделанных гг. делегатами Болгарии, Финляндии, Франции, Польши, Эстонии, Югославии, Чехословакии, а также членами Правления о тех странах, делегаты от которых не имели возможности по разным причинам прибыть на Съезд, а именно: Латвии, Литвы, Англии, Греции, Германии и Италии, 3-й Делегатский Съезд утвердил годовые отчеты Правления о деятельности и финансовый, констатировал в общем рост русского профессионального учительского движения во многих странах, избрал новый состав Правления и Ревизионной Комисси на 1926—1927 год и преподал нижеследующие пожелания Правлению:

1) принять меры к получению с мест возможно чаще и полнее информационные материалы, как по учительскому движению, так и о школьных делах;
2) способствовать устройству книжных кооперативов и кооперативов по продаже канцелярских принадлежностей;
3) развивать дело организации подвижных библиотек;
4) принять меры к развитию касс взаимопомощи на местах;
5) о привлечении в число членов Объединения тех организаций в разных странах, которые еще не вошли в Объединение;
6) о привлечении в местные учительские организации тех педагогов, хотя бы и не работающих в школах, которые еще не состоят членами;
7) способствовать усилению на местах финансовых средств;
8) принять меры к возникновению на местах участия русского учительства в местной общественной работе;

9) отмечать юбилейные даты культурных деятелей России устройством специальных докладов, вечеров;

10) об изыскании средств для помощи больным и инвалидам педагогам, а также для устройства инвалидных домов в странах с низкой валютой.

Съезд закрылся вынесением благодарности Правительству Чехословацкой Республики за его разнообразную и большую помощь учителю и русской школе в эмиграции.

К 1-му июля 1926 года входили в «Объединение Русских Учительских Организаций заграницей» следующие учительские организации:

1. «Общество Русских Педагогов в Болгарии».
2. «Союз Русских Педагогов в Греции».
3. «Союз деятелей русской демократической школы на Балканах (Югославия)».
4. «Общество русских преподавателей в Королевстве С. X. С.».
5. Объединение русского учительства в Финляндии».
6. «Союз русских преподавателей в Германии».
7. «Союз русских педагогов средней и низшей школы в Чехословацкой Республике».
8. «Объединение русских учителей в Англии».
9. «Педагогический Совет русской гимназии в гор. Данциге».
10. «Профессиональный Союз русских учителей-эмигрантов в Эстонии».
11. «Союз русских педагогов во Франции».

Не входили в Объединение, но поддерживали постоянные письменные сношения с Правлением Объединения:

1. «Союз русских учителей в Латвии».

2. «Ковенское товарищество русских преподавателей».

3. «Варшавская группа русских учителей» (прекратившая ныне свое существование).

4. Несколько русских учителей в Италии.

3-й Делегатский Съезд Объединения, состоявшийся 3-VII с. г. в Праге послал приветствие Н. А. Рубакину, ныне директору секции Психологической Библиологии Международного Библиографического Института.

В его лице Съезд приветствовал одного из самых энергичных деятелей профессионального учительского движения в России и одного из организаторов Всероссийского Учительского Союза.

В ответ на это приветствие Правление Объединения получило следующее письмо:

«Искренне сожалею, что, находясь 3-го июля в Праге, я не имел случая узнать ни о дне, ни о месте, ни даже о самом факте Третьего Съезда Объединения. Знай я об этом, то непременно счел бы своим долгом хоть на несколько минут зайти на Съезд и провести их в учительской среде, всегда мне близкой и дорогой. Пожалуйста передайте мою горячую благодарность Объединению за его приветствие, которое я получил в самый день моего возвращения в Лозанну. Без «духа подлинной свободы и истинного демократизма», о которых говорится в полученном мною приветствии, глубоко меня растрогавшем, разумеется, не может никогда и нигде существовать не только просвещения, но и просветителей. В свою очередь приветствую от всей души Объединение Русских Учительских Организаций заграницей и желаю самого широкого

и глубокого успеха тому полезному делу, которое ими так настойчиво и самоотверженно делается.

Искренне уважающий Вас *Н. Рубакин*».

В безотрадных условиях эмигрантской жизни Объединение русских учителей живет и развивается, и можно и должно верить, что в дальнейшем при стабилизации эмигрантской школы во всех странах Европы, рост его пойдет не скачками, а планомерным темпом по пути к завоеванию и укреплению новых профессиональных и общественных позиций.

УСТАВ ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ УЧИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАГРАНИЦЕЙ.

1. Для защиты профессиональных интересов русских педагогов, проживающих заграницей, учреждается общество под названием: «Объединение русских учительских организаций заграницей».

2. Местопребывание Правления «Объединения» устанавливается Делегатским Собранием представителей учительских организаций заграницей.

3. Цели Общества:

а) объединение русских педагогов, проживающих заграницей, учет их, изучение условий их существования, проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению их материального и правового положения; б) представительство и защита интересов русских педагогов перед правительствами иностранных держав и перед общественными организациями русскими и иностранными; в) ознакомление русских педагогов с постановкой учебного дела заграницей и в России; принятие мер к участию русского учительства в работах конгрессов, созываемых заграницей для рассмотрения школьных вопросов и т. п.; г) оказание моральной, правовой и материальной помощи русским педагогам; д) заботы о предоставлении русским педагогам заграницей соответствующих занятий; е) защита чести и достоинства русского учительства; ж) всемерное содействие в предоставлении членам возможности продолжать свое образование; з) заботы об образовании заграницей как для детей русских педагогов, так и детей русских эмигрантов вообще; и) подготовка нового кадра русских педагогов...

4. Для достижения указанных в § 3 целей Объединение принимает следующие меры:

а) изыскание материальных средств; б) содействие к учреждению местных профессиональных учительских организаций; в) созыв профессиональных съездов и съездов для разработки вопросов обучения и воспитания; г) устройство на местах бесед, лекций, собраний, экскурсий и т. п.; д) устройство библиотек, читален, клубов, издание газет, журналов; организация научных и профессиональных курсов, школ и т. п.; е) устройство кооперативов, общежитий, столовых и других предприятий; ж) организация справочных бюро, бюро труда, устройство касс взаимопомощи, выдача субсидий, ссуд; з) организация помощи больным и престарелым педагогам и членам их семейств.

5. Материальные средства «Объединения» образуются:

а) из членских взносов; б) из пожертвований и ссуд; в) из доходов от предприятий, капиталов и имуществ Объединения и из случайных поступлений.

6. Членами Объединения могут быть учительские союзы, общества педагогов средней и низшей школы, а также группы учащих средней и низшей школы, насчитывающие в своем составе не менее 10 членов, принимающие настоящий Устав и признающие, что русская школа ни при каких условиях не должна обращаться в арену политической борьбы и служить орудием или средством политической пропаганды.

Примечание 1. Группы могут входить в состав Объединения в качестве членов лишь в случае отсутствия в данной стране организованного учительского союза или общества педагогов.

Примечание 2. Группы, указанные в настоящем параграфе, могут образоваться на разных основаниях (принадлежность к тому или другому типу учебных заведений, специализация, защита научных направлений в педагогике, взаимная материальная поддержка и т. п.).

Примечание 3. Делегатский Съезд, если признает необходимым, может назначать представителей Объединения в разных странах.

7. Учительские союзы и группы учителей, желающие вступить в члены «Объединения», делают о том письменное заявление Правлению с приложением устава своей организации и списка членов.

8. Вопрос о принятии в члены Объединения той или другой организации Правление решает в полном составе своих членов закрытой баллотировкой простым большинством голосов.

9. Члены «Объединения» — учительские союзы, педагогические общества и группы (§ 6) вполне автономны в решении всех местных вопросов.

10. Члены «Объединения» — учительские союзы, педагогические общества и группы (§ 6) вносят в кассу «Объединения» членские взносы, размер коих устанавливается Делегатским Собранием.

Примечание 1. В случае невнесения в трехмесячный срок, по окончании отчетного периода (см. § 14) членского взноса, член «Объединения» признается выбывшим из состава «Объединения».

Примечание 2. Правление «Объединения» имеет право освобождать от уплаты членских взносов те организации, которые не обладают достаточными средствами.

11. Члены — учительские союзы, педагогические общества и группы, — желающие выйти из состава «Объединения», должны письменно уведомить об этом «Объединение».

12. Члены «Объединения» — учительские союзы, общества и группы, — деятельность которых противоречит основным задачам и интересам «Объединения», — могут быть исключены из состава членов «Объединения» постановлением Делегатского Собрания по письменному предложению $^1/_3$ членов Делегатского Собрания и по заслушании письменных объяснений организаций, об исключении которых поднят вопрос.

13. Органами «Объединения» являются: Делегатское Собрание, Правление и Ревизионная Комиссия.

14. Делегатские Собрания бывают обыкновенные и чрезвычайные. Обыкновенные Делегатские Собрания созываются Правлением не менее одного раза в год для избрания Правления и должностных лиц, рассмотрения и утверждения отчета о деятельности «Объединения», годичной сметы, организации представительств в разных странах и решения всех вопросов и предложений, могущих быть возбужденными Правлением или членами «Объединения».

15. Чрезвычайные Делегатские Собрания созывает Правление по собственной инициативе, по требованию, изложенному в письменной форме, не менее $^1/_3$ членов «Объединения» или по предложению Ревизионной Комиссии.

16. О дне созыва и предметах занятий Делегатского Собрания все члены «Объединения» должны быть заблаговременно, но не

позднее как за месяц, извещены объявлениями в русских газетах и повестками.

17. Каждая организация, состоящая членом «Объединения» (§ 6), имеет право на участие в Делегатском Собрании путем посылки по одному делегату от каждых 20 членов.

Примечание. Организация, насчитывающая в своем составе менее 20 человек, посылает одного делегата.

18. Члены Правления и представители «Объединения» входят в состав Делегатского Собрания с правом решающего голоса.

Примечание. Члены Правления не участвуют в голосованиях по вопросам об утверждении отчетов о деятельности «Объединения» и финансового.

19. Делегатское Собрание считается законно-состоявшимся, если на нем присутствует не менее половины числа членов «Объединения» (§ 6). Если первое Делегатское Собрание не состоится за неприбытием достаточного числа членов, то Правление назначает вторичное Собрание, которое считается при всяком числе членов правомочным для решения всех вопросов, поставленных на повестку первого несостоявшегося Делегатского Собрания, за исключением вопросов, указанных в § 20 Устава.

Примечание. Сроки первого и вторичного Собрания указываются одной повесткой, причем вторичное Собрание назначается не ранее, как через три дня после срока созыва первого Собрания.

20. Предложения об изменении устава, исключении членов, или ликвидации «Объединения» могут быть рассмотрены и разрешены Делегатским Собранием при наличии не менее половины всех членов «Объединения».

21. Делегатские Собрания открывает Председатель или один из членов Правления. Делегатское Собрание избирает Председателя Собрания, Товарища Председателя, Секретаря Собрания, а также двух уполномоченных для подписания протоколов Делегатского Собрания.

Примечание. В президиум не могут избираться лица, входящие в состав Правления.

22. В Делегатских Собраниях решения принимаются простым большинством голосов, за исключением вопросов, касающихся изменения устава, исключения из числа членов (§ 12) и ликвидации «Объединения» (§ 33), для разрешения каковых требуется две трети наличного состава Делегатского Собрания.

23. Выборы, исключение из числа членов «Объединения» и установление размера членских взносов производятся закрытой баллотировкой.

24. Делегатское Собрание избирает из своего состава сроком на один год Председателя Правления, четырех членов Правления и трех кандидатов к ним.

25. Правление состоит из Председателя, Заместителя Председателя и трех членов Правления. Заместитель Председателя, Секретарь и Казначей избираются членами Правления из своей среды.

Примечание 1. Кандидаты к членам Правления участвуют в заседаниях Правления с правом совещательного голоса.

Примечание 2. В случае досрочного выбытия члена Правления из состава Правления на его место вступает кандидат, получивший наибольшее количество голосов. В том же порядке замещаются и временно отсутствующие по законным причинам члены Правления.

26. Заседания Правления считаются законными, если в них присутствует не менее трех членов Правления, считая в том числе Председателя или его Заместителя. Решения принимаются простым большинством голосов; при равенстве голосов — голос Председателя дает перевес (кроме случаев, предусмотренных § 8 настоящего Устава.

27. Правление ведает всеми делами «Объединения». Оно представляет «Объединение» перед всеми правительственными и общественными организациями; принимает новых членов; ведет списки их; заведует кассой; ведет счета и книги; составляет сметы; составляет и вносит в Делегатское Собрание отчеты; выдает доверенности на ведение дел «Объединения», назначает служащих в учреждения «Объединения» и приводит в исполнение все постановления Делегатского Собрания.

28. Управление учреждениями «Объединения» Правление может поручить отдельным членам Правления.

29. Все бумаги и документы, выдаваемые от имени «Объединения», подписывают Председатель и Секретарь Правления; чеки и денежные переводы — Председатель и Казначей.

30. Ревизионная Комиссия избирается Делегатским Собранием сроком на один год в составе 3-х членов и 3-х кандидатов к ним. Ревизионная Комиссия ревизует деятельность Правления и всех его органов и учреждений, для чего имеет право осматривать и проверять книги, документы, наличные денежные суммы; она предста-

вляет доклады и заключения Делегатскому Собранию по содержанию отчетов и смете Правления и имеет право делать предложения о созыве Чрезвычайного Общего Собрания.

31. Объединение имеет все права юридического лица и может приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество, нанимать помещения, открывать текущие счета и заключать всякого рода договоры на основании действующих законов.

32. Объединение имеет печать с надписью «Объединение Русских Учительских Организаций заграницей».

33. В случае постановления Делегатского Собрания о прекращении деятельности «Объединения», Делегатское Собрание определяет способы и порядок ликвидации «Объединения» и избирает для сего Ликвидационную Комиссию.

Подлинный подписали:

Делегат от Учительского Союза в Чехословакии, Председательница Правления «Объединения» *А. Жекулина.*

Делегат от Учительского Союза в Чехословацкой Республике, Товарищ Председателя «Объединения» *В. Светозаров.*

Представитель «Объединения» в Польше *Д. Сокольцов.*

Делегат от Чехословацкого Союза Член Правления *В. Ригани.*

Делегат от Отдела Средней Школы Академической Группы во Франции. *А. Ельчанинов.*

Представитель «Объединения» в Финляндии *К. Александров.*

Представитель от Учительской Секции при Союзе «Русский Земледелец» в Праге *Я. Даманов.*

Делегат группы учителей-эмигрантов в Латвии *Е. Тихоницкий.*

Делегат Союза Русских преподавателей в Германии *Н. Яковлев.*

Делегат от пяти педагогических советов гимназий Болгарии *С. Мордвинов.*

Представитель от Союза Учителей в Шумене *П. Соковнин.*

Представитель Общества преподавателей русских учебных заведений в Королевстве С. Х. С. *Ив. Малинин.*

Делегат от Чехословацкого Учительского Союза *Н. Ф. Новожилов.*

Член Правления «Объединения» *А. Петров.*

Делегат Учительской Секции при Союзе «Русский Земледелец» и член правления «Объединения» *В. Грабовый.*

Делегат от «Союза деятелей русской демократической школы на Балканах» проф. *В. Плетнев.*

УСТАВ КАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ ПРИ „ОБЪЕДИНЕНИИ РУССКИХ УЧИТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАГРАНИЦЕЙ“.

I. Цель учреждения Кассы и состав ее:

1. Касса учреждается для оказания помощи ее членам в тяжелых материальных обстоятельствах.

2. Касса оказывает своим членам помощь выдачей ссуд или безвозвратных пособий.

3. Членами Кассы являются все союзы и организации, вошедшие в состав «Объединения».

4. Участники Кассы при ее основании, а далее — при вступлении, дают подписку о своем согласии подчиняться всем постановлениям настоящего Устава.

5. Участие в Кассе прекращается:

а) В случае неуплаты членского взноса в течение трех месяцев.

Примечание. Для обратного вступления достаточно погасить недоимку.

б) В случае выхода союза или организации из «Объединения».

II. Средства Кассы:

6. Средства Кассы составляются из: а) ежемесячных отчислений в . . . % с членских взносов в местные союзы и организации; б) пожертвований, поступающих в Кассу от лиц, сочувствующих ее задачам; в) сбора с лекций, зрелищ и т. п., организуемых в пользу Кассы или с отчислением в ее пользу; г) случайных поступлений и вкладов; д) 10% отчислений от прихода Правления; е) процент на кипитал Кассы.

7. Каждый союз или организация, представляя в сроки, означенные Делегатским Съездом, ежемесячные взносы в Правление, одновременно прилагает и поименный список лиц, вошедших в состав Кассы.

8. Средства Кассы образуют ссудный и вспомогательный капиталы.

9. Вспомогательный капитал предназначается исключительно на выдачу безвозвратных пособий в экстренных случаях и составляется из отчислений в 30% от всех поступлений в Кассу.

10. Средства Кассы, за исключением сумм, необходимых для текущих расходов, вносятся для приращения процентами в кредитные учреждения или же обращаются в процентные бумаги или валюту, каковые ценности и вносятся на хранение в кредитные учреждения.

11. Обратное получение из кредитных учреждений, принадлежащих Кассе капиталов в денежных знаках или процентных бумагах, производится исключительно по требованиям Правления «Объединения» за подписью Председателя и Заведующего Кассой.

III. Счетоводство Кассы:

12. Для контроля сумм Кассы и точного определения прав каждого участника Кассы ведутся следующие книги: журнал бухгалтерии, книги оборотов обоих капиталов, книга личных счетов каждого участника Кассы — союза или организации.

13. В книги вносятся на основании общих бухгалтерских правил все поступления согласно § 6 настоящего Устава, и все выдачи ссуд и пособий, причем каждая запись должна быть подтверждена соответствующим приходным или расходным документом.

IV. Вспомогательная и ссудная работа Кассы:

14. Касса приходит на помощь участникам ее в зависимости от наличия средств в размере, определяющемся степенью нужды союза или организации.

15. Касса приходит на помощь участникам ее или ссудами, или же безвозвратными пособиями в зависимости от степени нужды или возможности произвести уплату участником ее в будущем.

> Примечание. Правлению «Объединения» предоставляется право, по рекомендации общественных организаций или двух лиц, известных Правлению, оказывать материальную помощь, но лишь в особо экстренных случаях также и отдельным преподавателям, которые по независящим от них обстоятельствам, не являются членами местных учительских союзов, каковы, наприм., лица, только что прибывшие из Советской России или живущие в стране, где нет учительских организаций. Размер этих субсидий не должен превышать 25% вспомогательного капитала Кассы.

16. Ссуды и пособия могут выдаваться участникам Кассы не ранее, как после двухмесячного пребывания членом Кассы.

> Примечание. Ограничения настоящего § не распространяются на членов учредителей Кассы и организации, записавшиеся таковыми в первый месяц возникновения Кассы.

17. Ссуды выдаются Кассою с начислением в пользу таковой 1% в месяц с удержанием впредь за весь срок ссуды.

18. Ссуды выдаются на сроки не свыше одного года.

Примечание. Отказ в выдаче ссуды Правлением не мотивируется.

19. Погашение ссуды может производиться участником как по частям, размер коих устанавливается Правлением «Объединения», так и единовременно.

20. Пособия и ссуды могут выдаваться Кассою в размере, максимум которого устанавливается Делегатским Собранием «Объединения».

V. Управление Кассы:

21. Управление делами Кассы осуществляется Правлением «Объединения».

22. Каждому делегатскому Съезду Объединения Правление обязано представить отчет за истекший период и приходо-расходные сметы на следующий период.

23. По заявлению не менее ½ союзов или организаций, а также по требованию Ревизионной Комиссии может быть созвано чрезвычайное Собрание Делегатов для рассмотрения специально дел Кассы.

24. Вопросы об изменении и дополнении настоящего Устава и вопрос о ликвидации Кассы правомочен решать Делегатский Съезд, представляющий не менее половины участников Кассы и большинством ⅔ присутствующих.

25. При выборах, а равно при решении вопросов личного характера, применяется закрытая баллотировка; в остальных случаях способ баллотировки определяется самим Собранием. При равенства голосов в случае открытой баллотировки голос председательствующего дает перевес.

26. Каждый участник Кассы пользуется в Собрании правом одного голоса. Постановления Собрания обязательны для всех членов Кассы как присутствующих, так и отсутствующих на Собрании. Постановления эти вносятся в особый журнал и подписываются председательствующим в Собрании, членами Правления и не менее как тремя присутствующими на Собрании участниками Кассы и скрепляются секретарем.

27. Для ведения бухгалтерии и делопроизводства Кассы Правлением приглашается по вольному найму особое лицо — делопроизводитель, он же и бухгалтер Кассы.

28. Для ближайшего управления делами Кассы Правление из своей среды избирает Заведующего Кассой, который в каждом засе-

дании Правления делает доклад о положении Кассы и произведенных операциях.

29. На обязанности Правления «Объединения» лежит: а) прием новых участников Кассы, б) наблюдение за своевременным поступлением в Кассу причитающихся ей взносов и платежей; в) составление годовых отчетов и баланса за минувший отчетный период и сметы на предстоящий год, для представления их на утверждение Делегатского Съезда; г) счетоводство Кассы и ведение бухгалтерии, д) покупка и продажа процентных бумаг, помещение капиталов Кассы в кредитные учреждения и обратное получение этих капиталов и прецентных бумаг в соответствии с постановлениями по сему предмету Делегатского Съезда, а также реализация купонов и контроль тиражей; е) определение размера и способа покрытия ссуд и пособий и выдача их; ж) принятие пожертвований, отказов по завещаниям и проч.; з) выдача на основании сего устава участникам Кассы подлежащих им сумм: и) вообще распоряжение всеми делами до Кассы относящимися и ведение всех иных финансовых операций.

30. Определения Правления могут быть обжалованы Делегатскому Съезду, постановления коего считаются окончательными.

VI. Ревизия дел Кассы:

31. Ревизию дел Кассы производит Ревизионная Комиссия «Объединения».

32. О результатах ревизии члены Комиссии делают отметки в обревизованных ими книгах и докладывают ближайшему Делегатскому Съезду.

33. Ревизионная Комиссия имеет право делать ревизию Кассы по своему усмотрению и по поручению Делегатского Съезда.

VII. Отчетность Кассы:

34. Отчет Кассы составляется на 1-ое июля и должен содержать в подробности следующие статьи: а) баланс Кассы; б) подробное объяснение всех счетов баланса (состояние счетов и обороты по ним); в) общий приход и расход за отчетное время; г) счет прибылей и убытков; д) счет выданных в отчетном периоде ссуд и пособий; е) сведения о числе союзов и организаций, вступивших в Кассу и выбывших из нее в течение отчетного периода; и ж) перечень процентных бумаг, принадлежащих Кассе, с указанием их наименования и нумерации.

VIII. Закрытие Кассы и ликвидация ее дел:

35. Закрытие Кассы может последовать, с соблюдением § 26 сего Устава, по постановлению Делегатского Съезда, избирающего для этого Ликвидационную Комиссию.

36. В случае ликвидации, все принадлежащие Кассе процентные бумаги, имеющиеся к данному моменту, обмениваются Правлением на наличные деньги. Могущая оказаться при ликвидации дел Кассы прибыль распределяется по личным счетам участников, пропорционально значащимся на этих счетах суммам, а затем каждому участнику выдается весь записанный на его личном счету капитал полностью.

37. Во всех случаях, не предусмотренных настоящим Уставом, Касса руководствуется общими законами государства на территории которого находится Касса как ныне действующими, так и теми, кои могут быть изданы впоследствии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга журнала

РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ № 21-22.

Содержание: *Сергей Карцевский.* Национализм в школе. — *А. А. Поляков.* Интернациональный Союз помощи детям. — Бар. *Н. Траубенберг.* Краткий очерк системы народного образования в Голландии. — *Н. А. Парманин.* Средняя школа во Франции. — Проф. *Н. М. Могилянский.* К идеологии и практике Сокольства в свете современности. — *Михаил Хрисогонов.* Художественная сторона рисунка в детском возрасте. — *Г. Любинская.* Что и как читать детям? — *С. Егунова.* К юбилею Высших Курсов Лесгафта. — *Н. Новожилов.* Всеобщее обучение в России. — *В. Г.* Пленарное собрание Педагогического Бюро. — *Бусанов.* О занятиях в русских юношеских кружках за рубежом. — *Е. И. Репьева.* Памяти В. А. Герда. — *С. И. Гессен.* Памяти П. И. Макушина. — *А. Т. Павлов.* Эллен Кей. — *Библиография* (рецензии проф. С. Гессена, А. Павлова, проф. В. В. Зеньковского, проф. А. В. Маклецова, М. Майстровича, С. Серополко, П. П. Милославского). — *Учебники и методики* (рецензии Н. Кнорринга, И. Верещагина). — *Книги для чтения детей и юношества* (рецензия Н. Новожилова). — *Д. И. Чижевский.* Юношеское движение в Германии за 1925—26 г.г. — *Н. А. Парманин.* Конгрес Французской Лиги Просвещения. — Французский Учительский Съезд в Страсбурге. — *В. Грабовый.* Делегатский Съезд Русского зарубежного учительства. — *Хроника.* (Сов. России, иностранная, зарубежная). — *Книги,* поступившие в редакцию. Всего свыше 200 стр. — Цена 30 ч. кр.

Главный склад издания: **Praha II., Ječná, 32, „PLAMJA“**

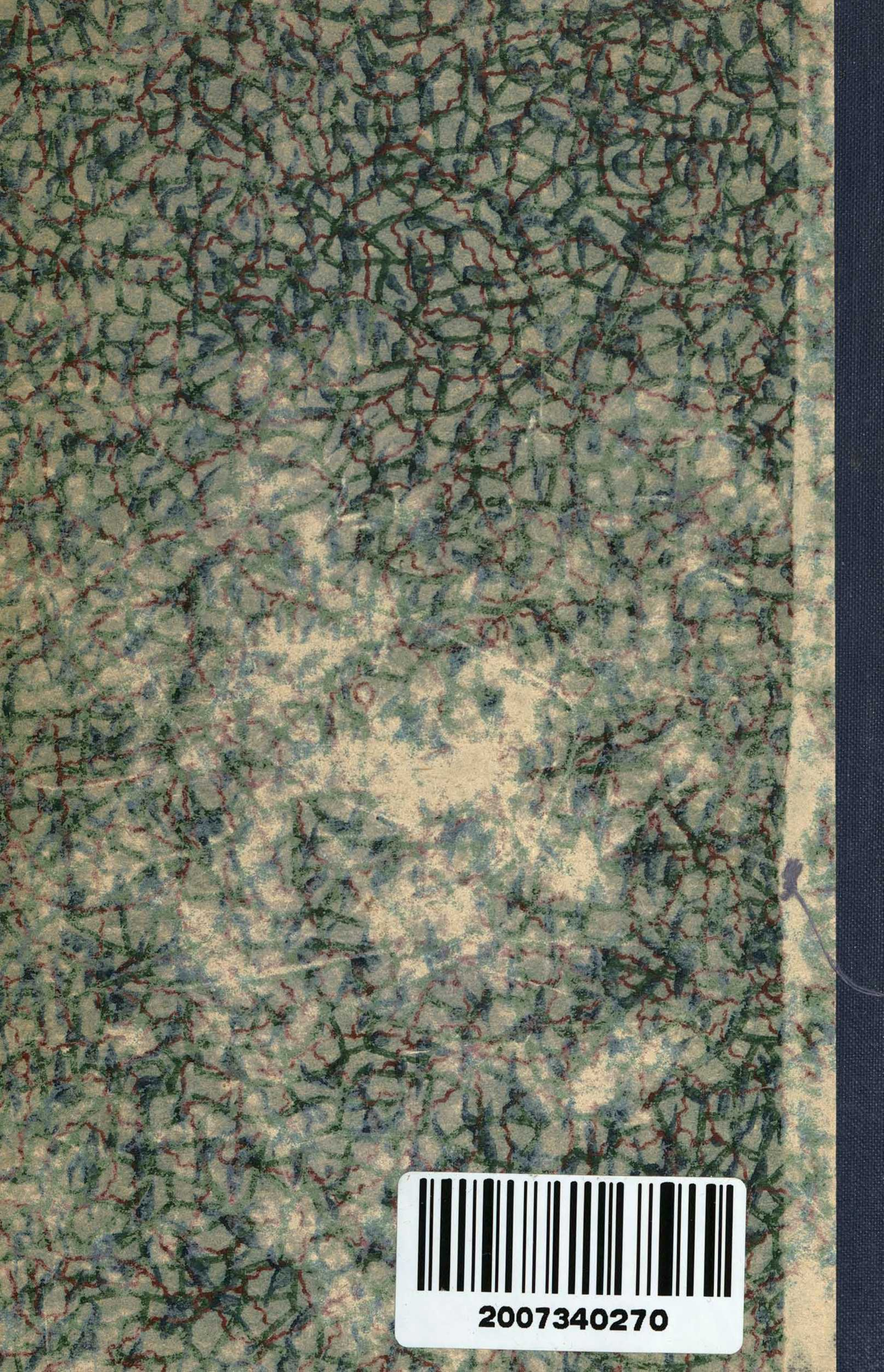
РУССКИЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (сущ. с 1923 г.)

Чехословакия, Прага II.

Русский Заграничный Исторический Архив собирает и хранит исторические материалы, представляющие ценность для изучения нашего времени.

Русский Заграничный Исторический Архив обращается ко всем с просьбой доставлять ему всевозможные материалы, относящиеся к общественному движению второй половины XIX и начала XX-го столетия, *Вел. войне, революции, гражданской войне* (время действий армии Колчака, Деникина, Юденича, Б.-Авалова, Б.-Балаховича, Пермыкина и др.) и *эмиграции* (редкие издания, газеты, журналы, брошюры, плакаты, отчеты, протоколы, различные документы, рукописи, воспоминания, дневники, записные книжки, сведения о погибших, биографические данные, фотографии, денежные знаки, рисунки, карикатуры и пр.).

Русский Заграничный Исторический Архив, выполняющий сейчас функции центрального хранилища исторических материалов заграницей, принимает на хранение и для разработки архивы русских организаций, учреждений и частных лиц. Русский Заграничный Исторический Архив всю свою деятельность осуществляет в духе полной научной объективности.

2007340270